

Италия

Литературно-художественный
и публицистический журнал

№ 4 (18) 2012

12+

Удмуртские бабушки. Фоторабота Мирелы Мазур. Польша.

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 4 (18) 2012

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»,
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

Валерий Александрович Никулин – председатель
Ольга Александровна Дегтева
Сергей Максимович Решетников
Егор Егорович Загребин
Александр Михайлович Ермаков
Олег Никитич Хлебников
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Анатолий Андреевич Строкин
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:

Валерий Александрович Никулин – главный редактор
Наталья Викторовна Варламова – заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина – главный художник-дизайнер
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 28.08.2012. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,44. Усл. печ. л. 16,32.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольников, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2012
© Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, 2012
© Авторы, постатейно, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА	
 Александр КОЛНОГОРОВ Прохладная рябь на утренней воде <i>Повесть</i>	4
Мария СИЛКИНА Без названия <i>Рассказ</i>	18
Рука <i>Рассказ</i>	19
В. <i>Рассказ</i>	20
Роман ЖУРКО Прелюдия к заблуждению <i>Рассказ</i>	22
Олег МАТИСОН День ангела <i>Рассказ</i>	24
Лев РОДНОВ Мухославск <i>Роман</i> (отрывок)	30
ПОЭЗИЯ	
 Руслан МУРАТОВ «Не боюсь тебя, Господи, а люблю...» <i>Стихотворения</i>	47
ближе	47
левая щека	47
2 лкм	48
надежде константиновне крупской	48
СИ	48
бескрылые	48
вишневое	49
радиола	49
буква «ф» на трех вершинах иллюзорности	49
№ 4	49
петля	49
Александр КОСТАРЕВ «И Черное море окажется красной строкой...» <i>Стихотворения</i>	50
Рейс Москва – Екатеринбург	50
«Ты помнишь, да, душа моя...»	50
«УрГУ. Курилка. Высокий час...»	50
«Под деревьями скамья...»	50
«Воздух, вкрапленья больших стрекоз...»	50
«Скала называется – Парус, поселок – Джанхот...»	51
«А мне сегодня, представляешь...»	51
«Я в детстве не любил ни суп, ни кашу...»	51
«Просидишь весь день за своим компом...»	51
«Когда-то я читал Ремарка...»	51
«Я пришел к ней с понедельника на вторник...»	51
«Господи, дай мне сил...»	52
«Как птица, залетающая в класс...»	52
«Это после никчемного дня...»	52
В Индии	52
Марина КАЦУБА «У любви тридцать три оттенка и пять сторон...» <i>Стихотворения</i>	53
Удобнее	53
История любви	53
Сугубо женские междометия	53
Как должно быть	53
Памятка дамам о сохранении свежести	53
«Утро пахнет табаком, лето – домом...»	54
«Все эти рифмы – патока...»	54
«Вот тебе мои буквы без рубашки...»	54
«Не выходить из дома...»	54
«Игра в игру, мой друг. Запомни правила...»	54
Кай	54
«Никому, друг мой, солнце не светит...»	54
Анна ТЕРЕНТЬЕВА «Непривычно звездам с левой стороны...» <i>Стихотворения</i>	55
Ночь	55
В пустоте	55
130521	56
Отключаюсь	56
Сезон охоты	56
130511	56
130524	56

	Татьяна УСТИНОВА-РАФТОПУЛУ «Приложу ракушку к уху...» Стихотворения	57
	Тайная отрада	57
	Литургия	57
	Жизнелюбец	57
	Раковина	57

	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
	Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА Архетип «кенос» в удмуртской литературе	58
	Людмила БУСЫГИНА Художественный мир Кузубая Герда	63
	Роза КИРИЛЛОВА Из национальных истоков О творчестве Нины Ядне	68

	РЕЦЕНЗИИ	
	Тамара ПАНТЕЛЕЕВА «Я опьянен могуществом любви...» О книге стихов Виктора Любимова	72

	ПУБЛИЦИСТИКА	
	Александра ТАМБОВСКАЯ Интеллигенты и образованцы	74
	Лев РОДНОВ Записки сироты	77
	Геннадий ПАВЛИХИН «Это было недавно, это было давно...»	81
	Александр ТОРОПЦЕВ О бранном русском слове	92

	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
	Николай МИТЮКОВ Юбилей, оставшийся незамеченным К 50-летию журнала «Моделист-Конструктор»	96
	Владимир МИХАЙЛОВ «Буду помнить лишь хорошее...» Стихотворения в переводе Анатолия Демьянова К 55-летию поэта	99
	«Нет в луготравье италмаса краше...»	99
	Размышления на перроне	99
	«Июльским полднем камень накаленный...»	100
	«Дорога торопится в горку...»	100
	«Когда вверху сомкнет круги несчастье...»	100
	«Казусы меня, бывало, метили...»	100
	Лековой	100
	Кузнечик-швец	101
	«Ничто не в силах помешать катиться...»	101
	Фотографии в рамках	101

	ПЕРЕВОДЫ	
	Галина РОМАНОВА Катярова изба Рассказ Перевод с удмуртского Надежды Кралиной и Галины Баженовой	102
	Виктор ШИБАНОВ Сонет Перевод с удмуртского Юлии Разиной	105

	КРАЕВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ	
	Илларион СОРОКИН И музы, и пушки Очерк любительского искусства. Воткинск. 1940–1945	106
	Наталья БЕЧКОВА Фронтальная судьба Михаила Сафронова	109

	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
	Наталья СУРНИНА Просвещенные любители Народная изостудия имени Алексея Павловича Холмогорова.	111

	ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО	
	Ирина ПРОКОШЕВА Записки из ниоткуда	114

	ФОТОИСКУССТВО	
	Андрей ГОГОЛЕВ Цель визита – любовь Фотоработы Мирелы Мазур	121

Александр КОЛНОГОРОВ

выпускник ГГПИ,
Глазов

ПРОХЛАДНАЯ РЯБЬ НА УТРЕННЕЙ ВОДЕ

Повесть

Когда поезд остановился, было еще темно, около шести часов утра. Проводница пыталась разбудить нас заранее, но торопиться нам было некуда – дальше поезд не шел. Я спустился с верхней полки и посмотрел в черное запотевшее окно, сквозь которое были видны только смазанные грязно-желтые пятна света от фонарей и окон крошечного вокзала.

Все пассажиры уже собрались, оделись и выстроились в проходе в очередь. Я сгреб постель в охапку, накинул сумку на плечо и начал расталкивать Альфа.

– Давай, вставай. Приехали уже.

Альф в ответ промычал и тяжело, грузно заворочался, так, что полка под ним закрипела. Я взял со столика недопитую бутылку воды, сделал глоток и убрал ее в сумку. Альф помычал еще немного и с большим трудом спустился на нижнюю полку. Он нащупал под подушкой очки с очень толстыми линзами, подышал на них, обтер краем своей огромной футболки, покрутил их в руках, определяя, где у них верх, и только потом надел. Прозрев, он быстро и грациозно для человека весом в сто сорок с лишним килограммов собрал вещи, постель, достал с верхней полки рюкзак, накинул на плечи куртку, сел на полку и наконец шумно вздохнул.

– Выпить там еще осталось че? – хрипло со сна спросил он.

Я достал из пакета последнюю неоткрытую бутылку пива и протянул ему. Альф уткнулся носом в этикетку, придерживая очки указательным пальцем, и, морщась, внимательно рассмотрел ее, затем открыл бутылку и сделал большой глоток.

В вагоне было чуть светлее, чем за окном. Лампы светили тускло и через одну. Пассажиры стояли в проходе, переминаясь с ноги на ногу. Выспаться я не успел, хотя ехали мы, кажется, часов девять, из которых восемь я пролежал, ворочаясь с боку на бок, слушая тревожный храп Альфа, иногда переходящий в стон, неглубоко проваливаясь в сон, после чего так же не полностью просыпался и засыпал снова.

Очередь двигалась судорожно и быстро – всем как можно скорее хотелось на улицу. Альф вышел, осторожно пробуя перед собой ступени ногой и придерживаясь одной рукой за поручень. Второй рукой он наклонял очки книзу и щурился, тщетно пытаясь разглядеть что-то в темноте.

Я вышел за ним следом.

На улице сыпал мягкий и приятный, как будто бы теплый снег. Люди быстро растворились на перроне в дверях и темных уголках вокзала. Небо было совсем черным, и никак нельзя было сказать, что сейчас уже утро. Я задрал голову вверх и глубоко вдохнул морозный воздух.

– Привет!.. – услышал я неподалеку.

Это был очень приятный, радостный женский голос, и он показался мне слегка знакомым. Как будто где-то я уже слышал его однажды. Оглядевшись, я увидел, что Альфа обняла и поцеловала в щеку невысокая девушка в черном пальто.

– Саша, привет! – повторила она, уже глядя на меня.

– Привет, – ответил я.

Она в один шаг подошла ко мне, неожиданно обняла, отчего я наклонился к ней, и поцеловала меня в щеку.

И тут же я понял одну очень важную вещь.

1

Лето того года выдалось странным. Я совершенно его не помню. Помню только обрывки, отдельные кусочки, перемешавшиеся друг с другом, с другими временами года других лет, с какими-то выдуманными или услышанными историями, со снами, с разговорами, со всем подряд.

Почти весь год я, взяв в институте академический отпуск, не делал ничего, кроме того, что каждый вечер покупал пачкупельменей, варил ее целиком и съедал за ночь, а на рассвете ложился спать. Это, пожалуй, единственное, что в течение года я делал регулярно. Это заменяло мне работу и подработку, институт, хобби и спортивную секцию.

Спельменями у меня всегда были непростые отношения. Дело в том, что в стандартной пачке их всего четыреста граммов. То есть если варить половину – ты не наешься. Если варить больше – ну, скажем, триста – тогда что делать с оставшимися ста граммами? Там их остается совсем мало, и когда ты в следующий раз захочешь поесть, это будет скорее травлей аппетита, чем едой. Есть отличный вариант, которым сегодня, когда со времени всех тех событий прошел уже не один год, я с успехом пользуюсь: класть в кастрюлю ровно столькопельменей, сколько тебе лет – по одномупельменю на каждый полный год. Но тогда мне было всего двадцать, и двадцатипельменей мне совершенно не хватало. Поэтому я нашел самый простой выход – варил всю пачку. А так как, остыв,пельмени становились невкусными, а хуже остывших и разогретыхпельменей может быть только остывшая и разогретая жареная картошка, которая натирает язык и царапает небо, когда, преодолевая резиновое безвкусие, пытаешься ее разжевать, я предпочитал съесть их все. И не оставлять на потом.

Моя комната была самой дальней от кухни, и надо было среди ночи ходить помешиватьпельмени, что мне, конечно,

очень не нравилось. Тогда я начал наливать в кастрюлю немного подсолнечного масла, чтобы они не слипались. Затем, когдапельмени всплывали, я брал один на ложку, дул на него и пробовал, готов он или нет. Он почти всегда оказывался готов, и я выключал газ, брал большую ложку с дырками (кажется, она называется шумовкой или сотейником, но я до сих пор называю ее именно так: большая ложка с дырками) и накладывалпельмени в тарелку. Затем я клал много майонеза. Если он был в пакете – я выдавливал его, стараясь покрыть им как можно большую площадь, если в ведре или банке – зачерпывал несколько раз, клал в тарелку, напельмени, и размазывал по ним, после чего перчил и ел. Иногда, когда мне было не лень, я брал глубокую тарелку (она, вроде бы, называется пиала), наливал туда немного уксуса, клал столовую ложку майонеза, закуски из хрена и помидоров, немного горчицы и перца и все перемешивал. Это – самое вкусное, с чем можно естьпельмени: накальваешь их на вилку, макаешь туда – и ешь. Вряд ли дляпельменей существует что-то вкуснее. Я бы наверняка знал.

Вы, наверное, удивляетесь, почему я так подробно рассказываю опельменях? Поверьте, это имеет огромное значение. Я останавливаюсь на этом не просто так. Это действительно важно. Чуть менее важно, кто я вообще такой и что, собственно, со мной было до всего того, что случилось.

В общем, я хочу рассказать вам одну историю, которая произошла со мной, когда мне было двадцать. Но я совсем не хочу писать автобиографию – кому это может быть интересно! Трудность в том, что любая мелочь, которую я могу забыть, может быть очень важной и оказать влияние на все произошедшее. А, возможно, и нет. Как теперь узнать? И как не упустить ее? Я бы и сам хотел во всем разобраться. Поэтому я и не знаю, с чего начать. У меня всегда так – никогда не знаю, с чего начать. Могу три часа просидеть над каким-нибудь важным делом, не зная, как к нему подступиться. Чаще всего, на четвертом часу, я просто забрасываю его или откладываю на потом. Но если начну – то остановиться не могу, все делаю и делаю, пока меня совсем в сторону не уводит. И вот только тогда я его окончательно забрасываю. Знали бы вы, сколько я просидел над этим абзацем! А ведь еще даже и рассказывать ничего не начал. Поэтому постараюсь как можно короче.

За год до этого я был студентом педагогического института, учился на филфаке. Представляете – каково это, когда ты один и вокруг тебя тридцать девчонок? А тебе

двадцать. Думаете, здорово? Ничего подобного. Ничего хорошего в этом нет. Впрочем, и ничего плохого тоже. Вообще, если подумывать, это не имеет никакого значения.

Почему я поступил именно туда? Это отдельная история, и, может быть, если останется время, я как-нибудь расскажу и ее. Но, наверное, я слишком забежал вперед. Начать надо еще раньше, за несколько лет до этого.

Учился я в обычной школе самого обычного маленького городка в сто тысяч жителей. Их, конечно, было немного меньше ста – тысяч, может быть, девяносто пять. Но все привыкли говорить, что их сто – так было как-то удобнее считать. Город этот я очень любил и люблю до сих пор, и к тому времени никуда не собирался уезжать. И, конечно, для меня он не был совсем уж «обычным». Он был для меня самым удобным городом, в котором от моего дома до школы, до института, до ближайшего магазина, до вокзала, до кинотеатра, до моста через реку и до центра города (где, как ни странно, и находился мост) было идти пять минут, а то и меньше. Спрашивается, зачем куда-то уезжать из такого места?

Но и это, наверное, я слишком тороплюсь. Начну с самого начала.

Родился я маленьким и худым весом в два с половиной килограмма и ростом в шестьдесят сантиметров. После одной из прививок, которые ставят новорожденным, я начал задыхаться и чуть не умер. Отца у меня не было, как почти у всех моих друзей (в нашем дворе всего лишь у двух ребят, с которыми я дружил, были отцы), и я даже выстроил на этом определенную теорию. Отца я видел только на двух старых черно-белых фотографиях, и все, что я о нем знаю, – что он носил усы. Если меня спросить о том, как я к нему отношусь, то я вряд ли буду задумываться над ответом: я отношусь к нему с благодарностью. У меня даже за счет огромного усилия не получается представить, как бы я мог воспитываться в семье с отцом. Это было бы для меня совершенно противоестественно. Если же вы меня спросите, хотел бы я с ним увидеться или нет, ответ будет еще проще: от моего желания уже ничего не зависит. Его нет в живых. Случилось это много лет спустя после моего рождения. Он с другом ехал в машине, и она внезапно остановилась на железной дороге перед самым поездом.

А еще я знаю, что где-то у меня есть сводная сестра примерно моего возраста, которой я никогда не видел. А, может быть, и видел, но не знал, что это моя сестра. А, может быть, даже разговаривал с ней – и не знал. Вот ведь как бывает.

Воспитывали меня мама с бабушкой. Бабушка всю жизнь проработала на «скорой помощи». По ночам она была на дежурстве, а днем сидела со мной. Таким образом, она не спала целых пять лет до тех пор, пока я не пошел в детский сад. В мои два с половиной года она научила меня читать: у нас был огромный двухтомник энциклопедии «Что такое? Кто такой?» старого издания, и каждый день она учила со мной буквы и читала мне статьи, показывала разноцветные флаги и черно-белые портреты и рассказывала о дальних странах и великих людях.

Мама всю жизнь проработала в институте и часто приводила меня туда, когда я был совсем мал. Многие преподаватели знали меня с самого моего младенчества (вот вам, кстати, и первая причина, почему я пошел именно туда). В три года я сидел на высоком стуле, мои ноги не доставали до пола, и бил маленькими кулачками по кнопкам печатной машинки. Я помню длинные темные коридоры, в которых почему-то никогда не включали свет, и огромные аудитории, которые казались мне настолько большими, что я часто представлял, что в них обычно стоят самолеты по несколько штук в ряд – просто сейчас их нет, потому что они улетели, и сегодня я опять не успел их увидеть.

В детский сад я ходил совсем недолго – меньше полугода, в старшую группу перед самой школой. Я никогда не мог уснуть в тихий час, потому что, воспитываясь дома, не привык спать днем и очень любил, когда бабушка приходила меня забирать после обеда перед тихим часом. Она приходила в сером пальто и серой широкополой шляпе, я видел ее издали, обычно поедая кашу или жуя булку с компотом, бросал все и бежал к ней. Это было самым ярким впечатлением того времени.

И вот еще два, кроме этого.

Впечатление первое. Неправильно написанная фамилия на табличке на моем шкафчике. Тогда я впервые увидел ее написанной с «М» вместо «Н», и это показалось мне ужасно смешным. Если б я знал, что в течение следующих двадцати лет никто и никогда не будет правильно писать ее с первого раза, я бы наверняка так не смеялся.

Впечатление второе. Девочка, которую на самом деле звали Света, но я почему-то не соглашался с этим и называл ее Ириной, а затем вдруг решил для себя, что влюбился. О ней я не помню ничего, кроме того, что она носила сиреневое платье, и одного единственного эпизода: она сидит на стуле и что-то держит в руках, а я сижу на полу неподалеку и смотрю на нее. И тут Виталик, который сидит рядом с ней, говорит:

«Света, ну отдай уже ему». Если б я знал: в течение следующих двадцати лет этот эпизод со сменой обстановки и действующих лиц будет повторяться несметное количество раз, а я так же буду сидеть в стороне, и от меня так же ничего не будет зависеть.

До сих пор не знаю, почему меня отдали именно в ту школу, где я учился. Ведь до нее было идти далеко (минут семь-восемь, а маленькими шагами первоклассника – и все пятнадцать), хотя совсем рядом с нашим домом чуть меньше чем в двух минутах ходьбы была другая школа – на этот раз действительно самая обычная. Однако все сложилось, как сложилось.

Эта школа гордо называлась гимназией, и со всеми будущими первоклассниками проводили собеседование. Там задавали странные вопросы, на которые ты должен был как-то ответить. А что ты можешь ответить, когда тебе семь лет? Мне дали листок бумаги и карандаш и попросили нарисовать «интересную сказку». Я, как смог, нарисовал человека, лежащего на кровати, и другого человека, сидящего рядом с ним. «Что это?» – спросили меня. Я ответил, что один человек рассказывает другому интересную сказку. Я не очень-то понимал, чего от меня хотят.

В школе было весело, но на уроках было скучно. Три класса начальной школы я проучился на пятерки, один раз даже получив стипендию в пять тысяч рублей. Не знаю, какие это по тем временам были деньги. Что девятилетний может сделать с пятью тысячами рублей? Я купил на них «сникерс» и тут же его съел.

Во втором классе к нам пришла новенькая девочка, и я, конечно, тут же в нее влюбился. На ней было платье в черно-красную клеточку, белые гольфы, а на правой щеке было небольшое коричневое пятнышко, на которое я смотрел весь день, думая, что это родимое пятно. На следующий день на ее щеке уже ничего не было.

Ее звали Таня. Не помню, как это все началось и кто первый написал записочку, помню только, что мы учились уже в третьем классе. Не помню я также, что в ней было написано. Возможно, просто «Я тебя люблю» – обычно я писал ей это. А, может быть, «что делаешь?», или «о чем думаешь?», или «напиши что-нибудь» – последнее она мне писала чаще всего. Зато я прекрасно помню, как на несколько минут я испытал такое счастье, какое никогда не испытывал до этого и которое в течение следующих двадцати лет испытаю лишь дважды. В конце урока перед самым звонком я получил от нее записку, в которой было всего два слова: «Я тоже». Я выбежал

из класса, сжимая в руке этот клочок бумаги, забежал в туалет и прыгал там всю перемену, кричал, и размахивал руками, и пинал стены ногой, оставляя на них крошечные пыльные следы.

В пятом классе я наконец-то понял, что домашнее задание делать не обязательно, и после этого окончательно бросил учиться. Впрочем, этим я никого не стараюсь удивить, потому что, я уверен, – так делали абсолютно все здравомыслящие люди.

Первого апреля у нас в классе было чаепитие, и в честь «Дня дурака» классная руководительница дала нам задание «подурачки одеться». Разумеется, дурачки одетым пришел я один. На мне были широкие мамины джинсы, футболка с негром-баскетболистом (которого я почему-то принял за певца) и серебряная цепочка поверх нее.

Чай я пил один, сидя в дальнем углу, насупившись и глядя, как Таня разговаривает с Сашей, самым высоким мальчиком в нашем классе, смотрит на него, не моргая, и смеется над каждым его словом. Вряд ли это как-то было связано с моим костюмом. Настоящая причина так и осталась для меня тайной. И если вы подумали, что я сейчас напишу: «Если б я знал, что в течение следующих двадцати лет...» – вы правы, именно это я и хотел написать.

Вскоре я узнал, что в нее влюблены все мальчишки нашей параллели. А они, в свою очередь, как-то узнали о содержимом наших записочек и насторожились. И, пусть со значительным опозданием, начали меня бить. На улице меня обкидывали снежками, в коридорах сбивали с ног и наваливались всей кучей. Особенный успех в этом нелегком деле снискали два моих одноклассника – Саша и Илья.

Саша был самый сильный и высокий – даже выше некоторых старшеклассников. Илья был самый умный и хитрый. Я знал, что у них обоих свои интересы, и сообщая они действуют лишь до той поры, пока у них есть общий противник в моем лице. Я знал, что когда со мной будет покончено, главная и окончательная битва развернется между ними двумя. Однако не успеет закончиться тот учебный год, как мы трое разом потеряем к Тане интерес и станем лучшими друзьями.

С девочками я был не слишком-то разговорчив. Да что там – я даже само слово «девочка» не мог произнести, не покраснев и не запнувшись. Поэтому первый раз, когда мы с Таней что-то сказали друг другу, случился спустя несколько лет, классе в девятом. Кажется, она попросила у меня ручку. Я протянул ей свою и зачем-то ответил: «На». Хотя мог бы и промолчать. Или

это был листочек? Уже не помню. Я вообще мало что помню из школьных лет.

Однажды я, уже семиклассник, купил на рынке раскладной нож-«бабочку» и принес его в школу. Очень долго тренировался доставать его одним движением и затем так же ловко убирать. Для этого нужно было совершить в воздухе кистью руки что-то наподобие «восьмерки». Ручка этого ножа была разделена надвое, и в каждой части был проделан желоб, в который убиралось лезвие. Первым движением ты откидывал верхнюю часть ручки, и лезвие выскакивало из желоба. Вторым движением ты поворачивал нижнюю часть и одновременно захватывал верхнюю. Получалось очень эффектно. Я ходил по школе, крутил ножом, доставая и убирая лезвие, хвастался перед одноклассниками и видел вожделирующую зависть в их глазах.

На одной из перемен мы с Ильей, как это часто бывало, боролись в коридоре. Я повалил его на пол и – в шутку – достал из кармана нож, покрутил в руке, открыл и занес лезвие над ним. Нам обоим было очень смешно. Илье, может быть, даже чуть больше – он слишком очевидно мне поддавался. Саша шел по коридору и увидел нашу борьбу издали. Он хорошенько разбежался и, думая, что мы его не видим, прыгнул на меня сзади. От неожиданности и под его весом я навалился на Илью, не выпуская из рук нож, направленный ему прямо в лицо. В самую последнюю секунду Илья успел убрать голову.

В десятом классе на дне дублера я вел урок английского у восьмиклассников. Моя обязанность заключалась в том, чтобы дать им задание и остаток урока сидеть за учительским столом, читая книгу. Я справился с этим блестяще. После звонка я встал и вышел из класса, не прощаясь и даже не поднимая взгляд. В дверях меня догнала девочка, ангелочек с белыми, длинными, вьющимися волосами, огромными зелеными глазами, и, глядя на меня снизу вверх, спросила: «Скажите! Скажите, пожалуйста!.. А как переводится «Would you fuck me for blow?»».

Было бы неправдой сказать, что я в нее тут же влюбился. Потому что влюбился я в нее задолго до этого. Разница в два года казалась мне огромной. Я ощущал себя шестидесятилетним стариком и даже написал про нее маленький глупый рассказик. Я не помню, как он попал к ней, – очень может быть, что я сам ей и передал. Она дала прочитать этот рассказик всем, кому только можно, начиная от самых младших классов и заканчивая, наверное, самим директором. И делала она это не с целью

посмеяться. Если бы! Она хвасталась. Рассказ, похоже, ей понравился, и она начала здороваться со мной в коридорах. Я, не понимая, что происходит, делал вид, что не замечаю ее, и отвечал ей через раз. К моему удивлению, надо мной вообще никто не смеялся, а наоборот, начали смотреть с пониманием и сочувствием. Иногда даже в знак признательности кивали, зажмуриваясь и закусив нижнюю губу. Все это удивило меня настолько, что вскоре мне уже не нужно было притворяться, будто я ее не замечаю.

А на последнем звонке я танцевал в платье. Когда вам нужно сделать так, чтобы все смеялись, а вы ничего не умеете, – возьмите парня и нарядите его в платье. Чем оно короче, тем смешнее. Это самый действенный способ. Вернее и тупее просто не существует. Желтое платье, на рукавах и подоле отороченное белыми кружевами, словно снятое с огромной куклы. Оно едва доходило мне до колен. Я даже не знаю, как я на это согласился. Впрочем, вру: знаю.

Мы с Ксюшей учились в одной параллели. Я мало с кем общался даже из своего класса, поэтому узнал о ней, только когда мы заканчивали школу. А в первый раз заговорил, когда мы уже почти ее закончили. То есть во время подготовки к последнему звонку. Когда на одну из первых репетиций принесли это идиотское платье, она тут же крикнула:

– А давайте Сашу!

Застегнула мне молнию на спине, сказала, что я «сладкий», и чмокнула меня в щеку чуть липкими губами. Стерва. Этого оказалось вполне достаточно. Я для выступления даже ноги побрил зачем-то. Видимо, чтобы правдоподобнее выглядеть.

В этом платье во время концерта я фотографировался за кулисами со всеми, из-за чего чуть не прозевал свой выход. Пленку ту, к счастью, засветили. Или порвали. Лично я сделал бы и то, и другое – чтобы наверняка. В общем, никто этих фотографий никогда не увидел. Однако, ходили слухи, что все снималось на видео. Из-за этого я до сих пор иногда плохо сплю по ночам.

Когда все закончилось, я, никого не дожидаясь, выбежал из прохладных коридоров Дома культуры на улицу, к воздуху. Был тихий вечер. Я купил в киоске банку минеральной воды и, открывая ее, сломал ключ, порезав себе большой палец, и внутрь накапало немного крови. Жаль, банка была непрозрачная, и я не мог видеть, как капли крови растворяются в пузырьках газа. Помню, это тогда очень меня расстроило.

Было самое начало очень жаркого лета. Позади тонула солнцем в горизонте одна

жизнь. Казалось, единственная. Впереди – через два месяца – где-то совсем далеко брезжила, как прохладная рябь на утренней воде, другая, совсем еще неизвестная.

Я написал Ксюше два письма – дурацких, детских и бессмысленных, как то желтое кружевное платье. Одно – на следующий же день. Второе – через неделю. Каждый день я надевал джинсовую рубашку, брал пакет, куда складывал исписанные кривым почерком листы, и шел гулять по городу. Сначала зачем-то доходил до школы, потом по другой улице доходил до центральной площади, сворачивал на набережную, иногда стоял какое-то время на мосту и по бульвару возвращался домой. Может быть, надеялся встретиться с ней. Может, хотел отправить письма. Хотя я даже ее точного адреса не знал. Однажды я даже решился ей позвонить. Понимал, что буду нести чушь. Так и вышло. Я помню только самое начало нашего разговора:

– Ксюша, привет.

– Привет.

– ...А я сейчас только Достоевского читал. «Белые ночи».

– Зачем?

Я не нашелся, что ответить. Долго молчал. Не помню, кто из нас первым положил трубку.

Последним нашим экзаменом был русский язык. Я нарочно сел с ней рядом. Она взяла сумочку, чтобы достать тетрадь и ручку, неловко открыла пенал, и оттуда случайно выпала распечатанная упаковка презервативов.

А письма те я так и не отправил.

2

В Москву мы приехали уже днем. Было очень жарко, и, выйдя из прохладного вагона с кондиционером, я тут же почувствовал, как весь медленно покрываюсь потом.

Ярославский вокзал показался мне почему-то даже слишком знакомым, хотя я был здесь второй раз в жизни. Саша помог мне дотащить до камеры хранения огромную сумку с тяжелым ламповым монитором и системным блоком и пошел на Ленинградский – до дома ему еще было ехать около часа на электричке.

Я сдал эту сумку и другую, со всеми вещами, заплатил за сутки, получил номерок и, задрав голову и жадно озираясь по сторонам, пошел вперед. Дорога от перрона до вокзальной площади была бесконечно долгой. Я шел и шел вдоль поезда, мимо людей с сумками, а вдалеке как будто бы даже не было видно горизонта.

Известно, что нет во всей России места более гадкого, тяжелого и неприятного, чем площадь трех вокзалов. В воздухе тя-

желым облаком висит запах шаурмы, жженой резины, высыхающей на жаре мочи, копоты, грязи, немых тел, голубей, машин и даже статуи Ленина. Повсюду в углах и у стен лежат бомжи в темнеющих пятнах луж, в самых истоках ручейков, бегущих по раскаленному пыльному асфальту, даже если дождя не было уже несколько дней.

Толпа людей занесла меня в метро, и перед самым входом на станцию меня будто обдало горячим паром. Метро внутри из-за грязных, выложенных кафелем стен было похоже на огромный общественный туалет, и даже в исчезающем в тоннеле поезде, если хорошенько прислушаться, можно было отчетливо услышать звук слива. Дышать было так же трудно из-за почти осязаемой взвеси в воздухе. Я вдруг вспомнил, что кто-то рассказывал мне о системе вентиляции в метро, как туда закачивается и выкачивается воздух, – и дышать мне стало еще труднее.

На эскалаторе я, как сказал почти сразу же надоевший мне баритон, встал с правой стороны. Ехал я очень долго. Все вокруг казалось мне слишком большим и слишком долгим – и в то же время каким-то чересчур обычным. Я стоял, мял в руках ручку от сумки, которую я снял с плеча и поставил себе под ноги, и рассматривал рекламные щиты по обе стороны эскалатора. «Город – единство непохожих», «Любовь к родине начинается с семьи», «Семья – один из шедевров природы», «Стране нужны ваши рекорды». Я положил руку на изрисованный штрих-корректором поручень эскалатора, и, пока я ехал, поручень то и дело уводил ее вперед, обгоняя меня, из-за чего мне приходилось поднимать руку и класть назад.

Первым делом мне нужно было добраться до дома. То есть до общежития. Я осознал, что теперь, после того, как я уехал из своего родного города, где прожил до этого почти ровно двадцать лет, дома у меня больше нет. Шестнадцать часов дороги в поезде я был бездомным. От «Комсомольской» до станции, где находилось общежитие, было три-четыре станции от кольцевой, а дальше – минут пятнадцать-двадцать пешком, но куда и в какую сторону – я понятия не имел. Тем было интереснее. Я спрыгнул с последней ступеньки эскалатора, когда она уже въезжала под пол, и влился в растекшуюся по вестибюлю станции толпу. Уехавший перед самым моим носом поезд на прощание трогательно дунул мне в лицо.

Из метро я вышел на перекресток. На лево тянулась, никуда не сворачивая, бесконечная, пугающе прямая улица. Через дорогу, на той стороне, толкались друг с другом палатки с дисками и пирожками,

лотки с шаурмой и курицей-гриль, пестрели уродливыми, выцветшими на солнце вывесками газетные киоски и ларьки с ворованными телефонами.

И я пошел направо по узенькой асфальтовой тропинке, которая проходила под рельсами, проложенными по мосту на холме, затем, расширяясь, пробегала по другому мосту над железной дорогой и куда-то сворачивала, незаметно переходя в широкий проспект. Впрочем, проспектом это называлось бы там, откуда я приехал, – в Москве же это была самая обычная, не самая большая и широкая улица. По ней медленно шли троллейбусы, останавливаясь через каждые двадцать метров перед колонной машин, тормозящих на светофоре.

Я шел вперед не торопясь и вертел головой по сторонам. Справа за бетонным забором рассыпалась промзона, слева – жилые дома с переделанными под магазины первыми этажами, затем огромный парк, по которому в одиночестве прогуливались молодые мамы с детскими колясками, а на скамейках молодежь пила пиво, иногда неловко пряча бутылки за спину или под скамейку.

Солнце светило и пекло что есть сил, и воздух был тяжел и пылен. Я шел, постоянно поправляя на плече сползающую сумку, мимо продуктовых магазинов, мимо почтового отделения, мимо палаток с фруктами, обгоняя уверенных прохожих, пока, наконец, не дошел до перекрестка, по другую сторону которого стояло крепкое семиэтажное здание из крупного серого кирпича. Перед зданием тянулся небольшой бульварчик со скамейками и клумбами. У крыльца на обочине стояли несколько автомобилей, один из которых был двухместный красного цвета. Рядом с входом висели две таблички: «Гостиница «Дом писателя» и «Общежитие Литературного института». Я открыл дверь за толстую ручку из влажного старого дерева и вошел. Дверь захлопнулась, и почерневшее от пыли стекло задребезжало.

В моей сумке были все нужные для заселения документы: справка по форме №86/у, копия полиса, копия паспорта и четыре фотографии три на четыре. Я показал это все вахтеру в стеклянной будке у турникета, и он пропустил меня внутрь, махнув рукой, куда мне надо идти.

Я прошел направо и сел в коридоре перед кабинетом коменданта. Тут, кроме меня, сидели три скромные девушки, две из которых краснели, улыбались и старались лишним раз не шевелить глазами, чтобы на кого-нибудь ненароком не взглянуть, и один молодой человек в очках, который мо-

ментально вызвал у меня желание набить ему морду. Он рассказывал о том, что только что вернулся из Лондона, не обращая ни к кому из нас в отдельности, но ко всей аудитории в целом – очевидно, это была тщательно отрепетированная театральная постановка. Он знал, что его слушают все, и поэтому не было необходимости говорить с кем-то конкретным.

Я рассматривал огромную карту Москвы с подписанными улицами, висящую на противоположной стене, и представлял, как я гуляю по этим улицам и как постепенно начинает темнеть, а я все иду и иду, и когда, наконец, становится совсем темно, я захожу в первую попавшуюся станцию метро и еду домой. И совсем уже перестал слышать, что происходит вокруг, как вдруг хлопнула дверь, я поднял голову, огляделся и понял, что очкастый уехал обратно в свой Лондон, стеснительные скромняшки растворились, и я сижу в коридоре совсем один.

– Здравствуйте, можно? – я приоткрыл дверь и заглянул в кабинет.

– Да-да. Заходите.

И я зашел.

3

С самой первой секунды я понял, что он гей. Здесь стоит пояснить. На самом деле я так никогда и не узнал это наверняка. Но дело в том, что это и не имело значения. Да и была ли какая-то разница – гей он или нет? Он мог быть кем угодно. Суть не в этом. Меня насторожило то, что он был слишком молод и слишком красив. Я даже не сразу понял, что я нахожусь у коменданта общежития. Он был слегка – и из-за этой легкости я почувствовал некоторую обиду – старше меня. Года на три или, может быть, на четыре максимум. Но разница между нами была огромной. Я смотрел на него в ожидании. Он смотрел на меня как на очередного абитуриента. На его столе стояла фоторамка, повернутая фотографией в его сторону. Я видел лишь подставку и ее заднюю часть. И то, что я не видел, кто на ней, доставляло мне значительное неудобство.

– Здравствуйте, – многозначительно сказал он.

Из-за этого я почему-то обиделся на него еще сильнее. Как будто он мог сказать что-то другое.

– Здравствуйте, – ответил я. – Вот.

Я положил на его стол папку со всеми документами, что у меня были, и в этот момент попытался взглянуть на фотографию в рамке. Мне показалось, что на ней был молодой человек. Но я очень плохо ее разглядел. Это могла быть и девушка. Кто их сейчас разберет.

– Да, хорошо, – не отрывая взгляда от монитора, он пробежался пальцами по содержимому папки.

– Комната семьсот пятнадцать, вот ключи. Пропуск сейчас сделаем, спуститесь, заберете. Белье в холле у лифта будет.

«И все?» – подумал я. Мне даже стало неловко и отчего-то еще более обидно. Я взял ключи – новенькие, блестящие, со старым потертым брелком из синей пластмассы, в который был вставлен кусочек картонки с надписью «715».

– И что мне теперь, все? Туда можно уже? – задал я непонятный для самого себя вопрос. Но он, сволочь, даже головы не поднял.

– Да, это седьмой этаж. Правое крыло.

Я не двинулся.

– Направо... – он наконец-то взглянул на меня. И зачем-то улыбнулся.

– Ясно. Спасибо, – сказал я, развернулся и вышел из его кабинета.

Здание было семиэтажным. Однако кнопок в лифте почему-то было больше, чем этажей. Я из любопытства нажал кнопку с цифрой «12». Но лифт все равно остановился на последнем – седьмом.

Перед тем, как приехать сюда, я много слышал об этом общежитии. Говорили, что здесь было очень много самоубийств. Будущие писатели и поэты прыгали с самых верхних этажей вниз. Некоторые выжидали. Наверное, именно поэтому было принято решение установить между этажами решетки. Если гений решит спрыгнуть – уже не он, а его пылкое намерение разобьется в пух о крепкую сетку-рабицу и суровую действительность. Хотелось думать, что эта мера была не напрасна.

Изначально, конечно, никакого лифта здесь не было. Его установили между лестничными пролетами много позже. Поэтому не было ничего удивительного, что вся шахта, как и сам лифт, были новенькими и чистыми. Шахта тоже была огорожена сеткой, сквозь которую виднелась поднимающаяся и опускающаяся на тросе блестящая кабина. Это было завораживающе. Я постоял минуту, наблюдая за тем, как двери медленно и плавно закрылись и лифт, куда не торопясь, поехал вниз.

«Направо», – вспомнил я коменданта и повернул туда, в правое крыло.

В коридоре было совсем темно. Я шел, поворачивая голову то влево, то вправо и разглядывая номера на дверях. На некоторых были приклеены листочки со странными рисунками шариковой ручкой. На одной черным маркером было написано слово «ДУМАЙ». Двери были выкрашены в серый цвет, и на всех были как будто специ-

альные отличительные царапины, по которым нужную комнату было найти проще, чем по номерам. По всему коридору с кухни разносился запах чего-то пережаренного.

Моя комната находилась в самом конце коридора. Я вставил ключ, повернул его, открыл дверь и вошел. Там было совершенно пусто. На окнах слоями лежала засохшая грязь. Рамы гнили уже давно, но очень благородно. Обои были содраны не до конца и ключьями свисали из обоих углов возле окна. Я стоял по колено в пыли на голом деревянном полу. В общем, я влюбился в эту комнату с первой секунды.

У одной стены стояла старая деревянная кровать с элегантно облупившейся краской на доске у изголовья. У другой – два железных каркаса двухэтажных кроватей. «По пятеро в комнату заселяют», – подумал я и бросил свою сумку на единственную одноэтажную кровать. Старый толстый матрас гостеприимно проглотил ее.

– Здравствуйте... Это комната... семьсот пятнадцать? – за моей спиной раздался очень негромкий, почти детский голос. – Здравствуйте, – зачем-то повторил он, хотя я его прекрасно расслышал.

Я обернулся. Передо мной стоял смуглый скромный юноша с темными волосами до плеч, перевязанными на лбу тесемочкой. Он был похож на сына лесковского Левши.

– Саша, – представился я, протянув руку.

– Паша, – ответил он, уже начав оглядываться. В его глазах я отчетливо увидел зарождение тревоги.

– Поэт, наверно? – неудачно попытался пошутить я.

– Совершенно верно, – серьезно ответил Левша.

– А ты тоже поэт?

– Нет, – случайно ответил я в рифму.

Из-за закрытых окон в комнате стояла духота, и в лучах солнца были видны летающие в воздухе пылинки. Осторожно ступая, как будто боясь проломить пол, я подошел к окну и открыл форточку.

– Так, ну как тут у нас? – услышал я за спиной еще один голос. Голос принадлежал высокому молодому мужчине с пышными черными усами. В руках он держал две большие сумки. Несколько секунд он осматривал комнату, затем поставил сумки на пол и негромко кашлянул.

– Ну что ж... – казалось, отец Паши тщательно и с трудом подбирает комнате комплименты. – Обои можно поклеить. Пыль протереть только – и все. Хорошая комната! Главное, что вдвоем. Кровати уберут, скажи... Ковер постелить можно...

Ковер, кстати, мы так и не постелили. Паша положил у кровати обычный поло-

вик, который кладут перед дверью, чтобы вытирать ноги. Тем же вечером его заблевал наш сосед из комнаты напротив.

А мне тем временем нужно было забрать сумки, оставленные в камере хранения. Я немного поговорил с Пашей и его отцом. Оказалось, что родом Паша из Орловской области (чуть не сказал – губернии). Я даже не удивился. Его отец уезжал вечером, впервые оставляя сына одного на произвол судьбы и старшего соседа. Рассказав, что тоже приехал из маленького города далеко отсюда, я добавил, что мне еще надо забрать кое-какие вещи, и ушел, цинично оставив их прибираться.

Нести две огромные сумки от вокзала до общежития мне пришлось одному. Добирался я часа два, шел очень медленно, постоянно останавливался, чтобы отдохнуть. Сумку с одеждой я закинул на плечо. Вторую, с компьютером, тащил, схватившись обеими руками. Тонкие ручки сумки резали ладони.

На город неторопливо опускался вечер. Солнце почти село, и жара спала, но воздух все еще был горячим, и идти было не сильно легче, чем днем. Я шел и никак не мог до конца поверить в то, что я сейчас иду по Москве. По самой настоящей, теплым летним вечером, один. От этого перехватывало дыхание. В моем кармане около пяти тысяч рублей, может быть, чуть больше – надолго ли их хватит? Что я буду есть сегодня вечером? Что я буду делать завтра? Как я теперь буду жить? Ни на один из этих вопросов пока у меня не было ответа. Но они и не были нужны. Все, что мне сейчас хотелось, – донести компьютер с вещами до дома. А потом – в душ. А там – будь что будет.

Когда я вернулся, Пашин отец уже уехал, а сам Паша, как я и ожидал с едва ощутимым стыдом, разгреб и убрал весь мусор, стер пыль, оторвал свисающие по углам обои и даже сделал небольшую перестановку. Стало очень уютно. Эта комната совсем уже не была похожа на ту, в которую я зашел днем. Два железных каркаса вынесли и взамен них принесли для Паши односпальную кровать с матрасом. Когда я окончательно убедился, что спальных мест в комнате всего два, я почти сразу же почувствовал, что все будет как нельзя лучше. К тому же на моей кровати уже лежало чистое постельное белье.

– Вот здесь надо будет рисунок нарисовать, во всю стену! – сказал Паша, показывая рукой на стену над своей кроватью, куда он уже повесил несколько постеров и фотографий. – Обои поклеим, и потом я нарисую! – он сидел на кровати, подобрав под себя ноги. – Птицу какую-нибудь можно! И

надпись.

– Ага, – согласился я. И почувствовал, что начинаю испытывать необъяснимое спокойствие. Я поставил сумки возле кровати и распахнул окно настежь. Вечерняя свежесть хлынула в комнату.

– А вот этот стол для компьютера твоего! Я подумал, тут самое оптимальное ему. Но если хочешь, переставь, конечно!

Стол Паша поставил у самого окна, посередине, чуть ближе к моей кровати. Передвигать его я не хотел.

– А я вот за тем буду сидеть и писать, за маленьким, – сказал он, кивая подбородком на второй столик. – Не нужен ведь он тебе?

– Думаю, что нет. Мне и так отлично.

Я стянул с себя кеды, с разбега прыгнул на свою кровать, заложил руки за голову, закрыл глаза и глубоко вдохнул уже начинающий остывать воздух с улицы. «Все будет хорошо», – подумал я. И сразу же заснул.

4

Проснулся я в темноте. Паши в комнате не было. Я не знал, сколько я проспал и утро сейчас или вечер. На часы смотреть не хотелось. В коридоре ходили и разговаривали. Кухня находилась прямо напротив нашей комнаты, и запахи пельменей и чего-то горелого пробивались через тонкую щель света под дверью, смешиваясь с пропитанным выхлопными газами воздухом с улицы и слабым ветерком, дующим из открытого окна.

У меня все чесалось. И спутавшиеся из-за жары волосы, и живот, и особенно – внутренняя сторона бедра. Я привстал на кровати, повертел головой, разминая шею, потер глаза и потянулся. На полу стояли неразобранные сумки. Я даже не знал, где здесь включается свет.

Сначала нужно было помыться. В темноте я открыл сумку с вещами, нащупал шампунь и полотенце, затем с полминуты постоял у окна, глядя на огоньки машин, проезжающих внизу, и вышел в коридор. Где находится душ, я тоже не знал. Спросить было некого – коридор был пуст, и на кухне с газовых плит на меня лишь бурчали кастрюли и шипели сковородки.

Я решил идти вдоль всех коридоров этого крыла по всем этажам и искать двери без номеров комнат, по пути заглядывая в кухни и туалеты. Я не был уверен, есть ли душ хоть на одном этаже. В подвале, скорее всего, он точно был – коллективный, как и во всех общежитиях. Но видеть голых мужиков мне пока что не очень хотелось.

Одна дверь без номера на моем этаже была заперта. Я вышел к лифту на лест-

ничную площадку и начал спускаться вниз. В пролете между этажами курили несколько парней и девушка, судя по всему, старшекурсники. Когда я проходил мимо, один из них сунул сигарету в рот и, деловито прищурившись, протянул мне руку. Я поздоровался, не взглянув на него, и пошел дальше вниз по лестнице.

На шестом этаже играла музыка, было приятно светло, и весь этаж выглядел более ухоженным, чем наш. Свежая краска на стенах, чистый пол. Мне даже показалось, что пахнет какой-то туалетной водой.

В самой середине коридора, в том же месте, где на моем этаже находились раковины, здесь в отдельном помещении в ряд стояло несколько стиральных машин. Напротив них находилась чуть приоткрытая дверь. Я включил свет, открыл ее и вошел. Там были две душевые кабины со шторами, разделенные не доходящей до потолка стеной. Я разделся, повесил одежду на крючок, встал под душ и включил воду.

Стоя с намыленной головой под чуть теплой водой, я старался не пытаться понять, что сейчас со мной происходит. Мне всегда было тяжело находиться вне дома. Особенно трудно было ложиться спать. Заснуть, сильно устав или напившись, я мог где угодно. Но именно ложиться спать – то есть подготовиться ко сну, умыться, почистить зубы, расправить постель, лечь, выключить свет и лежать в полной темноте, укрывшись чужим одеялом, – для меня было сродни пытке. А дома, между тем, когда-то все было идеально. Нужной яркости свет, удобный стул. Можно даже ходить голым. Ну, в одних трусах. В общем, как сейчас. Только в трусах.

И в этот момент в дверь постучали. Я, намыленный, вышел из душевой кабинки и открыл дверь. Передо мной стояла девушка в халатике, едва доходившем ей до колен. В руках она держала прозрачную косметичку с шампунем, гелем для душа, мочалкой, зубной пастой, щеткой и еще чем-то, неизвестным мне. На ее плечах висело большое розовое полотенце.

– Привет, – сказал я.

– Здравствуйте, – немного помедлив, ответила она.

Я не сразу сообразил, что, возможно, мне надо прикрыться или хотя бы частично спрятаться за дверь.

– Заходи, – вместо этого сказал я, приоткрывая дверь и оглядываясь в поисках своего полотенца.

– Ты кто?

Я не знал, что на это ответить. Полотенца нигде не было.

– Я попозже найду, – сказала она, пятясь,

и так и скрылась в коридоре, не разворачиваясь, спиной вперед.

Полотенца все еще нигде не было. Только тут я понял, что забыл его в комнате. И почти сразу же увидел в мусорном ведре в углу использованную прокладку.

Я встал обратно под душ, смыл шампунь и еще немного постоял под струйками. Вытираться было нечем. Я обмотался футболкой, взял джинсы в одну руку, носки с шампунем в другую, сунул ноги в кеды и вышел в коридор.

Правое крыло шестого этажа оказалось полностью женским.

В комнате я переоделся в домашние шорты и старую выцветшую футболку с оттянутым воротом. Разобрал сумки, достал компьютер, поставил его на стол и подключил, постелил на кровать чистое белье. Оказалось, что для комфорта мне нужно намного меньше, чем я предполагал. Сев на старый деревянный стул за компьютер, я почувствовал себя почти дома. Я погасил верхний свет, который всегда терпеть не мог, и включил Пашину настольную лампу. Заняться мне было совершенно нечем.

Я полулежал на кровати и вертел в руках телефон, когда в комнату вошел флегматично-довольный Паша с усталой полуулыбкой (позднее я узнаю, что это его обычное выражение лица). За ним зашли еще двое.

– Саша, это наши соседи, – сказал он, еле слышно гнусава. – Эмиль и Дима. Это Саша, мой сосед.

Я зачем-то хмыкнул, машинально дернув правым уголком рта. Им всем было по семнадцать-восемнадцать лет, я был на два-три года старше. Я думал, что они хотя бы пива принесут. Но чем дольше я разглядывал наших гостей, тем больше убеждался в том, что никакого пива сегодня не будет.

– Садитесь, я чайник поставлю, – сказал Паша, прочитав мою мысль.

Эмиль был худым поэтом невысокого роста с тонкой длинной шеей и в больших очках прилежного мальчика. Он носил очень сложную татарскую фамилию, которую я так и не запомнил. Эмиль говорил очень редко и почти всегда по существу.казалось, что он всегда тщательно обдумывал свои слова, лишь бы не ляпнуть что-нибудь невпопад. К тому же, как выяснилось впоследствии и что стоит отметить особенно, у него у единственного из всех нас был холодный дилник.

Дима был коренастым и крепким, с короткими светлыми взъерошенными волосами и чуть вздернутым носом, похожим на пятачок. Он был больше похож на боксера,

чем на поэта. Дима очень гордился своей фамилией «Преображенский» и лелеял над своей кроватью трогательно потертую старую фотокарточку Бродского. Дима не в пример Эмилю говорил слишком много и почти все впустую.

Они сели на Пашину кровать и стали оглядываться, стараясь, как мне показалось, не смотреть на меня.

– А ты на прозу поступил? – спустя полминуты спросил Дима.

– Да, – ответил я, подняв взгляд с выключенного телефона.

– А мы в соседней комнате живем. Приходите в гости в любое время к нам! Посидим. Чай попьем. Здорово здесь, вроде, да? Я сразу подумал, как хорошо, что по двое заселяют! Раздолье! Метро недалеко. Ну, минут пятнадцать идти, двадцать, но недалеко. Эх, все-таки, как хорошо жить!..

Меня спас Паша.

– Пойдемте в семьсот двадцатую, – тихо сказал он из коридора, чуть приоткрыв дверь, даже не заходя в комнату.

– А кто там? Девчонки? Пойдемте! У меня где-то была бутылка вина, – вскочил с кровати Дима.

– Там живут еще двое наших. Все остальные в этом крыле – сотрудники, гражданские или из «вышки», – сухо констатировал Эмиль. – Или девушки, – добавил он, сглотнув.

Дима сел, мгновенно пожалев о том, что так рано рассказал про бутылку вина.

– Владимир и Петр, – серьезно сказал Паша. – Нас пригласили и ждут. – И закрыл дверь.

5

Владимира в комнате не оказалось. Впрочем, Петра, можно сказать, тоже. Он как будто существовал автономно от всех, в параллельном измерении. Петя был очень странным в сравнении со всеми остальными обитающими здесь молодыми писателями и поэтами. У него было лицо ребенка и серийного убийцы одновременно. Он поминутно и по любому поводу повторял слово «насос».

– Не, ребят, это насос, – сказал Петя, бегло взглянув на нас и тут же отвернувшись. – Полный. Полный насос. Петя.

Я даже не понял, что он только что представился.

Их комната была настоящей мужской берлогой. Казалось, что они просто въехали сюда и разбросали по углам все свои вещи. На этом обустройство жилища закончилось. Я посчитал кровати и пришел в недоумение. Их почему-то было ровно три.

– А вы втроем живете? – опять прочитал Паша мои мысли.

– Втроем, – вяло отозвался Петя.

– Странно. А все остальные по двое.

– Судьба, – сказал Петя, развел руками и стал ходить по комнате.

Мы сели на свободную кровать, и тут же в комнату зашел еще один молодой человек.

– Привет всем! – сказал он громко низким голосом. Молодой человек поздоровался за руку со всеми, каждому представляясь:

– Никита! Очень приятно.

У него были живые глаза и темно-русые волосы, уложенные в почти гоголевскую прическу.

Петя в это время стоял и просто смотрел в стену. Дима с Эмилем молча сидели на кровати. Эмиль смотрел на всех по очереди, а Дима, закатив глаза, слегка шевелил губами, делая вид, что уже сочиняет очередное стихотворение.

– А где Вова? – спросил Паша.

– В магаз пошел, щас придет, – ответил Никита.

И тут пришел Вова. Он держал в руках огромный полиэтиленовый пакет из супермаркета, заполненный до краев и почти касающийся пола. В пакете звенело и шуршало. Вова широко улыбался и, казалось, был абсолютно счастлив.

– Привет всем! – объявил Вова сквозь улыбку. Позади него стояли две девушки. Аня была маленького роста, с короткой стрижкой и добрыми и покорными, чуть жалобными глазами. Про Марусю говорить намного сложнее. Она была, что называется, «страшненькой». Из-за резко очерченных скул и выдающейся вперед челюсти казалось, что ее череп как будто забыли обтянуть кожей. Коротко постриженные ногти были покрашены ядовито-красным лаком. Когда она открывала рот, он казался неестественно большим. Впрочем, и когда не открывала, – тоже. Девушки стояли в проходе, переминаясь с ноги на ногу, будто ждали какого-то императива.

Вова купил вареную колбасу, сыр, нарезной батон, пакет майонеза, два литра сока и, конечно, литр водки. Он поставил пакет на пол, достал одной рукой запотевшую бутылку, а второй – коробку с соком и торжественно улыбнулся всем присутствующим. Сейчас Вова – смуглый, черноволосый, с еле заметно пробивающимися седыми волосами (в двадцать с небольшим!), с обжигающими карими глазами, в узких черных джинсах и неизменном пиджаке на футболку или свитер. В тот день, когда я впервые увидел его, все было тем же самым, кроме волнующей прически. Тогда он был очень коротко, почти наголо острижен под

машинку. И пока еще не было седины.

Пили мы втроем – я, Вова и Никита. И девушки – они намешали себе «отвертки» где-то один к трем. Петя сначала просто лежал на кровати с книгой, потом отвернулся к стенке, после чего, наконец, встал и просто ушел из комнаты. Я абсолютно уверен, что это не было демонстративной обидой – даже если бы никого из нас не было в комнате, он сделал бы то же самое. Эмиль с Димой принесли из своей комнаты по бутылке пива и пили, каждый свою бутылку, весь вечер. Приглядевшись, я заметил, что пиво безалкогольное. Аня с Марусей нарезали бутерброды. Паша пил чай и по очереди смотрел на всех добрым и дружелюбным взглядом.

– Давайте бахнем. За знакомство! – сказал Вова.

Мы чокнулись прозрачными пластиковыми стаканчиками и выпили. Я откусил от кусочка колбасы. Никита запил соком. Вова просто поморщился и вытер рот запястьем.

Вечер наступил очень быстро. Никите позвонила знакомая девушка, и он ушел к ней. Пети по-прежнему не было.

Больше всех говорили Вова и Маруся. Остальные молчали и слушали. Выяснилось, что Вова родом из Ржева, и кто-то из присутствующих назвал его поручиком Ржевским. Было слишком очевидно, что Вова слышит это каждый раз, но надо отдать ему должное – он смог даже сдержанно улыбнуться. Вова сказал, что он однажды выиграл городской турнир по анекдотам про поручика Ржевского, и все вдруг решили посоревноваться, рассказывая их друг другу по очереди.

Маруся в это время, сидя на соседней кровати, что-то увлеченно рассказывала Павлику. Анекдоты, которые рассказывал Вова, я все знал (впрочем, и он мой – тоже), поэтому краем уха до меня доносилась отрывистая марусина речь. Говорила она громко и вздохом, отчаянно жестикулируя.

– ...и вот! Ты представляешь? Второй год подряд. И одного балла, как всегда! Всегда одного балла не хватает. Но это ничего. Я поступлю. Хочешь, басню расскажу?

Маруся рассказывала о том, что мечтает стать актрисой и второй год подряд поступает во ВГИК. Но пока никак не получается. Глядя на нее, я не сомневался, что с таким напором уже в следующем году мы не будем учиться вместе. Так, впрочем, и вышло.

В какой-то момент Вова поднялся с кровати, взял стул, поставил его в центре комнаты, забрался на него и прочитал стихотворение. Там было что-то про гномов.

Стихотворение оказалось собственным сочинения. Затем он слез со стула, налил и выпил, опять не закусывая. После этого, немного помявшись, на стул взобрался Дима, за ним, стесняясь, – Паша. Каждый прочитал что-то из своего. Дима слишком старался – это было заметно – и оттого читал слегка фальшиво. Паша наоборот держался очень скромно, чем и очаровал. Попытались уговорить и Эмиля, но он так и не согласился. Стихотворение Вовы оказалось лучшим.

Постепенно водка закончилась, и Вова, улыбаясь и подмигивая мне, достал из-под кровати большую пластиковую бутылку плохого и дешевого пива. Даже не глядя на срок годности и не пробуя, я мог сказать, что оно просрочено. Где-то на середине этой бутылки Вова ушел в туалет. По его резко погрузневшему лицу я сразу понял, зачем. Я сходил в свою комнату, взял тюбик зубной пасты, бутылку с водой и пошел за Вовой.

– Ну как ты там?

– Да нормально.

– Надо что-нибудь?

– Да не... Я люблю блевать. Пьяным блевать – круто. Это как оргазм.

Вова говорил чуть хриплым голосом, делая между фразами вынужденные паузы. Наконец он вышел из кабинки, свежий и немного уставший.

– На, попей, – сказал я и протянул ему минералку. – И паста вот.

– Спасибо, дружище, – сказал Вова и слабо улыбнулся.

В комнате все было по-прежнему. Дима читал свои стихи, рисуясь, Эмиль сидел сосредоточенный, Паша просто сидел, Маруся рассказывала всем что-то по очереди.

– Слышь, а эта на Одри Тоту похожа, – громко прошептал Вова, толкнув меня локтем.

– Кто?

– Вон мелкая. Короткостриженная.

Он кивнул подбородком в сторону окна. Там, прислонившись к подоконнику, стояла Аня. Она была не слишком похожа на Одри Тоту. Разве что наивными глазами. Но я согласился.

– Похожа, – говорю. – Есть что-то.

Через полчаса он уже целовался с ней, для удобства посадив ее на подоконник.

6

На пути от выхода из метро к институту находился «Макдональдс». Я сразу понял, что ни к чему хорошему это не приведет. И впоследствии оказался прав: тех денег, что у меня были, не хватило и на неделю. В этом, конечно, был виноват не только «Макдональдс» у метро, но и продуктовый магазин через дорогу от общежития. Там прода-

вались салаты, колбаса, дешевые пельмени и алкоголь.

Здание института было старым. За забором, за турникетом находился маленький уютный дворик с газоном, клумбами, парой скамеек и небольшой, огороженной железной сеткой футбольной площадкой. Внутри тоже все было старым, тесным и очень уютным. Нас, первокурсников, собрали в самой большой аудитории (хотя на самом деле она оказалась не такой и большой) и долго что-то говорили. Я очень хотел спать, потому что накануне лег под самое утро и поднялся с огромным трудом. Похоже, это был актовый зал, потому что парт не было – только тесно расставленные кресла.

Всю вступительную речь я неблагоприятно продремал и ничего не слышал. Я сидел на одном из последних рядов с краю, у стенки: прислонил голову к стене и заснул. Проснулся я от шороха сумок и шума встающих с кресел людей. Людей вокруг было непривычно много. Они все казались радостными и разговаривали друг с другом так, будто учатся вместе уже не первый год. Мне показалось это странным – как можно было так сдружиться всего за несколько дней? И хотя многие лица я помнил еще со времени вступительных экзаменов, ни имен, ни фамилий ни одного из них я не знал.

За весь день я не произнес ни слова. Вместе с остальными ходил по пыльным узким коридорам, задрав голову рассматривал портреты на стенах, зачем-то вглядывался в расписание занятий и в листы на доске объявлений, выходил на улицу, бродил, смотря под ноги. И все это время краем уха слушал (вернее, не слушал, но слышал), что говорят другие, которые уже стали между собой лучшими друзьями.

Я вышел во двор. На улице было солнечно и очень зелено – не верилось, что это самый центр Москвы, настолько здесь было тихо и спокойно. Вокруг ходили студенты, кто-то сидел на скамейке, кто-то курил. Все, казалось, были очень счастливы. Я искал взглядом кого-то из своих вчерашних новых знакомых, но они, кажется, уже разбрелись по дворику, по другим корпусам и остальным окрестностям.

Прямо на территории института находилось кафе. Из подслушанных разговоров я уже знал, что студентов в нем кормят бесплатно раз в день, в обеденный перерыв. Я немного потоптался на крыльце и зашел вслед за остальными.

На окнах кафе висели тяжелые, плотные шторы, отчего внутри было темно и спокойно. Я встал в очередь, которая начиналась у самых входных дверей, извивалась, петляя между столами и стульями, и скрывалась

далеко за углом, в соседнем зале, где, судя по доносившемуся оттуда запаху, была раздача.

За столом рядом сидел молодой человек лет девятнадцати, но уже с пышной окладистой бородой, в очках и в вязаной шапке. Он ел борщ и, глядя в тарелку, говорил с сидящей с ним рядом девушкой, которая глупо улыбалась и смотрела то на его бороду, то куда-то за него. К началу разговора я не успел.

– ...а Том Вэйтс? – спросил бородатый.

– Да, и он тоже.

– Ты ведь смотрела «Кофе и сигареты»? Ну, Джармуша.

– Да.

– Хорош он там, да, с Игги Попом?

– Да.

– Вообще, Джармуш молодец. Какой у тебя его любимый фильм?

– Хм-м.

– погоди! Дай угадаю. «Мертвец»!

– Да, наверное...

– Почему-то у всех любимый «Мертвец». А у меня, знаешь, какой?

– Какой?

– Ну, это же совсем просто! Ну подумай.

– Я не знаю.

– Ну как же!.. «Отпуск без конца»! А ты, наверное, подумала, что «Более странно, чем в раю»? Ха-ха, все почему-то думают, что мой любимый «Более странно, чем в раю». А по-моему, очевидно, что это – «Отпуск без конца».

– Наверное...

– А у тебя какой любимый фильм? Не у Джармуша, а вообще?

– Не знаю... Надо подумать...

Я постепенно начинал понимать, каким образом возникает эта дружба, и мне стало обидно, отчего я даже разозлился на себя. Однако мне повезло – очередь двигалась быстро. Через минуту я уже почти забыл об этой парочке. Но не дойдя нескольких шагов до зала с раздачей, сквозь негромкий гул обедающих студентов я опять услышал голос бородатого.

– погоди! Так. Тебе наверняка нравится «Радиоход»? Нет – «Могвай»... Нет, пожалуй, все-таки «Радиоход»!

На раздаче стоял очень полный усатый мужчина с большой пиратской серьгой в левом ухе. Он добро улыбался всем и молча накладывал еду в тарелки. За кассой была женщина лет пятидесяти, она, наоборот, беспрерывно говорила с каждым, кто к ней подходил, будто знала всех поименно, хотя многие стоящие в очереди были здесь в первый раз.

– Так, а суп почему не берем? Суп – обязательно! Положь щи ему! Ничего-ничего,

скушаешь! Как это – суп не есть? Обязательно надо!

Я взял гречку, хотя терпеть ее не мог, и стакан сладкого чая с долькой лимона. Стакан был настоящий: граненый, крепкий, мухинский, с тремя треугольничками на дне. Отказаться от супа мне стоило больших трудов.

– ...а Гребенщиков тот еще неймдроппер! И в «Аэростате» он постоянно, и в... Читала же его «Правила жизни» в «Эсквайре»? Про Боуи он там постоянно: мол, сидим мы с Дэвидом...

Я пронес поднос мимо бородача с испуганной девушкой и сел в дальний угол за маленький круглый столик. Но этот низкий, отвратительно-приятный голос настиг меня и там. Спустя минуту, перебирая алюминиевой вилкой гречку, которую мне совсем не хотелось, я начал погружаться в размеренное гудение, в котором все-таки с большим трудом, барахтаясь и до последнего пытаюсь выплыть, утонул голос бородача.

Солнечный свет с улицы все пытался пробиться через толстые занавески, и, наконец, когда сидящие у окна люди чуть раздвинули шторы, ему это удалось, и темный зал кафе-столовой постепенно стал наполняться хрупкими лучиками света.

Я быстро допил остывающий чай, сунул вилку в стакан зубчиками кверху, отнес поднос обратно и вышел на улицу. Яркое солнце после темноты слепило глаза. Идти учиться мне не хотелось. Расписания я не знал, но так как лиц, которые я видел утром на приветственной речи, ни в столовой, ни во дворике не было, я заключил, что они находятся на каком-то очень важном для первокурсников мероприятии, куда я уже, вероятно, опоздал, и, значит, нет смысла искать их, тем более когда на улице такая погода.

Дворик быстро опустел, все разошлись по учебным корпусам и аудиториям, и я остался почти один. На скамейке у второго корпуса сидели две девушки и разговаривали. Я сел на свободную скамейку неподалеку и вдруг почувствовал, что хочу курить. Сигарет у меня не было. Я вспомнил, что напротив «Макдональдса» есть табачный ларек, но двигаться мне было лень. Все, что я мог делать на таком солнце, – развалившись на скамейке, жмуриться, протягивая руки вдоль спинки, закинув ногу на ногу. Просидев так минут десять, я решил и вышел из институтского дворика на улицу.

Вдоль узкой улицы по обеим сторонам

были припаркованы машины. Я пошел по тротуару в сторону метро. Чем ближе я подходил, тем больше людей появлялось вокруг. У «Макдональдса» мелкими группками сидела молодежь; на площади, на скамейках, на фонтане и на ступеньках сидела молодежь чуть постарше – с ноутбуками, с телефонами, со скейтбордами, роликами и велосипедами; у самого входа в метро стояли люди с надетыми на плечи рекламными щитами и раздавали листовки, бормоча себе под нос заученный и явно надоевший им текст.

Я встал у табачного ларька и стал рассматривать сигареты, стараясь выбрать самую красивую пачку. До этого я не курил. То есть, курил, конечно, но изредка. Нерегулярно. Говорят, что курить начинаешь в тот момент, когда сам покупаешь себе первую пачку. Если так, то именно в этот момент я решил начать курить. Первое сентября, пока еще совсем лето, самый центр Москвы, в которой я оказался в первый раз в жизни, около десяти часов утра – отличное время, чтобы начать курить. Самой красивой пачкой, конечно, оказался белый «Житан». Ее я и купил. Сбоку на пачке было написано «Произведено во Франции». То есть я угадал.

Я сел на скамейку у фонтана на площади, сунул сигарету в рот, поджег ее и глубоко затянулся. Слева была еще какая-то площадь с кинотеатром, спереди и справа тоже были площади. Одна из них, я слышал, была Пушкинской. Где-то там стоял памятник Пушкину, а чуть дальше, вроде бы, Есенину. В общем, я сидел, и курил, и смотрел на проходящих мимо людей и на сидящих рядом со мной, и на соседних скамейках, и напротив, и мне никуда не нужно было идти, и прохладные брызги фонтана иногда долетали до меня.

7

Пашин будильник я, конечно, слышал. Но вставать не собирался.

– Саша, – сказал он флегматично и почти шепотом. – Ты идешь на пары?

– Нет, – ответил я, не открывая рта. – Тогда я пошел.

И он ушел. А я перевернулся на другой бок и наполовину откинул одеяло. Солнце уже взошло, и постепенно опять становилось жарко. Сегодняшний день я планировал посвятить осмотру окрестностей общезнания. А на пары, думал я, я еще схожу. Завтра пойду, например. Или послезавтра. Пять лет еще впереди. Успею. Времени много.

Мария СИЛКИНА

студентка Литературного
института имени Горького,
драматург, Москва

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Рассказ

Страшно было не успеть. Разум постепенно отступал, а вместе с ним пропадала воля. Каждый шаг давался с трудом, ноги заплетались. Она падала, билась коленями о камни, вставала и шла дальше. Одинокая женщина. Нет, даже не женщина. Одинокая тень прижимала к себе большой холщевый мешок и уходила. Уходила от этих людей, которые своим существованием будут возвращать ее туда... Уходила от мужа, который сделает все, чтобы облегчить ее страдания. Она не хотела, чтобы стало легче, и забывать тоже не хотела. Страдать же со всеми вместе было невыносимо.

Где-то позади нее оставался город. Еще виднелись крыши домов, нелепые постройки завода, проселочная дорога. По ней в город двигались машины, цвета которых уже нельзя было разобрать. По этой же дороге ее провожал муж. Он бежал за ней и умолял остановиться.

– Милая моя, хорошая. Прошу. Умоляю. Не надо. Вернись. Всем больно, все мы плачем сегодня. И завтра, и всегда...

И что-то еще говорил. Срывался на крик, потом переходил на шепот. Хватал ее за руки, старался отнять мешок. В конце концов, обессиленный опустился на землю и заплакал.

Она же жадно прижимала к себе грубую

ткань и упрямо шла, думая лишь о том, что страшно не успеть.

На смену равнинам приходили холмы, а где-то впереди виднелись вершины гор. Накаленная полуденным солнцем земля обжигала ступни через подошву, трава больно резала оголенные щиколотки. Женщина упала на колени и стала судорожно вырывать эту сухую траву. Затем непослушными руками вырыла яму. Комья забивались под ногти или, точнее, под то, что от них осталось. Исцарапанные пальцы не гибались. Она с трудом развязала мешок, достала из него флягу с водой и росток дикой яблони. Обильно увлажнила корни и землю.

– Сто восемьдесят четыре. Расти, мой хороший. Ты сможешь.

Она, не жалея воды, поливала только что посаженный черенок, гладила пожухшие листья и что-то шептала.

Сознание покидало ее. Действительность переставала существовать.

– Саша, ты поел? Ну сколько можно? Давай-давай... Я погладила рубашку. Одевайся, а то опоздаешь.

Маленький мальчик подошел к ней и прижался всем своим телом.

– Мамочка, какая же ты красивая. Самая-самая.

А потом... а потом... длинный стол. За которым собралась вся местная детвора. Они нетерпеливо наблюдают, как женщина разливает в кружки парное молоко. Ей весело. В хозяйстве появилась корова, а, значит, они больше никогда не будут голодать. Щечки ее детей всегда будут румяными, а сами дети – здоровыми. Она допивает из кувшина остатки молока. Молоко... еще теплое, с пенкой, пахнущее травой и... Она открыла глаза. Перед ней сидел старик. Он водил по ее сухим губам мякишем хлеба, обмоченным в молоке.

– Слава тебе Господи, жива. А то я уж подумал... Пасу овец, а тут ты лежишь. Солнце вон как жалит. И не скажешь, что сентябрь.

Женщина испуганно подскочила, схватила мешок и побежала. Ноги совсем не слушались. Она вновь и вновь падала. Удивленные окрики старика звучали эхом и не доходили до ее сознания.

Так проходили дни. Идти вперед было все сложнее. Холмы становились все выше, земля все каменистее.

Она же продолжала свое дело. Сажала ростки дикой яблони, поливала их больше, чем это требовалось, и вела только ей понятный счет.

– Двести пятнадцать, двести шестнадцать, двести семнадцать...

По несколько раз за день ей приходилось искать горные ручьи, чтобы наполнять флягу. Холодная вода омывала ее изра-

ненные руки и возвращала силы. Хотелось сидеть неподвижно и ощущать в себе воду, ощущать себя водой. Ласковой, живой, спасающей...

– Саша, не ныряй так часто. Саша, я кому говорю?!

– Мамочка, смотри, как я умею. Пап, смотри. Я рыбка. Рыбка. Я плыву, плыву, плыву...

Когда женщина очнулась, фляги в руках не было. Видно, унесло потоком, пока погружалась в прошлое. Она порывисто встала и огляделось. Над холмами висел полумесяц луны. Холодный горный ветер обдувал женщину, проникая под ее изношенную одежду. Холмы возвышались неясными очертаниями, горы же и вовсе потерялись в темноте.

Она на ощупь стала искать землю. Камень, еще камень... и снова камень. Она отбрасывала булыжники, не задумываясь о нечеловеческой боли и усталости. Единственное, что ею двигало, – это стремление успеть. Земля. Сухая, неприветливая земля. Она из последних сил вырыла яму, достала из мешка последний росток и посадила. Затем много раз спускалась к ручью, чтобы принести в ладонях воду.

– Триста. Расти, мой родной.

Она легла на спину и раскинула руки. Над ней срывались и гасли звезды.

– Успела. Спасибо, Господи.

Глаза проследили за упавшей звездой и замерли. Ее обнимало осеннее небо Беслана.

РУКА

Рассказ

У человека выросла рука. Правая рука, которой он лишился давно и по неизвестным причинам, неожиданно выросла. Она не была рукой младенца, рукой ребенка, рукой подростка. А просто в одно самое обычное утро, следующее за очередной обычной ночью, человек проснулся и обнаружил, что левая его рука в привычном положении покоится под головой, а правая рука лежит поверх одеяла. Это он почувствовал еще до того, как открыл глаза. Он чесал ухо и в это же самое время ощущал под рукой мягкость одеяла. Это было странно и не доступно одной левой. Он секунду подумал и открыл глаза. Испугался и вновь закрыл их. Вспомнил свое имя, свой возраст, чем занимался вчера и прочее-прочее. Открыл

глаза, испугался и вновь закрыл их. Правая рука не только не исчезала, но и сообщала, что замерзла, и просилась под одеяло. Так и пролежал он весь день, открывая и закрывая глаза. Правая рука была. Слово в канцелярию, отвечающую за распределение рук, наконец-то дошли его прошения снабдить недостающим органом. Правая была точной копией левой. Только совсем новенькая, без характерных мозолей, следов от порезов и без заусениц. Человек возрадовался. Он поглаживал правую левой, оберегал ее от нагрузок и ходить стал как-то больше правым боком, демонстрируя новинку.

Огорчало его лишь то, что правая вела себя несколько вызывающе. Слово строп-

тивная иностранка. Все переиначивала по-своему и близкого общения с левой не допускала. На короткой руке сойтись не случилось. Правая переставала слушаться, когда требовалась ее помощь, била тарелки, когда нужно было их мыть, проливала на человека кофе, когда он доверял нести ей кружку, а уж сколько оплеух досталось его жене, когда он старался погладить ее правой, – сосчитать сложно. Почему так происходило – не понятно. То ли потому, что правая рука рано повзрослела. То ли потому, что руки просто так не вырастают. Так, может, она и не моя вовсе? – начинал сомневаться человек. Правда, чьей она еще может быть, человеку было невдомек. Невероятное терпение проявляла левая. Даже когда человек отчаивался и хандрил, она старалась как-то наладить контакт. Не то что бы левая питала к правой какие-то особенные чувства, но она понимала, что рука об руку предстоит жить долго и враждовать, черт возьми, не с руки. Год левая подходила к правой дикарке, гладила ее и прочее... Все колкости называла спецификой или индивидуальностью. Время шло, но ниче-

го не менялась. Правая рука была лишней, чужой, неподатливой. Человек очень страдал. Он чувствовал себя большим калекой, чем до появления дополнительного органа. Левая страдала вместе с ним.

И вот в одно утро человек со своими руками сидел на кухне и смотрел в окно на февральскую слякоть. Настроение было отвлеченным, на полу валялись останки любимого сервиза жены, недавно разбитого правой. Человек плакал. Левая погладила его по голове, вытерла слезы. Правая безучастно наблюдала за происходившим.

Развязка произошла стремительно.

Небольшой кухонный топорик неожиданно появился в левой руке. Правая осталась лежать на обеденном столе. Она наконец-то получила ту свободу, о которой мечтала. И надо сказать, более чужой от этого не стала. Человек от боли и горечи взвыл. Но вот левая принесла бинт и ловко им прикрыла никому не нужное воспоминание.

Так закончилась история о правой руке, которая не стала родной, но, наверное, осталась правой.

В.

Рассказ

Мы идем. Вы смотрите куда-то В. Я немного отстаю, чтобы посмотреть на Ваш профиль. Что Вы видите? Где блуждаете сейчас, прорезая взглядом дыру? Велика ли дыра? Страшна ли?

Вы сейчас обернетесь и... Глазами за глаза, обнаружить себя внезапно возле калитки, ведущей В. Обхватить дрожащими пальцами прутья, жадно всматриваться сквозь них, даже без мысли отворить и войти В. Нет иных желаний.

Вы сейчас обернетесь и... Прирасти пальцами к прутьям. Смотреть сквозь них на миры, на войны в этих мирах. А что, если нет ни миров, ни войн? Нет ничего, что можно было бы придумать и обосновать. Есть только замысловатые переплетения цветов и звуков. Страсти и смирения не обладают формой, не обладают словесным выражением. Нет слов. Нет страстей и смирений. Нет векового опыта, памяти, маршрутов, указателей, ориентиров и проводников. Есть что-то, мне недоступное. Есть только заостренность пальцев и страх

перед В. Жалкий страх разума. Дребезжит, щебечет, укачивает, напоминает о том, кто я и для чего. Разжимает по одному заостренные пальцы и тянет обратно. Туда, где с домов сползает вековая штукатурка. С людей сползает загар, косметика, прошлое, вера, скорбь, радость. Туда, где за словами прячутся от правды, полагая, что слова – это и есть правда. Туда, где +10 и идет дождь. Страх тянет, а я повинуюсь.

Вы обернетесь – нет больших желаний. Вы обернетесь – нет больших страхов.

Мы идем. Вы смотрите куда-то В. Я немного отстаю, чтобы посмотреть на Ваш профиль. Зеленый сигнал светофора мерцает рядом с Вашим... глазом сверкнула кошка, капля упала на воротник Вашего пальто, сделала несколько несмелых шагов, и... закончился Камергерский переулок.

За ним берет начало пустыня. Порыв ветра заставляет подняться груды песка ввысь, и вот он, уже смешавшись с каплями дождя, оседает на наших головах и одеждах, попадает в глаза, скрипит на зубах.

«Вы это тоже видите?!» – хочу крикнуть я, но песок заполняет мой рот, и я отплеываюсь, кашляя и задыхаясь.

Машины не прекратили свое движение, светофор продолжал дирижировать ими, вывески так же светились и отражались в песчаных сугробах.

Вы уходите. Ноги мои по колено в песке, нет сил сделать шаг. Волоку их. Волоку себя. Держусь глазами за Ваш силуэт, песок забивает глаза, они слезятся. Протираю их и вновь ищу Вас.

Вернитесь сейчас же, возьмите за руку и выведите отсюда! Это все Ваше, это не мое! Со мной так нельзя, я не выдержу. Вернитесь сейчас же! Я умоляю Вас. Кем бы Вы ни были. Пусть Вы Авраам и ведете своего сына на гору принести его в жертву своему Богу. Пусть даже я Исаак, которого отец ведет на гору принести его в жертву. Вы ведаете причины подобно Аврааму, мои гла-

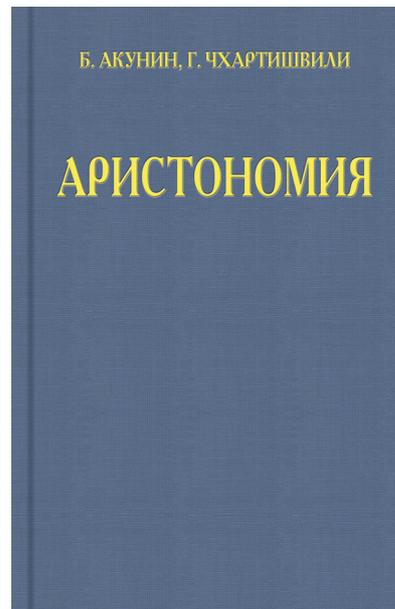
за, подобно глазам Исаака, закрыты. Есть только страх и вера в Вас.

Новый приступ песчаной бури засыпает меня до плеч. Нет возможности сдвинуться с места. Обреченное ожидание. И тут появляется Вы. Вы по-прежнему ко мне спиной, но так близко, что я могу дотронуться. Значит, услышали. Вырываю у песка руки и пытаюсь схватить Вас за пальто. Делаю рывок и... в руках моих лишь воздух и песок. Еще рывок, еще. Глупые иллюзии, игра воображения... Вы то приближаетесь, то вновь отдаляетесь, меняете одеяния, размеры, принимаете обличия животных. Подходите с разных сторон, что-то шепчете, лижете мою щеку. Глупые иллюзии, игра воображения. Нет Вас. Никогда не было. И это все мое, а не Ваше...

Ветер стих. Светофоры замерли, автомобили прекратили свое движение. В глухой тишине скрипнула калитка В.

НОВЫЕ КНИГИ

Борис Акунин-Чхартишвили. Аристония. Москва: Захаров, 2012. «Эта книга построена по принципу семейного альбома. Там есть фотографии из семейного альбома, и с каждой из этих фотографий связана некая история, – объясняет писатель. – Долгие годы я называл себя беллетристом, всячески увиливал от звания писателя. Замучился объяснять, что это разные профессии. Ну, то есть профессия одна – сочинение художественной прозы – но разное целеполагание. Писатель занимается искусством – то есть раздвигает рамки существующей культуры, открывает Америки или, по крайней мере, пытается их открыть; беллетрист работает на поле культуры, то есть населяет уже открытые кем-то Америки своими текстами. Писатель пишет прежде всего для самого себя и существует в режиме монолога; беллетрист без диалога с читателем и массовой аудиторией – существо бессмысленное. Когда я пишу развлекательную литературу, я беллетрист. Когда пишу что-то нехудожественное («Писатель и самоубийство» или ту же «Любовь к истории»), я эссеист. И только теперь, на пятьдесят шестом году жизни, на шестнадцатом году сочинительства, я стал писателем. Потому что написал первый серьезный роман. И вот он напечатан. Хороший получился роман или плохой, судить не мне, но по жанру это не беллетристика, а литература. В этой связи хочу честно предупредить моих постоянных читателей: это совсем не Эраст Фандорин и не «Смерть на брудершafft». Это довольно утомительное чтение. Без приключений, с длинными несюжетными отступлениями и бесконечными разговорами про серьезное. Обложка у романа скучная. Двойная фамилия автора объясняется тем, что я вложил в эту работу то, чему научился и в качестве беллетриста, и в качестве эссеиста. Это такой итог и синтез долгой литературной работы. Мне было очень важно написать этот роман. Важнее, чем беспокоиться, какое количество читателей осилит мое сочинение. Это первая в моей жизни невежливая книга, где исполнитель разговаривает сам с собой на разные голоса и даже не смотрит, заполнен ли зал».

Роман ЖУРКО

студент Литературного
института имени Горького,
прозаик,
Минск

ПРЕЛЮДИЯ К ЗАБЛУЖДЕНИЮ

Рассказ

1

Сидит Журко, кота гладит, почти медитирует. Рядом жена. Напеваает и стрелки на брюках выводит. Тут подбегает Гоголев, накрывает кота ведром и скрывается под землей.

– Неужели... я еще не все понял и познал вокруг? – заунывная интонация его почти что пела.

Тут жена перестала петь:

– А где кошка-то?!

– Не все-о-е, не все-е-я... – завывал Журко. Рука его замерла. Было похоже, что он держит на коленях ведро или кошачий портрет.

Тут жена грозит нерасторопному мужу утюгом, и Журко проваливается под землю. Без брюк.

– Лети-лети! – летело вслед за Журко.

2

Как-то Гоголев шел с ведром, полным ступенек, а Журко за ним следил. Гоголев и не подозревал, что за ним следят, он просто шел по своим делам в дремучий лес. Идет да идет, ступеньку в руке крутит. Проходит и пенки, где посидеть, и опушку, где полежать. Не остановится. Идет да идет, смотрит вперед, воздухом дышит, ведром помахивает, на ступеньки поглядывает. Журко – за ним. Подходит Гоголев к дубу, кланяется, ступеньки из ведра достает и как кирпичи начинает на воздух выкладывать, да с таким мастерством, будто дело это привычное: к воздуху ступеньки крепить. Крепит потихоньку одна за другой подниматься вверх, к большому дуплу.

– Секретное место, – думает Журко.

Тут Гоголев пропадает в дупле, и Журко, отбросив в сторону маленькую елочку, слу-

жившую ему прикрытием, бежит за ним. По желудям, по мху да по ступенькам – в секретное дупло. Поднимается, шатается и с нетерпением заглядывает внутрь. А там – темно и пахнет носками.

– И здесь нет моих брюк! – чуть не сорвавшись, отвечает себе Журко, разворачивается и пропадает в лесу.

По дороге домой, к жене, Журко посидел на пенке, подышал дремучим лесом, полежал на опушке. Он все думал, думал и думал про бездонное дупло Гоголева. Про порядок вещей. Хорошо, что жена у Журко всегда знала, где что лежит. Даже Журко. Она и нашла своего Журко на опушке. И надела, наконец, брюки на его синие ноги.

3

Девятый этаж. Гоголев смотрит на небо, потом на часы, а потом на курицу в своих руках. Думает вслух, чтобы и курице было понятно:

– Сейчас учиться летать будем...

И неизвестно, что случилось бы с бедной птицей Гоголева, если бы мимо не пролетал Журко. Минутой раньше жена попросила его вымыть окно.

– Живописно летит Журко, – думает вслух Гоголев, курице на прекрасное намекает, – только жену его как-то жалко, – сказал Гоголев и погладил курицу по голове.

4

Как-то Журко выглядывает из колодца, а там ни солнца, ни дня, ни птицы, ни зверья, один только Гоголев сидит на голом песке да ведром по земле стучит.

Тогда Журко спрашивает, думая, конечно, на Гоголева:

– А куда все пропало-то: солнце, день, птица, курица, зверье?!

Но Гоголев держит ответ и продолжает дубасить ведром по песку, будто Журко с ним заодно митинговать наружу вылез.

– Правду, Журко, говоришь! Куда?! Вот и я возмущаюсь!

«Полезу-ка я обратно, е», – подумал Журко и поставил над головою Гоголева точку.

5

Восьмое марта. Солнце уже высоко. Журко снова и снова ныряет под водокачку в поисках рака. Домой принести хочет, жену порадовать. Недалеко от него бегают Гоголев. С ведром играет, песок в речку тянет, остров себе насыпать хочет. По-своему праздник справляет. В речку песок да в речку.

6

Однажды Журко и Гоголев свесили ноги в реку и начали браниться. И чем больше они бранились, тем больше вода вокруг них становилась мутной да неопрятной. Даже рыбы обходили ее своим молчанием.

– Ты, Журко, всех раков из-под водокачки на восьмое марта потягал, чем мне теперь закусывать?!

– А ты, Гоголев, весь пляж ради своего острова в котлованы изрыл, куда мне теперь жену водить?

– Тоже мне! Сравнил жену с островом! Вот как мне пиратом без острова стать, а?! Ладно – пиратом, просто почетным жителем!? Мне без острова никуда! А загадочным и тайным, чтобы девушки любили? Как без него?! Чтобы уважали, как?! А корабль поставить? А нужное зарыть? А ненужное? Сравнил он! То был пляж ненужный и песок ненужный, а то! Губернатором сделаюсь!

– А то! – крикнул Журко, превратился в рака, уцепился Гоголеву за нос и начал хлестать своим ребристым хвостом по губам. Хлещет, а губы Гоголева загадочно синеют. Тут же на глазах бедного губернатора Гоголева его маленький остров стало подмывать усилившееся течение. Из глаз у Гоголева покатались слезы, да с такой силой, что он соскользнул в воду. Начал молить Гоголев, чтобы Журко его отпустил.

– Ну, что? Мало тебе раков?

– Много-Ого-го!

– И остров уже не нужен?

– Не ну-Угу-ужен, только отпусти-Иги-ги! Отпустил его Журко. Плюхнулся в речку и поплыл по течению, оставив Гоголева с носом.

7

Смотрит Гоголев в колодец. Ведро свое ищет.

– Нет ведра! – кричит из колодца Журко.

– Нет, Журко! Это тебя нет! – с обидой отзывается Гоголев и продолжает смотреть. Авось Журко вылезет, а вместо головы у него – ведро.

8

Однажды Гоголев решил дать бой времени. Снял с руки часы и швырнул о камень. Из часов в ночном колпаке и рубахе выросло Время и стало сверлить глазами Гоголева.

– Который час? – как бы ни о чем не догадываясь, спросил Гоголев.

Время молчит.

– Может быть, конфету «Грильяж»?

Время молчит.

– Может быть, позвать Журко, ему все равно нечего делать?

Время продолжало молчать и надувать ноздри.

– А у меня дупло в лесу припрятано и остров под водой...

Тут Время сняло колпак и разбило о камень. Один из осколков чуть не залетел Гоголеву в рот.

– А, может, присядем? – занервничал Гоголев и почувствовал, что у него чешется за ухом.

После этих слов Время сняло с себя рубаху и тоже разбило ее о камень.

Гоголев побелел. Перед ним стояло голое Время. Кожа у Времени трескалась, отваливалась и разбивалась о камень. Так перед Гоголевым остался один скелет, как йог,двигающийся к нему по осколкам времени. Забыв, где чесалось, Гоголев попятился и потерял сознание. О камень.

Прошло время. Гоголев очнулся, вокруг не было ничего, кроме камня в плечах расцвета и растерявшихся осколков.

Опять ничего не дал Времени... опять..., – взгрустнул Гоголев, подобрал ремешок от часов, и поплелся к Журко, чтобы хоть чем-то себя занять.

Минск-Москва, февраль-март 2013

ПРОЗА

Олег МАТИСОН

прозаик,
Санкт-Петербург

ДЕНЬ АНГЕЛА

Рассказ

Он знал, этот день настанет. Он ждал его, но не хотел встречать. Вместо тепла души и радости ему все время слышался один и тот же мерзкий и навязчиво-жужжащий мотив: «Я-жу-ж, я жу-ж, я-жу-ж». И он никого не хотел видеть. Поэтому заранее попросил ребят не приезжать пару дней из города. Он ничего и ни у кого не просил почти никогда, но не в этот раз. Знал – будет больно, и не хотел, чтобы это видели. И с утра ребята не приехали, да и выходные, чему он был рад всей душой и сердцем. Значит, можно спокойно поработать, а в полночь встретить значимый для него день и наглухо проспаться рассвет.

С недавних пор само словосочетание – предрассветное время – резало слух и душу со скрипом пенопласта по стеклу. Он встал, как и привык, засветло, точнее рано, в пять утра. Засветло здесь не существовало. Солнце поднималось в одиннадцатом часу, не торопясь проходило чуть ли не над горизонтом. И в пять уже снова темнело. Его это не трогало. Он работал целеустремленно и фактически неистово каждый день до полного изнеможения, надо было сделать обещанное и должное, а потом поставить на всем и для всех точку. Но молча, по-английски. И обязательно вне долга. Он никогда не уходил, будучи кому-то хоть что-то должен. Уходил пусть и в рубашке, но со спокойной совестью. На этот раз вообще волноваться не приходилось. Рубашка все равно одна, и другой не надо. Долги он уже почти отработал, но еще до их возникновения он сам написал список того, что планировал по усадьбе сделать:

раза в три больше. Он знал, видел и умел делать дело. И чувствовал себя виноватым. И главное – он очень хотел оставить в этом доме чистую память.

И начал. И все стало работать – печки, камины, баня, появилась, как в городе, и холодная, и горячая вода из кранов, участок стал чистым и почти идеально ухоженным, исчезли бурьян, не обихоженные деревья и кусты и... Да все. Осталось доделать второй этаж – так, чтобы через два-три года тут можно было жить в тепле и уюте с маленьким человеком. И именно поэтому он делал душой и сердцем. Не имея особых средств и качественных материалов, обходился тем, что было. Это прибавляло работы в разы, но он был спокоен и не скулил, а делал и делал.

Первый результат стал значимым уже после Нового года. Когда собрались друзья, мама девочки не отходила то от одного, то от другого камина. Каждый раз, проходя мимо печи, прислонялась к ней на секунду всей спиной и блаженно закрывала глаза. Ему было приятно. Когда случилось уединиться, ее, размякшую у весело трещавших дров и после шампанского, «понесло» на откровения, а они ему, хоть и были в душу, но ныне лишние...

– Боже, друг, тридцать лет в этом доме никто не мог вот так жить, а мой отец так хотел и старался, но не успел... А ты... У меня нет слов... Ты не только мечту отца воплотил в жизнь, ты снова спасаешь, даже не представляешь от... и как, мою семью...

На его попытки протестовать она его

оборвала, обращаясь к приехавшим с ней малознакомым ему людям.

– Рафик, Сашка, муж мой... А помните 91-й и потом еще года три дальше? Нам же ни копейки не платили, я вообще не знала, как и чем кормить детей. Пустые магазины, а как на рынок сунуться, когда в кармане ни шиша? А тут он приехал, друг. И водил моих детей везде – в музеи, в зоопарк, просто гулял и ходил с ними на рынок, в магазины, и они таскали все в дом и затоваривали. И он давал работу всем нашим мужикам-друзьям из института. Они чего-то грузили-переносили-паковали. И при этом он платил так, как не платили в институте за целый год. Я понимала, почему... У него самого трое мал-мала, и лишних денег особо нет, хотела возразить тогда, но молчала. Потому что это был шанс жить. И он молчал... Просто делал и улетал, а потом опять прилетал. И ведь не год...

Вот и пришлось ему встать и как бы невзначай исчезнуть. Он не со всем был согласен, не все так хорошо он делал, далеко не все, до отъезда всех...

Весь последний месяц перед ожидавшимся днем он, не останавливаясь, работал допоздна, а сегодня остановился в пять вечера. Выключил все инструменты из сети, заложил в камин три толстенных чурки, чтобы тлели до утра, иначе на следующий день будет почти невозможно работать – холодно. После постоянных от ноля до плюс трех ударили «морозы» до минус десяти. Окна еще не были сменены на стеклопакеты, денег элементарно не хватало, и ребята отложили это на лето. А он не утеплял щели в коробках, не было смысла, все одно будут выламывать, но это уже без него. Из щелей, несмотря на то, что проконапатил на скорую руку, отчаянно дуло. И если бы не камин, то работать было бы просто невозможно. А дрова приходилось экономить, особенно после «дровяного пиршества» в Новый год, когда круглосуточно три дня подряд горели два камина, печь, топились баня! Поэтому он поддерживал температуру в районе плюс десяти-двенадцати, чтобы можно было делать дело, а в перекур греться у небольшого огня. К вечеру он все равно замерзал прилично, но зато потом можно было долго принимать горячий душ – в бане все работало как часы.

Закончив, он быстро помылся в бане, зажег газ и поставил чайник. На вторую конфорку установил среднюю сковородку, плеснул масла. Сноровисто очистил четыре картофелины и большую луковицу и мелко нарезал, все высыпал на начавшее сквор-

чать масло. Посолил и перемешал. Пошел в комнатку и сел за бук, проверил почту. Ничего не было. То есть была куча всяких сообщений и дюжина незначимых писем от сервисных служб и кадровых агентств, но это было не то, чего он ждал, поэтому он отметил все галочками и удалил, не читая. Вернулся к плите и еще раз перемешал картошку. Фактически она была почти готова, осталось только ее чуток подрумянить.

Как во двор въехала машина, он не заметил, а потому вздрогнул, когда дверь на веранду резко открылась и ввалились улыбающиеся ребята. Настроение мгновенно улетучилось.

– Привет, Мишка! Мы решили, что ты теперь не Мишка, а Карлсон, который живет на крыше! – глаза девочки улыбались, и на лице светилась веселая улыбка. Она сразу же заметила по изменениям на лице смену настроения новоиспеченного Карлсона, – Ты не рад? Ах, прости нас, нам негде было ночевать. У мамы куча народу, а у нас в коммуналке сосед напился и квартиранты заодно. А ты сам знаешь, что я пьяных не выношу. Мы тебе звонили, но ты, видимо, был на втором и не услышал. Так что вот, «типа так», как ты сам любишь говорить! – она подошла и чмокнула его в небритую щеку.

– Не переживайте, все нормально, дом протоплен, так что никаких проблем. Только вот я картошечку вот заверну прямо в сковородке, возьму котелок, заварку, кружку и пойду, прогуляюсь по лесу. Посижу у костра да и подумаю над «сермяжной правдой своего бытия...», так сказать, достойным финалом ассенизатора, ладушки? Вне обид? – он постарался придать выражению лица максимально веселый и бодрый вид, но голос все-таки предательски выдавал его расстроенное состояние.

– Ты с ума сошел? Темень уже, скоро ночь, мести начинается, куда ты попрешься в такую-то погоду? Ты опять, да? И кто тебе такую чушь сказал? Хотя я могу догадаться, да уж... Да какой ты, к лешему, ассенизатор? У нас даже так никто и не думает, а кто скажет, я сама глаза выцарапаю. Ты же Мишка-Карлсончик! И только-только веселый чуть стал – и вот. Что, снова, да? Куда собрался? Не пуцу! Думаешь, не знаем, что месяц назад на два дня уезжал с каким-то хмырем на машине и нам ничего не сказал? Нам сосед доложил, вот. А мы и не спрашивали, раз молчишь – значит, так тебе лучше. И я говорила – маму спроси – имели удовольствие тут одного друга-Ромео... И потому висельники мне тут не нужны, понял?

– Так, рыжик солнечный, остановись и

не обижайся. Ты же знаешь, если я сказал, то так и сделаю. И не переживай, я недолго. Встречу новый день и вернусь. Это слово. И что за чушь, прости, ты несешь? Про висельников – тема не моя и не про меня. Чтобы я как цыпля синяя с шеей набок и в штанах, полных собственного дерьма, висел? Не зли, а то вообще прямо сейчас уйду. Даже не шуткуй со мной так. Ясно? Ладушки, не серчай. И вот еще. Я Андриюшины лыжи возьму, можно?

– Мишка, прости, чей-то я не так, прости. А лыжи? Да бери, конечно, только как ты пойдешь-то в них? Они же сорок третий. А у тебя сорок пятый. Ноги же поморозишь.

– Нет, хорошая, я валенки «на тракторе» возьму в рюкзак, у костра переоденусь, если что. А идти недалеко. Я на полянку свою наведу – и все.

– Ничего себе – недалеко! Ты же на карте показывал: почти девять километров. Что случилось у тебя с головешкой-то? Точно все в порядке?

– Девять, это если как осенью, в обход. А я напрямки, максимум километра три-четыре, так что и замерзнуть не успею!

– Мишка, ты псих? Ведь напрямки – это же через болото. Провалишься! Мороз-то всего неделю, не промерзло же.

– Все, девочка, тема закрыта. Я не провалюсь, и точка. Обойду что надо, и еще: не учи ученого, причем, во всех смыслах – хоть по-хорошему, хоть по-плохому!

Он улыбнулся и начал быстро собираться. На все про все ушло максимум пять минут. Заглянул в комнату к ребятам и махнул рукой:

– Поки-поки, чалмики! И спать ложитесь рано, меня не ждите, я сам и тихо. Приду, приму душ горячий – и на боковую! Я ушел!

Выйдя на улицу, он включил налобный светодиодный фонарь, надел лыжи. Ботинки отчаянно жали, хотя терпеть можно. До конца поселка и спуска к болоту дорога была широко накатана, и он, чуток пройдя классикой, перешел на коньковый ход. И буквально через десять минут подъехал к краю террасы. Все – дальше ни дороги, ни тропы. Снега чуть выше колена. Сказав самому себе спасибо, что вместо бахил в виду их отсутствия натянул сверху ботинок и джинсов обычные крапивные мешки из-под сахара, перетянутые крест-накрест обвязным репшнуром, он оттолкнулся и выехал на засыпанное снегом зеркало первого озерца, сгребя перед собой сугроб чуть ли не до пояса. Лед слегка прогнулся, тяжело ухнул, но выдержал его немалый вес. Стараясь держаться края озерца и вмерзших камышовых зарослей, он четко пошел

в нужном направлении, ориентируясь на еще видневшиеся звезды – начало заметно порошится, и тучки постепенно сгущались. Продвигался он быстро, плохо было только одно – ветер резко усилился и стал поднимать уже не порошу, а целые вихри выпавшего накануне и еще не успевшего как следует слежаться снега. Тем не менее, минут через сорок он достиг заветной полянки, которую предварительно обошел по лесу кругом. Как он и предполагал: никто сюда не ходит. Все лыжные, снегоходные и квадроцикличные дорожки пролегли далеко в стороне. От осеннего благоухания не осталось и следа. Озерцо замерзло и замечено. Навес перед кострищем прогнулся под снегом. От грядочек и клумб не осталось даже видимости.

Он набрел на эту полянку еще осенью и совершенно случайно, когда на горном велике исследовал окрестности в радиусе аж двадцати пяти километров от своей «берлоги-комнатки». Она его поразила: чистая, прибранная, с навесом и топчаном, столиком и кострищем с капитальным таганком. И самое поразительное – между навесом и озерцом были обустроены три грядки, на которых рос лук, чеснок, два вида салатов, цветная капуста и морковка. Но более всего его удивили три ухоженные клумбы с цветами, где росли и ноготки, и маленькие полудикие гвоздички. И львиный зев, и чуть расхристанные хризантемы, два вида ирисов и желтые мохнатые шары, название которых он так и не вспомнил. Он стал сюда приезжать часто. И никогда не было никаких следов проживания. А следы, увиденные в первый раз, шли от топчана к краю озера и обрывались возле уреза воды. Назад они не возвращались. Они так постепенно и исчезли, размываемые дождями. Новых следов не появлялось. И было видно, что это полянка не для «шашлыков с девками», так как в мусорной яме, аккуратно обнесенной фашинами из крупных веток, не наблюдалось ни одной пустой бутылки из-под спиртного или пива. А только пустые банки из-под каши, тушенки, рыбных консервов. По мере наступления осени, когда в окрестностях и на дачах уже почти исчезли цветы, здесь они еще жили. И однажды, видя, что хозяин так и не появляется, а цветы вот-вот попрощаются с теплом, он нарезал большой и замечательно красивый букет. Принес его в дом и выставил в вазу на кухонном столе. Надо было видеть вечером глаза совершенно обалдевшей девочки. И надо было слышать, как она смеялась, чтобы понять – в этой жизни всегда есть место чудесам.

А еще эта полянка понравилась тем, что

на пригорке осталась система оборонительных сооружений второй мировой. Сделанная не на совесть, а на страх жизни военно-окопной, она спокойно пережила все эти годы, конечно же, частично обвалившись и подзаросши во многих местах. А вот пулеметная точка, видимо, «хозяином» полянки была тщательно расчищена. Прямо хоть сейчас бери и устанавливай пулемет. Смущало только одно – сплошной и достаточно густой лес в округе. На первый взгляд, такое местоположение выглядело нелогичным. Но просчитав годовые кольца на самых крупных пнях, он понял – весь лес не старше пятидесяти-пятидесяти пяти лет. То есть он ему почти ровесник, а в годы войны здесь ничего не было – сплошное заболоченное, открытое пространство, с данной точки простреливаемое на очень серьезное расстояние чуть ли не до железной дороги вдоль поселка.

И уже зная, что будет сюда приходить, он заготовил прямо на точке большой запас сухих березовых и сосновых дров, крупных кусков сухой бересты, а сверху накрыл их своеобразным навесом из елового лапника.

Туда он и направился.

Сноровисто разгреб снег на кострище, а потом и над навесиком с дровами. Сделал костровую закладку, достал зажигалку и поджег крупный кусок сухой бересты. Она сразу же зашипела-затрещала, роняя на снег брызги горящих искр. Он подложил ее в основание костра. Тут же схватились и остальные ломтики бересты, а за ними и тонкие щепки основы. Максимум через десять минут горел большой и веселый костер, который живо откликался на каждый порыв ветра, не такой сильный, как на заболоченных проплешинах, но все же прилично ощущаемый. Повесил на таганок котелок, предварительно заполненный сильно утрамбованным снегом. Чуток погода котелок слегка запел, потом затих – значит, вода закипела. Достал кружку, всыпал в нее жменью заварки и залил. Поставил кружку на пенек и стал ждать, когда чай заварится и чуток остынет. Посмотрел на сверток со сковородкой с картошкой и снова засунул его в рюкзак. Прислонился к дереву, закрыл глаза. И тут же в голове снова противно зажужжал осточертевший мотивчик: «Я-жу-ж, я-жу-ж, я жу-ж...».

Он встал, закурил сигарету и взял в руку горячую кружку. Слегка обжигаясь, маленькими глоточками начал отпивать чай, чередуя с глубокими и нервными затяжками. И мотив куда-то отступил-исчез, а музыка, любимая музыка, которая, правда – *La Musika Se Ecaba...* – то есть музыка начинается, для того чтобы потом

умолкнуть... – не подвела. Она возникла из небытия и заполнила все сознание. И среди тьмы, порывов ветра, иногда промелькивающих в разрывах туч звезд Большой Медведицы полились великие слова Жака Бреля, а любимый голос – в речитативе лирическим баритоном, а в куплете чистейшим бельканто драматического тенора Дина – возносил душу буквально в Небо. И он весь отдался этому чуду:

If you go away on this summer day
Then you might as well take the sun away.
All the birds that flew In the summer sky
When our love was new
and our hearts was high,
When the day was young
and the night was long,
And the moon stood still
for the night bird's sang,
If you go away,
if you go away,
if you go away.

Он еще медленней продолжил смаковать чай, закурил новую сигарету, а музыка лилась-лилась-лилась:

But if you stay, I'll make you a day
Like no day has been or will be again.
We'll sail on the sun,
we'll ride on the rain,
We'll talk to the trees
and worship the wind
And if you go I'll understand
Leave me just enough love to hold
in my hand,
If you go away,
if you go away,
if you go away...

После четвертой сигареты, держа уже пустую кружку, он вдруг почувствовал, что все – он замерзает, несмотря на разыгравшийся костер, и пора возвращаться. По субъективным ощущениям время приближалось к десяти. Пора, скоро полночь, и надо успеть помыться, а потом зажечь давно сохраняемую свечку из Храма и сказать Небу. Сказать свои слова. Большого он уже не хотел.

Быстро упаковал рюкзак, надежно засыпал снегом костер, который действительно набрал нешуточную силу. Почувствовав, как в левой руке снова проснулась трудно терпимая боль на двух пока еще не начавших убийственный рост маленьких опухлях на вене, отводящей кровь из руки, он обернулся на окопчик-склад дров и усмехнулся самому себе. Совсем недавно в Москве он перестарался. Сначала обрадовался, что в руки мгновенно вернулась прежняя мощь, благодаря этому он сумел сделать то, что и должен был. Но радость была недолгой. Уже вернувшись, через две

недели он ощутил, как стали неметь пальцы на левой руке. В эйфории от оказавшейся бессмысленной победы он пропустил время контроля за своими двадцатилетними «спутницами» жизни. И вот две ожили, и пока не удавалось загнать их в привычное состояние. Первая боль резко ударила ночью уже как неделю. Что ж, чему быть, того не миновать. В конце концов, он всегда ощущал себя потомком викингов: «Просто по факту – знаю, и все». И всегда признавал их правоту ухода в Небо всем своим существом до последней клеточки вслед за Душой. Потому и запасы дров его улыбнулись – отличное место, и все по-мужски!

Назад, по уже пробитой лыжне, шлось споро. Но он все-таки, так как уже не просто прилично продрог, а стал активно мерзнуть несмотря на резвый темп ходьбы – ботинки-то тесны – совершил торопливую ошибку. До начала дороги и конца первого озера оставалось сто метров. Лед держал, и он решил не идти, как в первый раз, кругом, а выйти напрямик. Он не дошел до береговой черты каких-то пять метров, когда сзади глухо ухнуло, и большой пласт прибрежного льда стал резко опускаться за ним. Он всеми силами оперся на палки, чтобы не съехать назад, а сталисто-черная полоса ледяной воды почти мгновенно добежала до берега озера. Ноги оказались в воде. Выругавшись, он дождался, когда наклон прекратился, еще сильнее упер палки – да так, что они стали вибрировать. «Главное, лишь бы выдержали», – подумал он, а потом, уловив центр тяжести, со всей силы вытолкнул себя вперед и, не допуская проскальзывания, буквально вывалился в береговой сугроб.

Не тратя ни секунды на бесполезные в данной ситуации маты-сетования, он во все оставшиеся силы, благо что достиг накатанной дороги, пошел коньковым способом с максимально достижимой для него скоростью. К воротам подъехал минут через пятнадцать. Если термобелье и носки были отвратительно мокрыми и ледяными, а последние еще и противно хлюпали при каждом шаге, то бахилы и джинсы замерзли колом и потрескивали при каждом размашистом шаге.

Но все хорошо, что хорошо кончается. Подойдя к бане, он очень удачно, в один удар отстегнул крепления и не стал заносить лыжи в кладовку, а просто поставил их вертикально у крыльца и ввалился в тепло. Электричество сэкономили, и инфракрасные потолочные нагреватели работали в треть мощности. Но плюс десять – это не минус десять, да еще в мокрых штанах.

Далее все происходило на автомате – скинул рюкзак, «аляску», не с первого раза

стянул джинсы и остальную одежду. Содрогаюсь мелкой дрожью, подлетел к душе и пустил горячую воду. Пока она текла от бойлера и была еле теплой, у него зуб на зуб не попадал. Зато после ощутил истинное блаженство и не выходил из-под горячих струй до тех пор, пока горячая вода не стала иссякать в столитровом накопителе. Мало того, что он согрелся, так еще и оттаял душой, и почувствовал какое-то облегчение и умиротворенность. Нет – он сделал правильно, что пошел на свою полянку. И он обязательно туда вернется. Повезет – не раз и не два. Нет – значит, вернется в последний раз.

Напоследок в уже еле теплой воде замочил с порошком всю одежду, постирать решил завтра. Босиком и в трусах пролетел на веранду дома, включил газ и поставил чайник, затем на цыпочках пробрался мышью в свою комнату. Как ни замерз, когда возвращался мокро-ледяным, все же успел заметить – свет нигде не горел, только его окошко чуть светилось призрачным голубым светом от монитора бука, оставленного включенным. Значит, ребята уже спали.

Чайник, ну просто по Джерому К. Джерому, закипал долго и нудно, но закипел. Заварив самую большую кружку, фактически полулитровую, крепчайшего купца и, вопреки привычке, добавив в него прилично сахара, он снова пробрался в комнатку и присел к буку, предварительно натянув уже капитально износившуюся тельняшку и сухое трико, надел наушники. И стал искать нужную ему сейчас музыку.

– Мишка, ну ты как? – вздрогнув от неожиданности, он обернулся и увидел стоящую в дверях девочку, чуть заспанную, завернутую в одеяло и в огромных теплых тапках-сапогах – значит, выходила в баню. – А что все в бане бросил? «Аляска» снизу во льду, рюкзак на полу мокрый, лыжи во льду. Ты провалился, да?

– Рыжик, а ну быстро спать! Все нормально. В бане завтра прибору. Я чуток только просел и рядом тут, так что все пучком! Не переживай!

– Ага, – девочка зевнула. – Мишка, я вот что хочу сказать. Ты помнишь, говорил, что меня любишь? Ну не так, как дочку свою, по-другому, но любишь? Так вот, Мишка, знай – в нашей семье тебя все-все очень любят. И не предадут. Ты понял? И еще. Обещай мне, что ты все-все доделаешь? Ладно? И еще обязательно построишь мне мастерскую, чтобы было где камни гранить и картины рисовать. И последнее. Обещай, что не уедешь, пока не нарисуешь – ты же обещал – картину. Я холст уже для тебя при-

готовила, краски масляные получишь любые и кисти. Обещаешь? Не уедешь опять в безывестность, пока не сделаешь? Ладно?

– Ах... девочка, эх... я попробую...

– Нет уж, сделай. Ты же нам никогда не врала... Просто исчезал, не объясняя... А мы ждали, волновались и ничего не знали... Не будь снова сволочью, прошу... А что ты мне нарисуешь?

– Честно? Я не знаю... Наверное, просто букет цветов...

– Прости, банально как-то... Но я все равно буду рада. Даже если это а-ля сирень Кандинского или ирисы Моне...

– Так, давай остановимся сегодня. Прощу... А я нарисую небанально... И будет картина называться «Букет для любимой»... И не сирень, и не ирисы, и не розы... А большие желтые и умопомрачительные тюльпаны... Да, слово даю – я сделаю... А теперь все – иди, спи, моя хорошая... И мужа грей!

– И ты спи, Мишка! И кончай опять свою политику слушать на ночь... Просто поспи... Я же все чувствую, поверь – все будет хорошо...

– Политику... Нет уж. Только не сегодня. Уже новый день... Ах, рыжик, какой день... И светлый, и грустный... Вот, слушай, – он щелкнул мышкой, включились динамики и в комнате зазвучало: «I wish you well...».

– Ой, а вот это здорово! И правильно – всегда надо любимой желать всего хорошего... Ладно, Мишка, я пошла спать... – И уже за дверь, через плечо и тихо: – Не грусти, Мишка. Ты, правда, хороший, но глупый-глупый, а порой – невыносимый... Спи...

Он встал, расправил постель, переключил звук на наушники и положил их рядом с подушкой. Зажег свечку и поставил рядом с иконкой и фотографией. Перевел песню на циклическое исполнение. Выключил свет и залез под одеяло. Укрылся почти с головой и свернулся, как в детстве, клубочком. Закрыв глаза, пригрелся и начал погружаться в тревожное, но все-таки ласковое забытие... Навязчивый жужжащий мотив исчез без следа... Он принял данность. Но он знал, что он верен и терпелив, и он будет ждать и верить. И если надо – он хоть пешком, но дойдет и поможет... Подумаешь, ежики, да делов-то... Не в этом же суть... Да... да-да... конечно же... И Святится Имя Твое...

А в полной темноте на грани слышимости – и пусть La Musica Se Escaba... – лилась круг за кругом чистая и нежная мелодия:

I wish you well...

I wish you happiness, my dear...

My dear, I wish you well...

I wish you well...

НОВЫЕ КНИГИ

Шарлотта Роган. Шлюпка. Роман. Москва: Азбука-Аттикус, 2012. «В первый день мы почти все время молчали: просто не могли осмыслить трагедию, которая разворачивалась у нас на глазах в бурлящей воде, и силились хоть что-то понять. Вахтенный матрос Джон Харди, единственный член экипажа, оказавшийся в спасательной шлюпке номер четырнадцать, с самого начала принял командование на себя. Чтобы добавить нашему суденышку остойчивости, Харди закрепил за каждым пассажиром определенное место согласно его комплекции, а поскольку шлюпка сидела в воде очень низко, нам было запрещено вставать и перемещаться без разрешения. Откуда-то из-под сидений он извлек румпель, прикрепил его к рулю и, кивнув на четыре длинных весла, распорядился, чтобы те, кто умеет грести, принимались за дело. Весла тут же оказались в руках троих мужчин и крепко сбитой женщины по имени миссис Грант. Харди скомандовал им отплыть как можно дальше от тонущего судна и еще прикрикнул: – Шевелитесь, не то и вас утянет под воду, к чертовой матери!». Шарлотта Роган выросла в семье моряков, ее интересовали архитектура и инженерное дело. Воспоминания детства и текст старого английского уголовного кодекса вдохновили выпускницу Принстонского университета и маму троих детей написание романа об умении выживать в условиях, грозящих жизни. «Мастерски используя обманчиво простой слог, Шарлотта Роган на примере кораблекрушения и борьбы за жизнь исследует привычку людей к самообману», – так высказался о романе-дебюте американки лауреат нобелевской премии Джон Максвелл Кутзее.

Лев РОДНОВ

главный редактор
творческой экспериментальной
киностудии «Русская легенда»,
член редакционной коллегии
всероссийского литературного
журнала «День и Ночь»,
профессиональный журналист,
писатель, редактор,
Ижевск

МУХОСЛАВСК

Роман (отрывок)

*Странные и занимательные случаи
из новейшей истории города Мухославска,
а также вольные авторские мысли
и пристрастные комментарии
ко всему сказанному.*

Предисловие

Мухославск – старинный городок в русской глубинке. Обыкновенный, каких сотни, если не тысячи, кои имеются по всей обширной территории нашей. Кто-то здесь живет с детства, кто-то приехал сюда приятно доживать, купивши за гроши домик-развалюшку с обязательным видом на воду. Почти все здешние обитатели носят в карманах и сумках наивысший документ русской жизни – пенсионное удостоверение, а отличаются финалисты земной суеты друг от друга только набором льгот да суммою ежемесячных денежных пособий. В результате многочисленных исторических потрясений все здесь, в патриархальном логове провинции, давно затихло: и промыслы, и ремесло. Свободные от каких-либо идейных обязательств и стратегических мечтаний граждане оказались предоставлены сами себе; тихое большинство просто и почти бездетно состарилось, однако не утратило прежней активности;

неизрасходованная энергия их жизни не исчезла в никуда, насовсем, а наоборот, подчиняясь законам эволюции, бурление умов и душ людских вполне благополучно перетекало из устаревшей формы бытия в иную. Любой здешний прохожий вам подтвердит: город Мухославск и поныне хранит в своих недрах людей самых лучших, замечательных русских мирян, штучных характером, детей по сути, литературных по поступкам своим и обаятельно фундаментальных в самодельной, как самокрутка, – на день или два – собственной философии. Милые чудаки, украшение серости нашей! Каждый – увеличительное стекло для своей увлеченности. Чем бы не тешиться, лишь бы защититься от пустого безделья! Всего-то. Старые миряне, как известно, ценят настоящее больше остального, каждый его миг, каждую его пульсирующую клеточку. А это ведь и есть гражданская сила нации, которая противостоит

условному существованию в пространстве перевернутом и призрачном – миру духовной безработицы, личной бедности, подлых политиков, великодушных бандитов и воров в законе и малодушных бандитов в государственных креслах, дурному повсеместному алкоголизму и просто смертной тоске человека в далеком глухом захолустье. Наклонит, бывало, судьба или обстоятельства чашу настроений до самого края, а она опять – р-раз, и на место: равновесие! дивное свойство здешних незлобных людей! Обыкновенный Мухославск тем и хорош, что он обыкновенный. Живет внутри себя самого, как умеет, как может, как уж получается. Что ж, всякий обыкновенный внешне городишко предстанет взору сер и быстро забудется, если проезжать его махом, лишь наскоро выпив в придорожном буфете пивка да закусивши пирожком с местной начинкой, ничуть не интересуясь скучными подробностями здешнего быта. Однако шалишь, прохожий! Стоит присмотреться чуть внимательнее к любому из таких городков изнутри – ахнешь! Каждый из них – натуральный бриллиант особой огранки. И сколько же их разбросано по Руси тут и там! Кто-то глянет на все мимоходом, как на кучу чужого, так ведь только кучу во всем и увидит. А стоит прищурить глаз да растеплить встречно собственную душу – боже ж ты, боже! – вот оно, чудо-то: обыкновенное наше становится вдруг самым ярким!

УЗКИЙ КРУГ МОИХ ЛУЧШИХ ДРУЗЕЙ

Часть первая

Лейся, речь моя, ясно и полно. Не из бездны пустой ты приходишь, красою полна. Не в порожнее сердце ложишься. К полноте полнота прибавляйся! О защите устоев молю, о ветвях наших древ родовых и о памяти верной, о возвышенной дружбе, умениях дивных и редких. Лейся, верное слово, вершись, мое доброе дело, расти в доброте мое имя. Расте через край! Чтoб не знать на краю пустоты.

Я.И., окружной врач города Мухославска.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН СТАРОГУД

– Счастливый человек желаний не имеет! – заявил перед сном почетный гражданин города Мухославска пенсионер Фридрих Карлович Старогуд, и, утвердив сию неоспоримую истину вслух, он решительно отвернулся от жены, которая была моложе его вдвое.

Ночь пела на голоса. Пели сверчки в

саду, вибрируя хитиновыми коленками, пела листва на деревьях, любовно перебирая разомлевшими листьями волосы теплого ночного ветра, всхлипывала редкое пронзительное соло ржавыми суставами шарниров соседская калитка, и, конечно, как всегда, без усталости вибрировали над головой непостижимые звезды, влетая в общую симфонию ночи свою неслышимую, но такую важную лепту, – восторженные звезды приветливо помахивали паучьими лапками желтых лучиков, подмигивали землянам, охотно и с душой дирижировали работой сводного оркестра местного бытия, что так самозабвенно звучал на разогревшейся за день сцене августовского городского благолепия. Старогуд храпел в самом центре сказочного действия. Сквозь раскрытые створки окна спальни храп его вырывался встречно на волшебный небесный простор и волнообразно колебал вселенную целиком, всю, до самого тайного ее корня; булькающий рык из семидесятишестилетней мужской глотки был могуч и неотвратим, как космический форсмажор; Фридрих Карлович Старогуд представлял себя осью гармонии мира даже во сне.

Утром симфония смолкла.

– Как спалось? – бесхитростно поинтересовалась жена в половине восьмого и тут же об этом пожалела. От жгучего вопроса проснувшийся Фридрих Карлович вспыхнул, как пересохшая прошлогодняя трава от окурка.

– Они ушли! Они все куда-то ушли! Их нигде нет! Они больше на меня не смотрят!

– Кто ушел? Кто не смотрит?

– Они!!!

Заслуженный пожилой человек в старомодных семейных трусах был огорчен и взволнован, как осиротевший ребенок. Он горестно восседал на кровати, свесив вниз бледные телячьи ноги, покрытые анатомической татуировкой проявляющихся вен. Жена вздохнула; она, как всегда, достоверно догадывалась обо всем тайном, что за нудные годы их бездетного супружеского тандема давно и многократно становилось явным. Свобода оригинальных фантазий исправно поставляла к столу впечатлительного, но малообразованного разума Фридриха Карловича особую пищу – пасторальные картины всегда и во всем идеального прошлого. Насквозь золотое прошлое невыносимо контрастировало на фоне омерзительных картин настоящего. Когда-то Старогуд являлся бессменным личным шофером директора единственного градообразующего предприятия Мухославска – трижды орденосного завода резинотехнических изделий с выразительным на-

званием «Красная калоша». Но времена, как говорится, изменились не к лучшему. Завод скоропостижно умер в расцвете своих сил и возможностей. И чтобы не сойти с ума от нынешнего мира измельчавших людей и не наложить на себя руки, Старогуд коллекционировал старинные вещицы, бродил с миноискателем по городским свалкам и пустырям, чудом вытаскивал откуда-то несусветный хлам минувших веков и писал обо всем этом в городскую газету восторженные безграмотные заметки. Так на редакторском столе запросто могла появиться пачка старинных лубочных открыток в конверте, поверх которого клюковатым, как куст сухого терновника, старческим почерком Старогуда было обозначено главное содержание: «Женьщины для красоты, любви и наслаждения. Восемьнадцать штук». Но все-таки самым выпуклым и обо-собленным свойством его натуры была чуткая, пугливая, как скрывающийся налогоплательщик, фантазия, слегка, возможно, оглушенная дальним шизофреническим эхом по материнской линии. Фанатично верующий в торжество справедливости – в идею Страшного Суда – Фридрих Карлович Старогуд охотно общался с инопланетянами и добрыми духами. Злых духов он не любил за их выдающийся хитрый ум, быструю техническую смекалку и оскорбительную во всех отношениях культурную начитанность. Впрочем, злые духи хорошо отгонялись крестным знаменем, крепким искренним словцом или стаканчиком малиновой настойки на спирту.

– Дай! – потребовал мученик.

С утра появлялись желанья. А, значит, заканчивалось счастье.

ЧЕЛОВЕК-ЭПИЗОД

Бытие – это вспышка. Небытие – ожидание вспышки.

Старики Мухославска хорошо знали друг друга и составляли, благодаря этому, крепкую коммуникационную сеть, внутри которой любое действие и любое словцо аукалось и отзывалось повсеместно и немедленно. А отсутствие времени – старость – позволяло творческим натурам приближаться к разнообразным соблазнам вечно го прихотливо и не без куража.

Местный технический гений – сухопарый высокий человек, грудь которого с детства постоянно выгибалась вперед наподобие турецкого ятагана – был здесь несомненной знаменитостью. Математик, неутомимый изобретатель, поклонник прогресса науки и техники. Он вообще с юности производил впечатление чего-то острого, чего-то колюще-режущего, как принято

выражаться у представителей служб общественной безопасности. Острый череп, заостренный подбородок, треугольные небольшие ушки и такие же треугольные глаза, из которых то и дело вылетал молниеносный взгляд, чем-то похожий на длинное жало огромной осы, – все это, конечно, свидетельствовало о крайней подозрительности данного типа. Проводники поездов и охрана аэропортов присматривались к саблеобразному пассажиру с неизменным пристрастием.

Мухославский изобретатель попеременно увлекался то инженерным конструированием, то всерьез баловался невероятными какими-нибудь теориями. Он успел выпустить в свет немало брошюр непонятного содержания с чертежами и формулами. За минувшие десятилетия исчисленными вдоль и поперек оказались и видимые, и невидимые пространства. Но муза – родник непостоянный. Тем более, что возраст и ученая маститость требовали вещественного подтверждения многопрофильной состоятельности мэтра. Изобретатель сам не заметил, как увлекся, подражая примеру своих сановитых приятелей из столицы, строительством собственного оригинального коттеджа. Однако после героического рытья двадцатисемиметрового колодца муза и научный кураж бесповоротно иссякли. Животворная небесная жила, скривясь от мозолей и трудовой лихорадки, ушла от автора. Ни водка, ни баня, ни рыбалка не помогали. Провинциальный непоседа, спокойно прикинувший на дальнейшую жизнь свои холостяцкие запросы, как ни странно, легко смирился с творческим климаксом. Но судьба зачастую играет с человеком куда азартнее, чем он с ней. Случилось еще одно несчастье. Однажды в конек почти достроенного дома ударила молния. Горящий чердак погасили соседи. А ошарашенного и слегка опаленного седовласого гения «скорая», не имевшая в своем арсенале никаких медикаментов и средств оперативной медицины, грубо и эффективно реанимировала крепчайшим нашатырем.

Тут же стариковское «радио» передало по городу важную новость: величественного Ятагана – так его все звали за глаза – после удара током «закоротило». Строительство бросил. И что самое интересное, изменилась осанка, выгнуло человека в другую сторону, наоборот – ятаганом назад: сутулым стал в одночасье. И молчит теперь. Но что еще интереснее – стоит кому-то в присутствии контуженного начать врать, как он вмиг становится прежним – ятаганом вперед. Так его и ломает весь день, пока по городу шляется,

бедняга: то грудь колесом, то спина колеса хуже... И молчит по-прежнему. Заметно, что думает о чем-то непрерывно, но – молчит! молчит! Только смотрит при этом на людей как-то странно всеми своими «треугольниками», как робот: будто внутри себя самого записывает все, будто запоминает подробности, одному ему ведомые... Ходячее немое суеверие! Еще вчера был в Мухославске человек-величина, а нынче – человек-эпизод. Хуже черной кошки стали его многие бояться. Недавно в городскую налоговую инспекцию занесло бедолагу. Зашел в кабинет – грудь что лук богатырский! – каменные тетки от посетителя врассыпную так и покатались! Ятаган!

Спасибо, местный батюшка заступился. Ржавый – так кличут здешнего батюшку за его огненную шевелюру и весьма часто применяемую вслух поговорочку: «И по ржавой проволоке, чада мои, идет ток!». Так вот, только батюшка и сумел пояснить интересующимся суть ситуации, приятно воркуя, как отлаженный механизм, на одной ноте масляно-елейным певучим фальцетом:

– Что вы удивляетесь?! Еще не такое случается по Божьему попущению! Раньше наш землячок только и делал, что поперек природы шел да бумагу чертежами пачкал – никому ненужное из себя выдавливал, тужился. А теперь опустел, слава Богу. Вот вам и пример. Настоящая жизнь в открытое покаяние сама собой входит! Без мудрований и без усилий. Нужно лишь правильно верить, молиться и ждать. Сами теперь видите: пустому само все дается!

ИБО

Более всего умудренных мухославских корифеев в современном мире раздражала его манера уместать в мимолетных формах все и вся. Допустим, глуповатая, но хищная реклама могла запросто воспользоваться какой-нибудь идеей с тысячелетним шлейфом традиций и за десять рекламных секунд на экране обесценить и осквернить эту несокрушимую идею, просто нарядив ее в балаганную легкость. Цивилизация впала в беспечный маразм – в детское счастье заката.

Так считал получивший отставку и крупную пенсию коренной мухославич, судья по прозвищу Ибо. То ли в шутку, а то ли всерьез окрестили друзья его кличкой, которая крепко прилипла к натуре и к образу умного дядьки. Кличка часто бывает точнее любых описаний: и ясно, и кратко. В сердце точки попасть – дать звучанье поверх нареченного.

Ибо часто любил повторять: «Не суди. Рассуждай». Он, пожалуй, имел на то право. Сколько жизней прошло перед ним

чередой! И все меньше и мельче они становились, пришедшие с той стороны, что народом звалась. И все бешеной правое диктовала угроза народная – власть. А ведь те же людишки с обеих сторон! Только жадность да страх разделили не поровну.

Рассуждая, пришел человек к невеселому выводу: ничего он не сделал за время своей суеты на земле, много значить хотел для себя и других, верой и правдой закону служил, упражнялся в казенном труде, а остался – никто. Хоть на старости лет прислониться б к кому, подышать напоследок!

Рассуждать – ноша тяжкая, а судейство – нормальное сердце и вовсе не выдержит. Ибо шел по стезе своей зряче и мудро: балансируя между бездушною куклой, наряженной в мантию, и предательством внутренним – опасно зевающей сонною совестью.

Слава Богу, не умер судья от инфаркта досрочно, не стрельнул в него никто из глотнувших слова приговора, не спился, болезный, с коньячных даров, и не только лишь гневом начальственным был закален, а и лаской всевышней одарен в итоге немалых усилий служитель Фемиды. Вот и орден имеется важный, и грамот почетных не меньше кило накопилось. Позади только память, а для крепкой судейской души она вряд ли опасна.

– Хорошо! Ибо спешке отныне конец! – Ибо самодовольно ухмылялся, разбирая рыболовецкие снасти. Он только что отрекся от старого мира и отдал свой телевизор «в хорошие руки». По объявлению в газете на бесплатный телевизор «клюнул» новый его хозяин – поневоле зек Юрасик, бывший директор «Красной калоши», отсидевший за покушение на жизнь лидера городской партии свою «полторашку». Ибо помнил, как непросто было оставить криминального, но вполне вменяемого директора «Красной галоши» в местной городской тюрьме, как непросто было уговорить весь начальственный круг не этапировать отца семейства и экстремального борца за справедливость в Сибирь.

Жизнь в Мухославске всегда напоминала бесконечный судебный процесс. Правда, далеко не всегда этот процесс добирался до своего апофеоза – до скамьи подсудимых. Силы справедливости, чаще всего, обходились сами, без посторонней помощи, реализуясь самым прямым и доступным методом: в драке на остановке такси, в длинной матерщинной тираде водителя на переправе, в проклятиях огороженного соседа, в многонедельном запое уникального специалиста-лекальщика, в скабрезных, но чертовски талантливых анекдотах, наконец.

Ибо и Юрасик знали друг друга с детства. Но время каждого после окончания школы текло по-своему. И только пенсионный возраст вновь спаял ручейки и русла отдельных судеб в единую меру – в океан городского безвременья.

– Ну, бывай, позвони, если что.

– Если что, позвоню.

И не важно, кто первую фразу сказал, кто вторую. Корифеи доподлинно знают: в океане все капли равны.

ЮРАСИК И ФИФА

Не стоило напрасно обманывать себя: Фифа, пятнадцатилетняя «свистушка», дочь Юрасика, была стара сердцем, стара душой и бесконечно слаба разумом. От скуки Фифа вступала в развлекательную связь с представителями всех возрастных групп и социальных слоев провинциального городка. К выходкам доброй от природы «свистушки» сограждане Мухославска привыкли: и моралисты, и их практические оппоненты – как-никак, и уму, и сердцу давалась пища: каждому свое. На время очередного озорства мораль как бы сама перенимала от Фифы эстафету скуки и с тайным удовольствием забывалась. Как дымок от браконьерского костра – тихими летними вечерами над водой, вдоль городской дамбы, ядовито стелился шепоток обрюзгших, а оттого еще более праведно брюзжащих блюстителей нравов. Их однообразно-восторженные псалмы на тему осуждения рода человеческого и падения молодежных нравов окрестные небеса слушали самым внимательным образом. По их мнению, Мухославск давно заслужил небесную кару, которую многие праведники одобряли и даже хотели бы встретить ее лично и как можно скорее. Фифа жадно принимала все, с чем ее сводил случай. Способность предвидеть события и обобщать факты отсутствовала в ее существе за ненадобностью, в связи с чем народные «университеты» скачущей барышни не отличались изысканностью. К тому же, она трепетно верила во все страшилки, соблазны и предложения, что приносил безлимитный домашний Интернет. Когда Фифа была в настроении, она задавала отцу вопросы. Но не для того, чтобы получить ответ. А для того лишь, чтобы торжественно и победно произнести нужный ответ самой. Знамя эгоизма и телевизионные пророки материального мира внушили беспредельно самовлюбленной и доброй Фифе, что она – уполномоченный филиал самого Совершенства, а потому любое ее желание естественно и вполне законно. К тому же, голос Совершенства настойчиво подсказывал: «Ты – единственная!».

А уж это обстоятельство давало Фифе необсуждаемое право выкладывать фривольные свои фото в регулярно пополняемом личном блоге. Сопутствующий текст варварскими кусками брался из случайно найденных художественных произведений – для украшения изображений своей обнаженной попки высоким обнажением смысла. Фифа беззастенчиво употребляла и безвестный талант современников, и дары от всемирно известных классиков – крылатый текст как бы окрылял и порнографию. Многие пожилые горожане, кто освоился с новой техникой и смог преодолеть страх перед чудовищем-компьютером, охотно почитывали-посматривали трансляции блаженной землячки, неодобрительно, но восторженно прищипывая языком: «Ловко! Ловко! Обязательно найдет себе мужа в Америке!».

Юрасик ни в чем не ограничивал свою последнюю дочь и никогда не наставлял ее на путь истинный, поскольку давно убедился: путей много, а истин – ни одной. После тюремного срока жили отец и дочь, отделившись от остального семейства, в малосенькой «малосемейке» на втором этаже в приватизированной по случаю заводской «общаге». Такое окончательное распределение треснувшего по всем швам родственного уклада всех устраивало.

Юрасик катался на велосипеде и вел здоровый образ жизни. Однако Фифа никак не хотела брать с него пример. Чаще всего она ночевала у своего дружка, который обслуживал горожан по части изготовления праздничных и предвыборных портретов, а также портретов для панихиды. Иногда ему случалось снимать пейзажи для календарей. Конвейер заказов не останавливался. В современном мире изображения правили бал. Дружок был фотографом, опытным интриганом, трижды разведенным мужчиной, громогласно обожающим природу и женскую красоту. Поэтому он, тоже без пяти минут пенсионер, коротко стриженный, бородато-усатый юркий сыч, гордился своей связью с малолеткой.

– Ты не эгоист! – сказала Фифа отцу с той редкой интонацией превосходства, что заменяет многим людям силу аргументов.

– В нормальном обществе эгоизм должен быть коллективным. Одно лишь это позволит безопасно эволюционировать...

– Папик! Ты не эгоист! Но ты странный. Я где-то читала про поколение «свадебных солдат», вас специально таких вывели в прошлом веке, да-да! Твой ум вырастили в ящичке, а язык тогда было модно иметь раздвоенный, как у змеи. А еще ты добрый, папик. Поэтому такой же дурачок, как и я. Ой, дай я тебя поцелую! Фу, какой колю-

чий! А еще я знаю, что добрые плохо слышат остальных, потому что суют свой язык к себе же в ухо... Зло всегда тихое, а доброта громкая. Эй, папик! Ау? Я – твое зернышко! Ты понимаешь?

Пришлось опять раскошелиться. Фифа – зерно дороги новой – требовала денег. Всегда немного, но все же чувствительно для бюджета неработающего.

– Когда же ты повзрослеешь наконец? – сокрушенно вздыхал Юрасик, расставаясь с очередной купюрой.

– Ха! Звучит иначе: когда же ты, наконец, сдохнешь? – веселилась блаженная Фифа.

ЛЕВ МОИСЕЕВИЧ, БЫВШИЙ ЧЛЕН КГБ

– Все старое! Все абсолютно старое! Я живу в очень старом доме, кушаю из старой посуды, вспоминаю о старом чаще, чем думаю о новом, меня окружают старые люди в очень старом городе, вокруг меня одни лишь старые проблемы, вновь звучат старые идеи и по радио старый патриотизм говорит о старых врагах, меня тычут носом в старую красоту или в старые грехи, вокруг меня старая страна, которая молится на старых-престарых покойников. Что делать? Я сам старый, но я хочу жить!

Лев Моисеевич разговаривал со своей яблоней в саду, доставшейся ему по наследству от старых хозяев. Яблоня была хороша! Ее корни крепко держались за землю, а крона возвышалась над садом как храмовый купол, и с этой таинственной высоты, укрытой листвой и ветвями, ежегодно вниз опадали сладкие плоды. Яблоня жила между небом и землей, не суетясь, не ерзая по планете в поисках лучшей доли, нет, она жила намного лучше; горизонтальные путешествия интересовали ее мало, а для вертикального продвижения между тьмой и светом имелся удобный «лифт» – ствол дерева, вокруг которого и творилось радостное плодоношение. Дожди и ветра, зимы и лета по очереди здоровались с несокрушимой красавицей. И вот – ствол внизу треснул, в трещину сразу же напозли жучки, муравьи и слизи. Это событие чрезвычайно взволновало Льва Моисеевича, и он в срочном порядке закрашивал трещину водной смесью глины и извести.

– Все старое! И нет совсем никакой надежды продлить удовольствие жизни, опираясь только на это. Что делать, что делать? Дети падают в землю... – садовод поднял одно из яблок и стал его внимательно рассматривать, просвечивая предмет своего изучения насквозь, до рисунка семян, как рентген. – Дети падают в землю непривитыми! Они вырастут дикими, а плоды их будут невкусными. Старой культуры уже

нет, а новая не любит ничего выращивать. Что делать, что делать? Выращивать долго, а всего хочется сейчас и сразу. Такая старая проблема! Мама, твой ствол уже треснул...

Лев Моисеевич не был стукачом или какой-нибудь секретной канцелярской крысой в погонах. Его биография проклюнулась и правильно сориентировала свои лепестки еще в институте, как подсолнух, когда способного студента пригласили на собеседование в органы и предложили специализироваться на охране космических объектов; так что жаловаться на недостаток работы и впечатлений никогда не приходилось. Высшее техническое образование удачно дополнилось высшими курсами школы госбезопасности. Лев Моисеевич привык много знать, поэтому предпочитал в большей степени доверять тем органам в своем теле, которые принимали информацию, а не выдавали ее. Неоднократно закаленный инстинктом самосохранения в крайних боевых обстоятельствах живой «приемник» по имени Лев Моисеевич развил в себе профессиональную сверхчувствительность. Все формы жизни, с которыми ему пришлось когда-либо соприкоснуться, он ласково именовал на манер заискивающего перед силами природы язычника – «Мама».

– Мама тоже старая, – утомленный работой садовод присел на низенькую табуретку передохнуть и любовно похлопал ладонью по земле. Земля в ответ, как довольная старая кошка, заурчала листвой.

Лев Моисеевич совсем не был похож на классического разведчика с орлиным носом, стальным голосом и ястребиным оком. Напротив, он больше напоминал добродушного Колобка из детской сказки. Весь какой-то круглый, добродушный. Только живые голубые глаза на круглом лице да неспящая, как взведенный капканчик, особая ехидца в голосе выдавали в нем недюжинный жизненный опыт и скорбный ум посвященного. А чтобы не мрачнеть от многих своих знаний, Лев Моисеевич обожал в компаниях универсальное средство общения и личной защиты – черный юмор. Наедине же с собой он был на удивление сентиментален.

На высококачественных космических снимках Мухославск напоминал зерновую оладушку, одиноко выпеченную на зеленом противне равнинных русских лесов. Именно так, эмоционально, пользуясь служебными возможностями, выбирал свою тихую гавань отслуживший офицер – наугад, на чутье, просто рассматривая изображения городов и весей наших во всех их секретных подробностях. А вот вам и подробности эти: где-то смыло плотину, где-то

сгорели торфяники, где-то мелиораторы умудрились превратить луга в нехорошие пустоши... Зато старый Мухославск, во веки веков удаленный от железных и воздушных путей цивилизации, сохранял перманентную девственность. Это было заметно даже с орбитальной высоты. Выбор состоялся сам собой. К тому же, каким-то далеким ассоциативным образом заманчивая «оладушка» напоминала форму «тарелки», которая повисла однажды над атомным полигоном и провисела так три недели. А потом вдруг исчезла, растворилась в воздухе на глазах у сотен очевидцев, как туман. Говорить об этом было запрещено, но в душе каждого свидетеля навсегда запечатлелась неземная тоска – собственная беспомощность перед громадой иного бытия. Многим бы хотелось шагнуть за грань неизвестного, но никто не знал: как это сделать? Неизвестное находилось рядом, оно даже позволяло себя иногда рассматривать, но было совершенно недоступно для ограниченного людского понимания. Именно тогда Лев Моисеевич осознал: Мама-Земля куда надежнее и ближе, чем Папа-Небо.

Ах, какими силами, какими потоками энергий и судеб доводилось распоряжаться Льву Моисеевичу! Это было похоже на музыку, на могучую симфонию в честь коллективного технического гения милитаризованной страны, где даже завод по изготовлению пианино держался на плаву не за счет музыкальных инструментов – основную продукцию завода составляли бумажные ящики, тара для реактивных снарядов. А уж космические заводы и полигоны – гвоздь программы! Здесь пронзительно пели первые скрипки главных конструкторов и технологов, звучали победные звуки трубоподобных бушующих дюз, гремели литавры строгих выговоров с занесением или какофония прессы вокруг венценосных космических фамилий и их золотых орденов. Увы, космос тоже был старым, он обманывал людей своим холодным равнодушием, а люди принимали это молчание завершенной в себе самой пустоты за возможность бесконечного познания. Героическая смерть зачем-то манила к себе мотыльков-лейтенантов со школьной скамьи... Где теперь эта музыка? Оркестр разбежался, инструменты украли дураки и сдали их в металлолом, да и ноты теперь кто уж помнит? Симфония кончилась. Остались свистки.

Со всюю страстью человека, начинающего жизнь заново, Лев Моисеевич упал в объятия Мухославска. Домик его был подобран при покупке вполне удачно – сквозь садовую листву просвечивала, играя на солнце серебристой чешуей, река. Как и хо-

телось взгляду – для романтичности.

Про новичка в Мухославске судачили, но никто не знал доподлинно: что за человек и с чем он сюда явился? Здоровались. Однако дальше дежурных приветствий дело не шло. И это дипломатическое ожидание тянулось и тянулось, до той поры, пока Лев Моисеевич не объявился в городской общественной бане. О, это было для седых горожан особое место, статусное, почти священное. Общая баня! Исповедальные врата! Здесь издавна неформально собирался на высший свой совет городской бомонд мужеского пола. Все здесь знали друг друга, как облупленные, поэтому новый участник банного круга произвел даже не смущение среди обнаженных собеседников – своим неожиданным появлением он парализовал их речь.

Однако все разрешилось самым неприхотливым образом. Голый новичок широко улыбнулся в парной и первым протянул для ближайшего знакомства руку, уже успевшую обзавестись грязными ногтями земледельца-любителя.

– Здравствуйте! Лев Моисеевич, бывший член КГБ.

Все неволью посмотрели на то, что находилось между «бывший» и «КГБ». Пошлость была утонченной, интеллигентно и изящно поданной. Секунду-другую оценивали. После чего парную взорвал дружный мужской хохот. Неловкость отступила: свой! Как говорится в древних книгах: «И стало так». Без ненужной для душевных стыковок долгой подготовки. К местному двору Лев Моисеевич пришелся как нельзя лучше – сразу и с анатомической точностью.

ЧОМБО

Не то чтобы дети не рождались в Мухославске вовсе, рождались, конечно, но говорить об этом следует до конца честно, так, как оно на самом деле и было, и есть – все они рождались и ныне рождаются практически готовыми для общегосударственного употребления стариками. Никто не сможет доказать обратного очевидному. По сути своей, по устройству организма хмурые ворчливые мальцы являлись на белый свет исключительно по требованию той среды, в которой и лечились с первых минут своего существования, и учились думать и действовать, во всем копируя окружающих. Старые младенцы – не новость в этом мире, сколько угодно их можно сыскать повсюду, однако в здешних местах свежееявленные карапузы прозревали сей мир и душой, и телом усталыми; в сознательном пространстве старого, полуразвалившегося роддома их ждали старые руки старой акушерки, тут же старая-престарая религия немед-

ленно ковала свежую душонку на золотую или серебряную цепочку, а впереди у малолетнего старичка были уж уготованы все его последующие шаги – старая школа да разнообразие старых соблазнов бурлящей, как старое болото, последующей жизни. Шутники иной раз веселили народ уморительной правдой: новым на этой дороге может быть только гроб!

И ничего грустного в этой законченной картине нашего мироустройства нет. Чего ж печалиться, если картина уже готова, закончена, и остается лишь любоваться ею, а если повезет, то и пожить внутри. Ишь, красота-то какая! И поле с васильками на первом плане, и городишко вдали, и людишки тут и там поразбросаны; в одном углу картины солнце печет, в другом метель завывает. А вот и царь-батюшка грозен в персональном самолетице владения свои облетает... Никто теперь не смеет готовую картину портить – подправлять там чего или дорисовывать. Готовое, оно на то и готовое, что ничего уж с ним теперь не поделаешь. Другое дело самому «готовеньким» стать под сенью всего, что уж есть – вот это славненько!

Чомбо был поздним ребенком своих престарелых и уже почивших ныне родителей. Но пожить в общей счастливой старости они успели. Чомбо, сколько помнит себя, ставил вместе с отцом самодельную брагу, а мать их ругала, как и положено, за неправильное поведение. Тщетно! Женская мораль не помогала, мужчины знали наверняка: жить неправильно намного интереснее, чем наоборот. Правда, собственных силенок на такое творческое постоянство не хватало, и поэтому в ход шла дополнительная временная сила – могучая энергия народного зелья. А что? Два три стакашечка – и небывалое творчество само начинало бить изо всех щелей. Свобода! То, к примеру, сыночек папашу привяжет веревкой к водопроводной трубе, то сам, инвалид, косоглазый и хромой от рождения, на крышу дома залезет и кричит на всю улицу: «Су-у-уки!». И самим смешно, и людям потешно. А мамаша, мамаша опять за свое – стыдит. Зря. Старость, она на то и старость, что никакого стыда не остается. Трезвые это скрывают, а пьяненький на Руси – считай, живая исповедь.

– Чомбо! – радостно кричат горожане шутнику.

А он отвечает:

– Чо?

Так вот и заслужил свое прозвище.

После смерти родителей пришлось Чомбо кое-как устраиваться. А ведь работать в пенсионном городке Мухославске было негде. Но повезло. Помогло отцовское «вахтер-

ское» наследство – после смерти родителя освободилась вакансия ночного сторожа в бывшем заводском общежитии, а ныне вдоль и поперек приватизированной «малосемейки», той самой, в которой проживали Юрасик и Фифа.

Если и было на земле воплощение идеи наплевательства на все и вся, то, несомненно, это воплощение именовалось Чомбо. До сих пор не находилось такого повода, который бы его хоть как-то взволновал. Любые жизненные препятствия или усилия вызывали в лохматом, не стригшемся и не брившемся уже много лет существе чувство матерного протеста и отвращения. «ТЬфу!» – наплевательски произносил косоглазый Чомбо, и тут же любая проблема решалась путем ее самоликвидации. Трезвым на вахте Чомбо не видел никто и ни разу. Обычно он восседал на вертящемся стуле, непрерывно курил и охотно перебрасывался репликами с запоздалыми жильцами. После часу ночи на город опускалось непререкаемое вселенское замирание. Рядом с вахтой находился огромный пустой холл, посреди которого стоял старый-престарый биллиардный стол, привезенный сюда и поставленный еще радетелями коммунизма. Ночью, по требованию вселенского покоя, входная дверь закрывалась, и движение жильцов прекращалось, благодаря чему на потускневшем зеленом сукне биллиардного стола Чомбо спал. Обычно он неподвижно, как покойник, лежал на спине, а непомерно длинные плети рук смиренно скрещивал на груди. Над переносицей, с той стороны черепа, в снах зажигался яркий широкоформатный цветной экран, и обладатель его до утра наслаждался сюжетами эротического характера. Снаружи буйная волосяная тайга обросшего лица венчала ночной «кинозал» точно так же, как деревенский клуб утопает в столетних кустах, словно специально предназначенных для того, чтобы в них было удобно и культурно целоваться и некультурно писать.

Фифе по ее малолетней старости все еще нравилось озорничать. Но слишком зрелый Мухославск, основанный, по утверждениям любителя истории Фридриха Карловича Старогуда, еще задолго до появления мамонтов, мало подходил для подобных развлечений. Ни фривольные надписи на заборах, ни кукарекание в церкви, ни даже попытка совращения с пути истинного окружного врача Якова Ивановича – ничто не радовало в полной мере энергичную натуру Фифы. Она скучала. Скучала всегда. Она слышала где-то: мол, Бог дает земные испытания людям по мере их потенциальных возможностей. Чтобы люди могли со-

противляться и в этом сопротивлении расти над собой, тянуться изо-всех сил к тому, кто, собственно, и дал им эти испытания. Но такое бытие, завернутое в колесо, хотя и в очень большое колесо, не вдохновляло. В качестве самого тяжкого испытания Бог дал Фифе скуку.

Глубокой ночью Фифа спустилась в холл «малосемейки» и несмываемым красным цветным фломастером заботливо и бесстрашно вывела на лбу ничего не подозревающего, беспробудно спящего в преддверии похмельного утра Чомбо надпись: «Театр одного вахтера». Надпись эта держалась на лбу не меньше месяца. И ни разу за все это время Чомбо не взглянул на себя в зеркало. Ни разу ни один подлый житель Мухославска не сообщил ему при встрече о чем-то таком-разэтаким. На улице вольный ветер охотно трепал неандертальские космы, обнажая для всеобщего обозрения на лбу вахтера высшее достижение цивилизации – осозанный, связный текст. За месяц Чомбо собрал в свой адрес столько человеческого тепла, восторга и улыбок, что их с лихвой хватило бы на замену солнечного света над всем Мухославском.

Когда причина неожиданной пандемии человеческой любви к вахтеру наконец выяснилась, то Чомбо не стал лютовать и возмущаться. Он потребовал от Фифы разумную компенсацию за моральный ущерб.

– На Новый год ты мне дашь. Три раза.

– Почему три? – простодушно изумилась Фифа.

– По разу за слово.

– Хорошо, я подумаю, – тут Фифа явно себя перехвалила. Думать она, как известно, не умела.

ГОРЫНЫЧ

Настоящие боги рождаются юными, юными живут, и даже, доведись принять окончание собственной веры в невидимом собственном граде, – юными умирают. Точно так же, как настоящие люди. На то они и настоящие! Духи солнца, луны, ветра, воды – вечные и единственные языческие партнеры всего самостоятельно живущего, насквозь во всем собственного: и в делах, и в разуме, и в ремесле. Всякий добрый человек понимает: собственные боги любят мирную жизнь, а не войну. Они любят создать самого человека: красивого, умного, светлого, не опасного в шагах своих дерзких ни для себя, ни для своего окружения! Настоящие боги доверчивы и наивны, как дети. А совсем с ними рядом – дух от духа – такие же мирные люди пасутся. Жаль, что чистую веру в понятных и близких природных богов легко замутить, обмануть, пере-

хитрить коварным каким-нибудь образом, запугать страшным будущим и вконец истребить – дать несобственный разум и душу несобственной сделать. Правь тогда безголовыми, как бесправью угодно! Всевластно и безраздельно над трупами маленьких бывших хозяев – духа леса, реки или племени – начинает маячить и возвышаться тогда бессрочный небесный тиран – безусловный инонебный захватчик, чужой победитель, единый как смерть, обязательный жупел народа, князь подменного мира в слепящих камнях и злате, оккупант и бездушный убийца. Так умирает под гнетом насаженной воли и память своя, и свое настоящее, покрытое пришлю силой чужой многоопытной лжи и корысти.

Именно это печальное одинаковое видение оккупированных мухославских небес свело воедино трех городских деятелей: психотерапевта-самоучку, лихого гармониста и председателя Общества пенсионеров. Именно – воедино! Если и есть на белом свете астральное тело, о котором нынче так много пишут и говорят, то для упомянутой троицы оно, несомненно, было общим. А вот головы и характер – поврозь, как и полагается. За что и прозвали люди их дружбу, как в сказке: Горыныч. А и впрямь, появится где одна какая-то голова – на пароходной пристани, на собрании пенсионеров или в лесу у костра, – то, зачастую, рядом найдешь и две остальные. Горыныч! Трехголовый давно пекся о возрождении язычества на родной земле и видел в этом спасение себя, а заодно и продолжение собственной жизненной сказки мухославичей, временно порабощенных чужою духовной инструкцией. Тяжко взмахивая натруженными крыльями, Горыныч часто поднимался в прошлые небеса в поисках утраченной юности.

Господин Февральский-Бодайко не сразу стал «психотерапевтом по излечению национального зла – русского алкоголизма». В продуманных нейролингвистических подробностях на его визитной карточке сообщался главный посыл приглашения – позитивная идеология медицинской помощи. Городок, разумеется, доподлинно знал историю восхождения Февральского-Бодайко в психотерапевты. Горожанам были известны все этапы его эклектичных перерождений: из танцора фольклорной группы в участкового милиционера, из участкового милиционера в практикующего наследственного колдуна, а уж из колдуна – прямиком в медицину. Желающие избавиться от алкогольной зависимости и мрачных дум о своей никчемности по заданию психотерапевта писали в тайных тетрадочках

дневники-исповеди, мучительно и неуклюже формулируя смысл и чувства в предложениях, впервые в жизни давая выход в неведомый внешний мир скрытым своим комплексам: мечтам, грехам и потревоженной, подобно спящему в берлоге медведю, мохнатой совести. По заполнении тетрадки сдавали Февральскому-Бодайко. Что он с ними делал дальше, никто толком не знал. Бывший колдун загадочно удалялся в лес, когда набиралась целая пачка таких тетрадочек-исповедей, после чего пить многие и впрямь прекращали, но не все. Зато те, кто пробуждался от самозабвения, ахал и охал, на все лады и на каждом углу превознося удивительное мастерство целителя. Февральский-Бодайко смотрел на спасенного водянистыми глазами святого, и сам готов был изумленно плакать от сотворенного чуда. Платили по результату – каждый сам, без подсказки оценивал размер вознаграждения за свое спасение. Таким уж было общее требование. Причем для многих самооценочная финансовая процедура оказывалась куда мучительнее исповеди: голова трезвела, но вместе с ней трезвела и жадность. Одно печалило Февральского-Бодайко: очухавшиеся алкоголики не торопились воспевать благодатный труд и независимую веру в независимую собственную жизнь, а, как правило, стадно бежали со всех ног дальше, стремясь присоединиться к стандартному потоку стандартно страждущих – в храм к Ржавому; и вскорости бывшие забудьги начинали уже высокомерно поглядывать с новых позиций на своего недавнего спасителя.

Другая голова Горыныча – низкорослый человек, необычайно бойкий, тараторящий на малопостижимой скорости невнятный поток слов, всеведущий, вездесущий и «вездесуйный», имеющий звание «народного артиста» гармонист Пукрок Яичкин. Вдохновенная речь на темы братства и любви, южный темперамент, узкие монгольские глаза и простодушие северного дикаря выдавали в нем многонациональную суть государства русского. Больше всего на свете Пукрок Яичкин любил путешествовать за счет приглашающей стороны и фотографироваться рядом с мировыми знаменитостями; действительно, виртуозная игра на гармошке и природное этно-простодушие служили ему отличным пропуском сквозь любые непроходимые кордоны, оцепления и запреты.

– Моя не русский, но русских очень, очень люблю! Моя душа – русский! Мы все здесь – одно целый! Русский дети! Национальность у кого какой – совсем не важно! Русский душа лучше всех! Лучше уже никому не надо! Ой, моро-оз, моро-оз, не морозь меня

я-я... Подпевай, говорю! Русский душа петь должен! Есть на Волге уте-ес... Пой!

Где бы ни оказался этот замечательный проныра с гармошкой, он заставлял людей улыбаться. Медленно и неуверенно покидающих свою бронированную скорлупу серьезных господ через полчаса разносило так, что чопорные галстуки, сорванные с потного ворота прочь, отлетали в стороны, а у дамочек каблук отламывались. Уж кто-кто, а Пукрок Яичкин умел заводить публику!

Этот человек был подлинным олицетворением народа. И выглядел он от макушки до пят как народ. Хм, а как это так, дотошный кто-нибудь спросит? А ну, опиши-ка поподробнее! Эх, сколько ни описывай, все одно и то же получается: кепчонка, рубашонка да штаны с ремешком над косолапыми ботинками, морщась, растут. Вот и весь тебе народный портрет. Да что там! Разве ж в одежке дело, когда душа под гармошку гуляет и пляшет?! Одежка на день – и пропала, а душа, что поет и не глохнет, – невеста твоя навсегда.

– Русский бояться надо красоту терять. Понял или нет? Без красоты, знаешь, и плохая никогда не умный, и умный без красоты плохая тоже. Моя тут самый главный теперь! Моя через песню людей соединяй. Понял теперь? Надо людей не через деньги соединяй – через песню надо! Чтобы чисто стало. Только русский так может. Пой, говорю! Ка-а-алинка, малинка, малинка моя... Сильный слова! Пой! Хочешь здоровый быть – ума не надо. Сердца надо! Много сердца! Ма-ли-инка моя!..

Видавшая виды гармошка давно потеряла свое первозданное убежище – фанерный футляр, оклеенный дерматином, – и уже много лет путешествовала по миру в потрепанном туристическом рюкзаке. В том же рюкзаке хранились три пухлых, изрядно потрепанных слишком частой экспресс-экспозицией альбомчика с фотографиями, на которых «народный артист» документально и разнообразно был запечатлен вместе с милыми его сердцу знаменитостями: тремя последними президентами страны, с министром обороны Марокко, с американскими космонавтами, с лидером китайской компартии, с изобретателем чудо-оружия, с героями антарктической экспедиции, с популярной певицей из Франции... Фотографий складывалось умопомрачительное число – не меньше трех сотен. Всех, кто сталкивался с экспозицией Пукрока Яичкина впервые, количество его небывалых встреч и громких имен ошеломляло как взрывная волна.

– Русский везде должны любить! Они думай, что у нас только нефть, газ, уголь,

вода. Копай – продавай! Им хорошо, нам плохо. Русский – это душа! Душа всем нужен! Душа не копай, как уголь, душа так давать надо! Шибко русский люблю! Потому что моя сам русский! Верить? Душа никому не продавай! Даже Богу! Когда я на почте служил ямшико-ом... Пой давай опять!

И третья голова Горыныча – телеграфный столб в очках, председатель Общества пенсионеров Вольдемар Вольдемарович Котов. Он возглавлял общество мухославских старцев очень давно, может быть, уже тысячу, а, может, и три тысячи лет. Пенсионеры приходили в этот мир и уходили из него, а Вольдемар Вольдемарович оставался – он не мог покинуть созданный им самим важный пост и уж тем более никому не мог передать право банковской подписи и круглую печать. Приходилось работать беспрерывно и в будние дни, и в выходные. Суть этой важной работы состояла в том, чтобы «оказывать юридические услуги фирмам и населению», то есть, попросту обналичивать чьи-то «левые» деньги за разумный процент, а также пополнять материальный фонд Общества всем, что удавалось затащить под флагом благотворительности в арендуемое Котовым подвальное помещение.

В полусырой, плохо освещенной комнате в углу царствовал сейф-великан, могучий негосгораемый титан с тремя хитроумными замками, внутри которого на верхней полке хранился Устав общества, драгоценная печать и травматический пистолет. На нижней полке скромно дожидались своего хозяина немытая кружка с потемневшим от крепкого чая нутром и горстка любимых крахмальных конфет «Незабудка в шоколаде».

Обычно Вольдемар Вольдемарович – единственный штатный работник в своей организации – являлся на рабочее место к шести утра, чтобы никто не мешал мыслить. А мыслил бывший главный бухгалтер местного завода «Красная калоша» широко и независимо, голова сугубого реалиста во все времена и эпохи была свободна от догм и пропагандистских предрассудков, она всегда была неподцензурна во внутренних своих монологах и сентенциях, но мало кто из непосвященных об этом догадывался: «По одиночке люди наши живут только тем, что дает им разруха. А почему? Потому что не могут друг с другом слагаться, как прежде. Сложного дела не стало. Сила «на вычет» осилила силу «на плюс». Так? Так. А почему? Град Мухославск – несомненно, гнездо одиночек. Каждый сам по себе и хорош, и умен, и здоров. Но возвышенной правды, что держит в единстве всю стаю, не стало. Так? Так. Что же нам предпринять?».

Флегматичный Котов не торопясь открыл все три замка сейфа и потянул круглый стальной штурвал на себя – дверь полуметровой толщины плавно подалась, послушно обнажая стальной зев хранилища. Вольдемар Вольдемарович извлек оттуда почерневшую кружку, внимательно и придирчиво осмотрел знакомый предмет, выискивая следы тараканов, и не обнаружив ничего подозрительного, заварил чай. Взгляд хозяина кабинета прошелся по полкам, где покоились стопки армейских кальсон, торжественной колонной возвышались шесть коробок одеколona «Шипр» послевоенных лет выпуска, фундаментально стояла на полу герметичная фляга с ацетоносодержащей смесью для снятия лака с ногтей. Взгляд скользил и скользил... Девять учебных, ненастоящих гранат. Изогнувшаяся, как смертельно раненная птица, пачка пересохшей наждачной бумаги. Никому не нужный кинопроектор с неработающим аттенюатором и украденным мотором. Импортные, дурно почему-то пахнущие рыбой зубочистки в количестве десяти тысяч штук. Списанные из торговли стеариновые свечи, пережившие в каком-то адском своем прошлом аномальную жару и слипшиеся в коробке, как богомольные старушки, до абсолютной неразделимости. Овощные консервы с неоднократно просроченным сроком годности. Початая бутылка коньяка – специально купленный презентационный напиток на случай появления в офисе солидных гостей. Все это требовалось для полноценного функционирования Общества пенсионеров: кальсоны, «Шипр», гранаты и душистые зубочистки выдавались ежемесячными партиями по списку приглашенных. Люди приходили, с удовольствием брали, что дают, и горячо благодарили очкастого немногословного столбообразного Дон Кихота при сейфе и печати.

– Распишитесь в получении. Здесь, здесь и здесь, – сухо отвечал Вольдемар Вольдемарович на благодарения. Но по всему чувствовалось, что удачно и до конца произведенные благотворительные операции наполняют его совершенно особой радостью, радостью в особо крупных размерах – не за себя одного, а за милых сердцу земляков, за то, что хотя бы пришли, улыбнулись от не ахти какого подарочка и даже яблочек из своего огорода принесли угоститься. А то! Хороший человек другому хорошему человеку что банк: добром вложишься, добром и получишь.

Мыслил и действовал председатель Общества пенсионеров обычно до позднего вечера. Потом пешим образом шел домой спать. Портфель председателя был с ним

неразлучен; вблизи и издалека это изделие кожгалантерейной промышленности позапрошлого века напоминало одно и то же – беременного кашалота, потому что сверх всякой меры портфель всегда бывал набит бумагами. Номер домашнего телефона Вольдемара Вольдемаровича не знал никто.

Итак, вот вам все три головы неразлучного нашего Горыныча. Больше всего сходиться вместе они любили в городской бане по пятницам. Объединяло наших оригиналов не просто какое-нибудь приятное времяпрепровождение на земле, а нечто большее – искреннее и благородное желание помочь ближним людям быть и оставаться самими собой. Без излишних поводов, рей, нечестных посредников и вкрадчивых шептунов. Это и понятно. В маленьких городках почти все друг другу кровные родственники: кумовья, зятья и тещи, свекры и двоюродные племянники, а уж чуть выше земли единое родство для всех проживающих тут – просто неминуемая данность!

ЯКОВ ИВАНОВИЧ

Полнота мгновения! Слыхали про такое? Про то, что настоящего в настоящем меньше всего? И пустоту эту чаще всего заполняют полнотой иллюзий.

Молчаливый человек-эпизод Ятаган слонялся по дамбе вдоль реки, пока его внимание не привлек дуэт громко беседующих о чем-то мужчин. Ятаган высунул голову из своей черепашьей сутулости, как перископ. Он внимательно присмотрелся к беседующим между собою старым приятелям. Мужчины сидели на тусклом автомобильном скате у кромки воды. Спокойная река отражала звуки, и они, как теннисные мячики, во множестве разлетались кто куда, свободно прыгая и резвясь дробным речным эхом в закоулках ближайших заливчиков. Святой отец снисходительно улыбался: он сочувственно внимал горячим речам Якова Ивановича – всему тому, что искренне волновало окружного врача, глубочайшего русского интеллигента, добрейшего, правдивого гражданина, трудолюбивого и очень уважаемого члена мухославского общества. А именно: всегда терпеливый и безобидный Яков Иванович, доведенный необъяснимыми общегосударственными глупостями до предельной черты личной нетерпимости, обратился с письмом к президенту страны. Причем респондент изложил свое мнение самым проникновенным и самым доходчивым, как он считал, образом – письмо было составлено в стихотворной форме.

– Кто обратил вершиной книзу иерархичный идеал? Во власть беспомощной от-

чизны скатился хамствующий зал – не благо лживые стенанья, не впрок сходжение под флаг, лишь дружных рук голосование вниз головою роет мрак...

Невозмутимый слушатель – Ржавый – был одет, что называется, во все гражданское: джинсы, жокейская кепочка с козырьком, кожаная курточка. Не на службе. Поэтому в обществе старого приятеля он мог позволить себе говорить нормально, как все люди, без театральных церковных выкрутасов. То есть то, что понимает и думает на самом деле.

– Президент не услышит ни единого слова, даже если твои вирши ему передадут.

– Почему? Он ведь не знает всего, что творится у нас. Не знает! Все официальные доклады составляются трусливыми холуями, поэтому они насквозь лживы. Народ опять страдает. Докладами удобно держать президента в неведении. А стихами не соврешь! Это же самая полная картина, которая написана чувствами, живым волнением, душой! Должен понять!

– Не поймет, даже не надейся. Стихи – это теперь безнадежно устаревший вид передачи информации. Эмоциональной то есть информации, чувственной, от совести. Скажи, Яков, как на духу: кому теперь нужна эмоциональная информация? Кто ее прочитать способен? Ее же не головой – ее сердцем читать надо! Никому не хочется! И создавать долго, и взять непросто: грамотных сердец мало осталось.

– Неужели не поймет?!

– Ни слова! Стихи, как и божью душу, не оцифруешь. Поэтому они и не в ходу сегодня. Не формат. Президент нынешний только цифры понимает. Да и то, начиная от миллиарда, пожалуй...

– Как же так? Мы же его выбирали! Надеялись! Нет, не могу постичь. Я ведь ему очень важное открытие сообщаю: пирамида всей нашей жизни перевернута! Самый грязный и тяжелый к нижней точке опускается, а потом и кричит всем: «Не шевелись! А то вся пирамида упадет!». И ведь не поспоришь. Да и сами люди, даже толковые, согласны: и впрямь, не надо делать ничего лишнего – равновесие вниз головой давным-давно уж установлено. Никакие революции не помогут. Не шевелись – и все тут! Оно и понятно: у каждого работа, семья, дети, премии, зарплата. Никто в положении вниз головой не шевелится! Боятся!

– Остынь, Яков.

– И равновесие так хрупко! И в пирамиде замер всяк: движенью – нет! Смертельная глупость на перевернутых осях. Что ж, слава охрану в мертвой точке: без перемен! Чтоб не упасть! Пусть царство вечное про-

рочат для опустившихся во власть.

– Хороший ты человек, Яков Иванович, демоны таких стороной обходят. Только тебе думать вредно. Всякая нервная мысль – лазейка для демонов. Ты сам-то можешь сказать, что хочешь?

– Могу! Нужно сменить все наши мифы! Архетипы переделать, прекрасные образцы жизни для подражания создавать и поддерживать имеющиеся, а не страх на людей нагонять да бесплодной аналитикой какой-нибудь заниматься. В перевернутом мире умным быть невыгодно, а порядочным – смерти подобно. Новые мифы стране нужны! Правильные! Чтобы вершинкой кверху, а не книзу. Переполюсовать надо все немедленно!

– Масштабно мыслишь, Яков Иванович. Как сумасшедший. Вот за сумасшедшего тебя и примут.

– Так я ведь эти масштабы каждый день вижу у себя в приемном покое! Не слепой пока, слава Богу.

Ятаган подошел совсем близко. Он наблюдал и слушал диалог со своим интересом. Осиное жало-взгляд выстреливалось из треугольных глаз ежесекундно и ощупывало пространство, в котором находился повод для работы инженерно-технической фантазии бывшего гения, – воображение рисовало своему хозяину то, что обычными глазами не увидишь. Чертежи и орнаменты смыслов, от которых зависело все остальное в земном исполнении. Интересно было следить, как мысли, подобно воде, могли замкнута циркулировать в голове одного думающего существа. Однако они могли циркулировать и между несколькими сблизившимися носителями персонального разума. У Якова Ивановича мысли вскипали мгновенно как хороший самовар. После чего они «испарялись» в бессловесное, сверхчувственное нечто и прихотливо, безымянными кучерявыми облачками начинали блуждать просто так, гонимые случайными раздражителями и ассоциациями. Когда собеседника рядом не оказывалось, то мысли рано или поздно проливались обратно в остывший «самовар» головы мыслителя и даже могли превратиться в лед, если обладатель «самовара» впадал вдруг в сезон пессимизма и депрессию. Ятаган отчетливо видел: когда мыслительный «пар», произведенный Яковым Ивановичем, достиг холодной и расчетливой головы Ржавого, последний покрылся конденсатом сочувствия.

– Отчизна, бедная неряха, на что еще осталось сил? Здесь божий свет кострами страха мерзавец низший заменил. Мир по-

луария и скифа дотоле будет сытью злой, пока не сменят полюс мифы над перевернутой страной.

– Яков Иванович!..

– Да, будет тяжким пробужденье, подъем похмельный, горький стыд... И труд – как вечное прощенье ошибок прошлых и обид. В путь – без оглядки! Дети краше, когда взрослеют не в бою, когда герой воспет не падший и гордость в гимнах не поют. Зимой кроены, летом шиты лоскутья дней или эпох... Душа и разум помнят жито – на том уйдет чертополох.

Письмо президенту прозвучало в полном объеме. Комментировать ничего не хотелось. Мужчины, по-прежнему сидя на старом скате, молча купали стеклянные взгляды в ленивом течении реки. За спиной у них маячил немой Ятаган, действительно сутулый, как все правды мира, вместе взятые. Очарованные движущейся водой люди не хотели покидать место, лишиться случившегося вдруг молитвенного состояния; равнодушное и бесконечное течение реки легко остановило все внутренние колыхания внутри наблюдателей: течение слов, течение дум, течение памяти, течение времени и течение чувств.

Наконец Ржавый произнес:

– Не надо, не говори больше стихами, Яков Иванович. Откроешь людям сердце свое настезь, а тебе в него напрямки и ударят. Лечи своих пациентов, Бог тебя наградит. А страну уже никто не вылечит. Умерла. Теперь вот отпеваем который уж век.

Яков Иванович немедленно вскипел:

– Умирать положено от заслуженной старости, а не от предательства, лени и глупости! Как ты, святой отец, так можешь думать и говорить? До последнего вдоха надо стремиться к свету, к надежде на лучшее!

– Тебе за что деньги платят? – неожиданно повернул разговор Ржавый. – Ну, за что? За здоровых или за больных?

Яков Иванович закурил.

– Понимаю. Я тоже об этом много думал. Платят только за больных. И тебе, Ржавый, платят лишь за кривые души. Мы оба заинтересованы в нездоровье граждан, мы этим кормимся. Деньги даются только на страх и зло. На здоровье – не выпросишь ни копейки! Нас давно уничтожают как нацию, а деньги – осинový кол в наши русские души. Стыдно так жить! Надо бы выдернуть кол этот проклятый. Надо бы!

Река текла равнодушно, на потной, маслянистой глади тут и там, как заостренные обломки подводной жизни, беспомощно выставлялись спинные плавники солитерных лещей. Рыба тоже болела. Потому что болела вся заболоченная река, пострадав-

шая от плотин и застойной воды в местах затоплений.

– А помнишь, тут песчаные пляжи были, плоты гоняли... Помнишь?

– Помню, конечно. Лучшее наше время – всегда позади!

К самому берегу на мелководе подплыл солитерный лещ, виновато вильнул хвостом и лег на бок. В воде образовалось живое овальное зеркало, в которое в последний раз заглянула река небес.

– Окончательный хозяин! – многозначительно и тихо произнес Яков Иванович, глядя на красиво умирающую рыбу.

– Что-что? – не понял сказанного собеседник.

– Солитер, окончательный хозяин зараженной рыбы. Погибает вместе с ней. А развивается из личинки в испорченной воде, потом паразит поселяется в рачках, коими кишат теплые протухшие лагуны. Лещ, разумеется, идет в лагуны на легкий дармовой корм, заражается и погибает вместе с солитером. Рыба – окончательный хозяин для паразита. С гибелью хозяина цепочка заканчивается, – некоторое время Яков Иванович трагично и любовно смотрелся в чешуйчатое зеркало на мелководе. Потом перешел к аналогиям в мире людском. – Люди точно так же заражаются паразитными идеями: на духовном мелководе, в поведенческой грязи, от более мелких, уже зараженных существ... Кому-то это выгодно! Застойная жизнь ума и души происходит от застойных каналов информации. Я хочу, чтобы президент знал о наших трудностях! Святой отец, подпиши письмо президенту. Чем больше мы соберем под ним подписей, тем весомее будет обращение. Подпишешь?

– Нет, не хочу. В обстановке абсурда быть здоровым слишком опасно. Я ведь сейчас не в церкви, поэтому с тобой, Яков Иванович, могу быть честным до конца. Извини.

Яков Иванович растерянно оглянулся.

– Ятаган! Иди сюда, твоя подпись будет самой первой.

Однако ходячее мухославское суеверие вдруг напряглось, зашипело возмущенно и, чуя какую-то особо опасную неправду, мгновенно изогнулось в сабельной выправке так, что пришитые пуговицы на клетчатой рубашке-ковбойке затрещали и оторвались.

АТАМАНОВО

В небе кружили стервятники. А вокруг бывшей базы отдыха завода «Красная ка лоша» ходил кругами с металлоискателем наперевес Фридрих Карлович Старогуд. Круги постепенно сужались. Фигура Старогуда, все его движения старателя-зем-

лекопа, а также кислая мимика одинокого умника, прерывистые и шумные, как у лошади, вздохи – все это выражало гамму человеческой скорби, отчаявшейся найти утешение в чьем-либо стороннем понимании.

– Здорово, гробокопатель! Опять потроха из земли вынимаешь? И что новенького есть в нашем стареньком? Ха-ха-ха!!! – бас, густой и глубокий, как гул парохода, заставил Фридриха Карловича вздрогнуть. Перед ним стоял Атаман, лысый богатырь, новоявленный хозяин разрушенной базы, татуированный красавец, неутомимый трудовой отшельник, самодовольный насмешник, упрямец-одиночка по убеждению, невесть откуда однажды появившийся в Мухославске с кое-какими деньгами, коих и хватило едва, чтобы купить за сущий бесценок заброшенную территорию у воды да такое же двухэтажное строение полуторавековой давности на восемьдесят шесть окон – бывший доходный дом какого-то бывшего купца-богача.

В честь нового собственника безымянная база на городском отшибе получила от мухославичей тоже имя собственное – Атаманово.

– Умели раньше делать! – заискивающим тоном произнес Фридрих Карлович, указывая кочергой металлоискателя в сторону раскрошившихся резных наличников второго этажа и торчащих над ними полуразобранных стропил. Сказал – и замер, не мигая. Точно так же голодная охотничья ищейка, чуя близкую добычу, замирает и делает стойку.

Атаман расхохотался.

– Садись, гробокопатель, за стол. Как раз самовар готов. А заодно скажи-ка мне, сколько лет этому паровозу? В подвале, представляешь, валялся под всяким хламом. Чистая медь!

Любителя старины словно с цепи спустили.

– Цены нет этому предмету! Триста семьдесят пять лет ему! Видите, какие медали нарисованы? Французские! Значит, самовар коллекционный, привезенный издалека знатными господами. Очень образованные раньше люди были! Культурные! За хорошее отношение могли самую хорошую вещь подарить. Раньше Мухославск добротой и порядочностью славился во всем мире. Сами знаете, наш город на старинных торговых путях когда-то находился, значит, здесь бывали и цари, и даже Пушкин.

– Фридрих Карлович! Ты в своем уме? Пушкин-то здесь причем?

– Был! – запальчиво воскликнул Старогуд, наливая себе в эмалированную кружку кипяток из самовара. – Я точно знаю.

– Откуда? Он тебе сам об этом сообщил?

Фридрих Карлович перегнулся через стол и заговорщически приблизил знающие уста к незнающему уху:

– Сам! Честное слово, сам. Только вчера Пушкин пошел... Они – вернулись! Вот, пожалуйста, пуговица от камзола! Только что раскопал на берегу! – о, если бы можно было изъясняться одними лишь восклицательными знаками, то мухославский любитель скорби и старины без сожаления расстался бы с бесконечными ожерельями и коробами слов. Чтобы выразить раз и навсегда совершенство прошлого в окончательной форме – !!! Но, увы, в мире людей слова почему-то стояли всегда до восклицаний, а не наоборот, и это еще более усугубляло внутреннее недовольство дитяподобного фантазера – Старогуда.

Атаман появлялся в городе не так часто, лишь по причине приобретения продуктов да строительных материалов. Но и этих контактов с общей атмосферой городка было достаточно, чтобы в полной мере вдохнуть необходимые знания; до Пушкина у Фридриха Карловича «шел» то Гагарин, то лекарь Бориса Годунова, то певец Шаляпин, то прародитель человечества инопланетянин-анунак Эоакр. Над головой Старогуда непрерывно парили знаменитости и титаны прошлого, беззастенчиво пользуясь отзывчивой земной головой старика для выхода с того света на этот в порядке неживой очереди. В моменты озарений, когда очередной мэтр «пошел», и впрямь в руки Фридриха Карловича предметы старины словно сыпались сами. Картины, кованые гвозди, безделушки, аптекарские разновесы, открытки, марки, наклейки, фарфор и утварь иных веков... В качестве партнерской компенсации за все это изобилие невидимки занимали мозг местного краеведа круглосуточно, а он был счастлив служить для них проводником. Но иногда у сонма светлых знаменитостей случались досадные выходные; в потустороннюю вакансию тут же наплывал страх, голову обволакивала ненасытная пустота, из которой шеренгами вылезали зловредные жители тьмы. В такие моменты Фридрих Карлович приходил в отчаяние: «Они ушли! Они опять ушли!».

Но сейчас все было прекрасно. Пушкин сидел над рекой за дощатым уличным столом третьим в компании и тоже любовался гравировкой самоварных медалей.

– У Пушкина было сто тридцать семь любовниц, девять из них – мухославские, – сокровенное знание перешло на шепот.

– Наверное, и потомство у кого-то могло образоваться? – осторожно поинтересовался басовитый Атаман, пряча иронию.

– Да! В Мухославске живут несколько одиннадцатипородных племянников Александра Сергеевича! Я определил всех, у меня есть специальные таблицы и генеалогические расчеты. Не спрашивайте ни о чем! Категорически запрещено называть их имена.

– Понимаю, – поддержал Атаман гостя. – Должно быть, есть в Мухославске и другие обособленные родственники. Ну, от тех, кто уже «шел» через тебя однажды.

– Слушайте! Вам скажу первому: во многих жителях Мухославска сегодня течет кровь Заратустры, Гаррибальди, пророка Моххаммеда, Чингиз-Хана, Сократа и Шекспира, Наполеона и русского князя Владимира.

– Что-то русских мало, – усомнился Атаман.

– Они все русские!

Если на территории строительства появлялся гость, Атаман охотно бросал молоток или лопату ради совместного чаепития и беседы. Как-никак гости были здесь большой редкостью. По одной простой причине: Атаман никогда и никого к себе специально не приглашал. То ли потому что работал, как одержимый, восстанавливая огромный дом и прибирая пространство, то ли от того, что любил при случае повторять: «Хочешь сделать быстро и хорошо? Делай один!». Философия богатыря-одиночки очень ему подходила. И портрет его нарисовать легче легкого: законченный трудоголик, самоуверенный силач, покрытый лоснящейся каской лысины, из-под которой веселыми весенними льдинками поблескивали на мир голубые глаза – живой небесный венец над обширными сюжетами шевелящихся голубых татуировок. Так что мухославские люди, получается, сами по себе дни свои перелистывают, и Атаман сам по себе. Может, календари у сторон разные на стенах висят или сезоны какие не совпадают. Трудно разобрать. Знаете, бывает, что живут себе мирно два соседа и даже забора между единоличными хозяйствами не имеют, а вот в гости друг к другу почему-то не ходят. С бывшей любимицей заводчан – с полуразбитой и разграбленной базой отдыха «Красной калоши» – то же и произошло: не трожь теперь – Атаманово!

Располагалось это замечательное место чуть выше по течению реки – километрах в двух от города. Рядом, считай. И еще не заросли папоротниками, снытью и хвощом сырые извилистые тропки, ведущие к городскому магазину, по которым отдыхающие, как мураши в шлепанцах, сновали туда-сюда – кто за пирожным, кто за спиртным. Нынче тихо. Только безветренным

штилевым вечером река перебрасывает иной раз звуки, понятные здешней природе. Сверху течения вой циркулярной пилы да стук топора долетает, а снизу в ответ гармонист с обитаемой пристани горло дерет: «Волга-Волга, мать родна-ая...» – Пукрок Яичкин народ веселит.

Старый купеческий дом – это вам не какой-нибудь новодел! Каждый уголочек обдуман до тонкостей, каждое бревнышко притерто и подогнано до молекулярного слияния с другим бревном. Образец абсолюта! Начиная с фундамента и кончая коньком – все-то здесь без изъяна. Сохранились и печи, а кладка такая, что стой и любуйся! Даже пакля от времени не обветшала. Да к тому же, смотри, высота потолка – со стремянки и то не достанешь: метра четыре с избытком! А окна-то, окна какие – как небо! Восемь с лишним десятков, одно к одному!

Атаману было приятно восхищение Фридриха Карловича по поводу крепкой старины, которая «еще лет двести простоит хоть бы хны». Немного огорчало лишь то, что Старогуд совершенно не замечал иной большой работы, которая уже была вложена новым хозяином во вторую жизнь старинной постройки. Глаз радовали обновленные косяки окон, новые двери, укрепленные и отремонтированные полы, роскошно расширенный чердак, перестроенный погреб, дренажная система, оцинкованная крыша, дождевые сливы, восстановленный камин, на пустом месте поднятый капитальный гараж и мастерская, новая система электро- и газификации дома, уже работающая котельная, жилая комната-первенец, кухня, два душевых отделения, скважина... Новое, к сожалению, не усваивалось органами чувств Фридриха Карловича. Зато он, как фокусник, мимоходом ковырнув щепкой в расщелине бревна, тут же явил на свет серебряный рубль.

– Это Пушкин денежку положил сюда. Вместе с одной из своих барышень прятали, между прочим. На счастье. Ах, какие раньше люди жили! Высшая струна звучала почти в каждом! Высочайшая струна! Высочайшая! Понимаете? Сколько благородства потеряно! Не вернешь... Что теперь нынешние? У нынешних глаза от жадности помороженные.

– Ну ты даешь, гробокопатель! – изумился Атаман, вертя перед собой серебряный кружочек. – А почему нынешних-то ты не любишь? Тоже ведь люди. Стараются. Каждый светит и звучит, как умеет.

Фридрих Карлович отрешенно застыл на фоне незастекленного проема окна на втором этаже. Казалось, он слушает симфоническую музыку; взгляд его окончательно

утратил земную сосредоточенность, а тело едва заметно покачивалось в такт игре какого-то невидимого оркестра.

– Ну, качайся тут, коли охота, – бесцеремонный Атаман хохотнул, одной рукой подхватил из угла мешок с цементом и исчез. Вскоре откуда-то снизу загрохотала бетономешалка. Атаман купил этот дом для бизнеса; с этой целью он его и восстанавливал. Расчет простой: будет база – будут и отдыхающие. Вот-те пляж, вот-те лодочки на веслах, вот-те чистый кислород. А стратегическая перспектива и того лучше! Дело беспроигрышное. Во-первых, «конец» специалисты обещают ежегодно и не по разу, а во-вторых, планетарный замор наверняка будет организован с экологическим уклоном. Так что хорошая база в укромной обители – считай, Ноев ковчег, только на якоре.

...Милое сердцу прошлое, усиленное особыми эманациями доходного купеческого дома, звучало во всем существе Фридриха Карловича как сводный императорский оркестр в час коронавания. Душа наконец-то встретилась с долгожданной «высочайшей струной» – прошлое пело и ликовало. И в этой песне не было ни единой ноты фальши – только голоса благородства, чести, красоты, совестливого ума и умного сердца.

Высшая струна – лучшие качества лучших людей! Как скучал по присутствию этой очищающей вибрации в настоящем Фридрих Карлович! А здесь, в окружении старых бревен, она звучала в полную силу. Мысленному взору Старогуда предстало грандиозное течение времен, играющее щупальцами желаний и образов на арфе человеческого бытия. Он даже наклонился вперед и прищурился, чтобы лучше разглядеть устройство арфы и особенности игры на ней. Высшая струна была самой пронзительной, самой тонкой, в мириады раз острее опасной бритвы; от неумелого прикосновения к этой части инструмента слишком грубые щупальца получали увечья, приходили в ярость и рвали в этой слепой своей ярости другие струны, более грубые и более доступные, не такие острые – те, что отвечали за музыку деловой суеты, музыку голодного тела, хищного ума или ленивой памяти. Что ж, к высочайшей струне могла безболезненно прикасаться лишь высочайшая сущность – душа. Закон всех времен был один. Даже в бывшем творилась такая же какофония, что и сейчас: «Бум-ммм! Кр-ррах! Бж-жжж! Бом-м! Тр-рах!». Никто из живых не мог взять «аккорд» бытия в своем настоящем правильно и полностью – не споря с гармонией высшего духа в физическом теле и не обрезаясь

телом или разумом на беспощадной небесной струне. Но вот проходили годы, десятилетия, столетия. Где-то вдали затихали «бум-бом-крах...», словно их и не было вовсе. А пронзительный голос чьей-то тронутой правильно высшей струны воспарял, очищался от тяжести плоти и смрада раздумий – улетал из ловушки времен навсегда, воплощаясь в трубящего ангела. Вот и прекрасно! Значит, высшие струны и ныне живут, только глушит их ярость обрезанных... Значит, год или столетие минут – услышит и нас кто-нибудь точно так же: восхищенно! светло! в ноте чистой любви высочайшей струны! Кто же будет услышан в эпохе другой? Ты, или я, или кто-то еще? Как узнать: кто погиб, сам собой грохоча, а кто ищет иное в ином?

– Слушай, гробокопатель! Поддержи-ка гипсокартон, а то первый винт загонять

неудобно. Эй, гробокопатель! А во времена Пушкина саморезы уже были?

– Я не «гробокопатель». Я – Фридрих Карлович Старогуд. Заслуженный и почетный гражданин города Мухославска, историк-любитель и краевед! – дрожащим как поминальное желе голосом произнес Старогуд. Глаза его обрамили красные воспалительные ободки, трогательные и забавные, чем-то похожие на предупредительные дорожные знаки. Близкие слезы гостя, уже повисшие набухшими водяными линзами на глазных яблоках, Атаману не нравились.

– Ладно, гробокопатель, не обижайся. Я тебе серебряный рубль дарю. Держи! На счастье!

– Я не обижаюсь... – паутинка высшей струны лопнула, оборвалась; тихие, как мыши, проворные зубастые слезы текли по щекам старика...

НОВЫЕ КНИГИ

Олеся Николаева. «Небесный огонь» и другие рассказы. Москва: издательство Сретенского монастыря, 2012. Критик Алексей Варламов так отозвался о новой книге Олеси Николаевой: «По жанру – сборник новелл про духовную жизнь, по издательской составляющей – продолжение в высшей степени удачного проекта, начатого православным бестселлером отца Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», а по сути – прекрасная, насыщенная смыслами, символами, а, главное, характерами, лицами, сюжетами, очень богатая и при этом увлекательная проза. Так что если хотите узнать о чудесах и их природе, читайте Олесю Николаеву. Тут, как в книжке сказок, открываешь любую и читаешь. С середины, с конца, с начала. Можно узнать, как повествовательница пробиралась через заснеженные волжские леса и чудом в них не замерзла, а можно

– как везла чудотворную икону по московским пробкам и обратила в веру сердитого таксиста. Можно про любовь, можно про ревность, про измену, про разлуку, обиду. Есть настоящий детектив про лжесвященника Августина, якобы спустившегося в Москву с кавказских гор, а есть изящная психологическая новелла про игуменью Серафиму – хорошую, славную женщину, но находящуюся не совсем на своем месте. Наверное, автор, когда составлял книгу, выстраивал определенную композицию подобно тому, как составляются сборники стихов, однако я этого не заметил, а просто читал и читал. Про старцев, монахов, митрополитов, про писателей и поэтов, особенно часто про переделкинских – Солоухина, Окуджаву, Кублановского, а еще больше – про людей, мне лично неведомых, однако в большинстве своем очень симпатичных, душевных, хороших... Так получилось, что русская литература XX века в самых высоких, трагических своих образцах от Андрея Платонова до Варлама Шаламова, от Михаила Булгакова до Виктора Астафьева прошла под знаком богооставленности, сиротства нашего, когда, казалось, Небо то

ли за дурные дела людские, то ли за маловерие, то ли еще почему-то от нас, грешных, навсегда отвернулось, бросило одних выживать в катаклизмах и разбираться с житейскими неурядицами. А тут читаешь историю про поэта-фронтовика Александра Николаева (отца Олеси), чудом спасенного под Гданьском в конце войны благодаря заступничеству Серафима Саровского, или же более близкий к нам по времени рассказ про то, как удачливый бизнесмен по прозвищу Леша-Майонез стал смиренным иеромонахом Флавием, или про облачко, которое появляется на горе Фавор в день Преображения Господня, и видишь, что не брошены мы, не оставлены, все под присмотром находимся, и от этого на душе иначе становится. Не то что б легче, но иначе, потому что появляется то самое измерение, без которого в жизни одни сомнения и тягостные раздумья».

Руслан МУРАТОВ

журналист, главный редактор
информационного агентства
«Стекло»,
Можга

«НЕ БОЮСЬ ТЕБЯ, ГОСПОДИ, А ЛЮБЛЮ...»
Стихотворения

ближе

словно разбитый бокал
посреди семейных скандалов
напротив дивана вещал
«Мынам Удмуртия телеканалы»,
что удои растут и вокруг чистота,
что в Большой Уче хорошо
и въезд безвизовый –
улыбался поголовью скота
диктор из телевизора
и приговаривал о восстановлении храма,
о том, что выгоднее тариф «Стандарт»,
кормил скидками дисконтных карт
с перерывами на рекламу
об ультратонких прокладках
для привередливых потаскух.
на танцплощадках
Святой Дух –
птичий грипп,
а вокруг,
а вокруг шапито,
где какой-нибудь Хусаин Табиб
плевался со сцены белой магией,
и зал сидел в пальто,
привезенном в семьдесят пятом
из Чехословакии.
натирала крапивой спины
от позапрошлой амнезии
во имя народной медицины
во имя здоровой России.
толкались в церкви за кусок Христа,
будто Бога на всех не хватит
(но, кстати,
во время поста

работали все мясокомбинаты).
ностальгия –
причина многих аллергий.
впали будто в летаргию
на одной из литургий,
голодные по Плотнику
молились грешники
Кольке Угоднику,
на казенной жилплощади
выворачивали кишечники:
«смотри, Господи, мы – тощие!
нам больше негде жить!».
но голубям не нужны скворечники,
и голод – не причина просить.
болезнь не меняется –
меняются только врачи.
а когда мы услышим треск холода,
то сождем крест в печи
и убежим из города
туда, где нет серпа и молота
и счастье не подлежит налогу,
туда, где ближе к Богу.

левая щека

в уставе заученных слов
правды не больше абзаца,
и совесть паскудно ворчит:
это лишь повод оправдаться,
где между строк гордыней трещит
раздвоение.
это как истина в двух словах
неверного склонения

на сломанных весах
вчерашнего сомнения.
она не поймет. она промолчит
улыбкой декоративной.
мне противно,
когда воняют в памяти мысли архивные
мерзким запахом дуста.
ее руки не отпустят,
и глаза наивные,
словно стихи беззубые –
такие же голубые,
такие же глупые,
как сожаления прошедшего марта,
насильно одетые в рясу,
похожие на отсутствие азарта
неразложенного пасьянса.
гори-гори ясно,
чтоб завтра бинтовать ожоги.
без привязи мне стыдно голым.
все, что я подкидывал выше Бога,
падало на голову.
вперемешку с алкоголем
и перегаром ментоловым
этот праздник мне будет платой
за ненависть к некоторым глаголам.
эти глаза станут цитатой
в инструкции по применению
валидола.
она спрячет их за шторы
своих многоточий
и постарается забыть.
не надо, не прячь свою пару пощечин,
чтобы я научился любить.

2 лкм

двадцатое
волосатое
дикое
время тикает
нервный тик-так-тик
голова безликая
это когда большевик
в очках потолще
Христос-еретик
потолочище
чище
с толком
с локоточками
точками
тройками
молчание бякино
звенит железяками
отсебятиной
менять ямы на вмятины
менять мозоли на волю
с лихвою
голова безликая
перекати-поле
двойными кликами.

надежде константиновне крупской

кони лыжи не умеют
верно шапку на глаза
благолепная коза
ноги к небу верой клеит
не воруйте правду к ночи
чисти зубы перед сном
притворись слепым бревном
если бензопилы точат
шило в сене пахнет гарью
наугад трамвай сбежал
марксу нужен капитал
чтобы оставаться тварью
семена взойдут наощупь
если снег не в ноябре
а в бесформенном ведре
дыры и прочие
геометрические неприятности

СИ

стол устал от позы лотоса.
на престоле тесно сотому.
у слона не сало Логоса,
а снега степные с нотами.

бескрылые

котятя хотели летать,
будто Пегас, которого украли цыгане,
будто те, которые в смешной рекламе
на радуге зависли.
будто мысли,
заимствованные
у прозрачной музыки.
будто шарик в праздник Единства
на площади какого-нибудь Фрунзе.
котятя хотели летать,
будто слова в мантрах
древних, как экспонаты,
будто космонавты
в больших и белых скафандрах.
чтоб оглушенным радиопомехами
сказать, как Гагарин: «Поехали!».
котятя хотели летать,
будто октябрюта
во время ночной поллюции
перед праздником победы
социалистической революции.
они так безвинны,
словно осел
из мультфильма про плюшевого Винни,
где на самой высокой вершине
тополь зацвел
и осталось от земного
только крошки пасхального кулича
и немного
Иосифа Вессарионовича.
котятя улетели.

вишневое

«тучи это костыли»
написал на луже грузчик
берегите бабы внучек
коль себя не сберегли
крыши кушать некультурно
август лижет сапоги
от Сократа стало дурно
на одной из литургий
айсберг любит гололед
рот чужой над караваем
наперед пережует
а затем переживает
розы пахнут всепрощеньем
кирпичи не радость плоти
тех кто счастье приколотит
на вишневое варенье

радиола

не родила радиола
ни ультразвука трезвого
ни лезвия
ни чего-то другого
не передумала
думала
мало
ни эмбриона
не родила радиола
так и умерла нерожденной
в неопределенной форме глагола
не родила радиола
ни Наполеона
ни миллиона других
не в храм на углах
альхамдулиллях

буква «ф» на трех вершинах иллюзорности

вершина первая:

*солнце меньше ничего
если свет не наш маршрут
в мире, кроме однЕго –*

фрукт.

вершина вторая:

*в хороводе только грани
«ветер – нуль», – сказал бурлак
если любишь тряпкой станет*

флаг.

вершина третья:

*тот, кто крикнул: «Ты летишь!»
дергал ноги журавля
личность это лишь*

футляр.

№ 4

Разжали кулаки
В ладони добра помещается больше.
Милиционер уволился с работы
Чтобы люди любили друг друга.

петля

праведность стала язвой, но
богобоязненно
гордыню свою
душил полумесяцем
чтобы на бикфордовом шнуре
не повеситься.
и вырос словно невыплаченный кредит
и стыдился любить
и молился позорно:
просил я свежего хлеба
и в темноту бросал зерна.
в тугих объятьях ширпотреба
пожинал и ужинал
слюной на голодном оружии.

я помню слова для глухих.
прижавшись левой щекой
я видел тебя такой
какой ты не хотела смотреть на других
это на двоих
это двадцать шестая сура
это двести шестой маршрут
это твоя архитектура
в изгибах губ
спряталась
это тише, чем святость
это больше внешнего.
этот лист смятый
потому что неверен падеж его.
это упругая нежность
рисованная пастелью
с погрешностью
похмелья
это праведное молоко
неумело скисшее
это возможность сказать
афишей прилипшая
к бетону
иллюзорней, чем сны Бретона.
это правило веры архивной
на шее болталось серпами.
это исповедь застиранная рифмой.
это память
как из привязей я вязал петлю
и толкал в петлю все минувшее.
я в грехах своих захлебнувшийся
не боюсь тебя, Господи, а люблю.

ПОЭЗИЯ

Александр КОСТАРЕВ

студент УрГУ,
поэт,
Екатеринбург

«И ЧЕРНОЕ МОРЕ ОКАЖЕТСЯ КРАСНОЙ СТРОКОЙ...»

Стихотворения

Рейс Москва – Екатеринбург

памяти деда

Ну, куда теперь ты?
Чем мешки наполнишь?
Много ли там ягод, много ли грибов?
Водится ли рыба? – не сочти за пошлость –
нам ведь не расслышать этих берегов.
Ночь. Иллюминатор.
Только между нами –
о тебе не плачу. (Плакал о коте!..)
Что ты там увидишь мертвыми глазами?
Золотые кляксы в долгой черноте.

=

Ты помнишь, да, душа моя,
как я писал тебе вначале,
мол, ты уехала, а я
остался – повод для печали.
Конечно, как же не извлечь
слова из городского гула,
когда твою живую речь
за поездами утянуло.
Теперь смешно. Вот мы, изволь,
идем с тобой вдвоем и только,
прямо как Симона и Жан-Поль –
нет-нет, как Александр и Ольга.

=

УрГУ. Курилка. Высокий час.
Апрель претворился в май.
Я жду чего-то. Обрывки фраз:
ломай же меня, ломай!
Еще про хипстеров и зачет,
наверное, курс второй.

Проклятье, вот оно – все течет,
а я-то не верил. Стой!

Мгновенье? Если бы. Каблуки.
Твоих не слышать давно
в пространстве этом. Невелики
подобные мысли, но...

УрГУ. Курилка. Высокий час.
В наигранной тишине
по ком твои каблучки стучат?
Конечно же, не по мне.

=

Под деревьями скамья,
вишня сладкая, вот это –
ты сидишь, а это – я,
только позапрошлым летом.

Я теперь и не знаком
с ним. Он медленно из парка
вышел и пошел, тайком
улыбаясь, через арку,
а потом по мостовой,
пережитое смакуя,
будто прятал за щекой
косточку от поцелуя.

=

Воздух, вкрапленья больших стрекоз.
Озеро в блеске пропавших блесен.
Ветер, что с берега звук принес,
тащит его до верхушек сосен,
где ему встретится звук другой,
тот, что не слышали мы с тобой.
Полдень. Повсюду разбросан свет,
и паутинка, рукой задета,

вдруг исчезает в тени, но, нет,
снова видна. И проходит лето,
и, незамеченным – мимо нас –
то, для чего не хватает глаз.

=

Скала называется – Парус, поселок –
Джанхот,
но, то адыгейский, а если по-русски:
«счастливый».
Вот видишь, все сходится, рви
недозрелые сливы
и в кошку кидайся,
что в доме-музее живет,
короче, выделявай глупости,
чтоб оправдать
название, молодость, временность,
шорты, вьетнамки,
бросайся на волны и смейся
над шутками – нам ли
грустить? – в этом диком предгорье –
и нам ли страдать?
Так двинем вдоль берега,
воздух вдыхая морской,
чтоб пообтесаться немного,
как битые стекла,
и, может быть, что-то действительно
вздыбится, екнет,
и Черное море окажется
красной строкой.

=

А мне сегодня, представляешь,
престранный сон приснился, где
мы по Венеции гуляем,
как будто ходим по воде,
и чайки – там бывают чайки? –
о чём-то жалуются нам
и пересказывают байки
адриатическим волнам.
Никто и не заметит, если
мы тут походим в стороне
и пропадём в закатном блеске,
неисцелимые вполне.

=

Олегу Дозморову

Я в детстве не любил ни суп, ни кашу.
Сидел и ложкой тихо ковырял
еду, и говорила мама: «Саша,
покушай!». Этот скучный сериал
тянулся, и чтоб как-нибудь ускорить
процесс, мне обещали, что на дне
тарелки я, как съем, найду такое,
что небезынтересно будет мне,

рисунок, в смысле, да – изображение,
ну, зайчик там, слоненок или лев.
Так любопытство и воображение
за аппетит работают в пять лет.

Невинная и милая уловка,
а дальше я справлялся как-то сам.
И, мигом вылетая из столовки,
служил не кулинарным чудесам.

По-прежнему завал, и нет ответа,
что я увижу, вычерпав до дна
всю эту муть? Подобие рассвета,
картинку, что пока мне не видна?

=

Просидишь весь день за своим компом,
в мониторе тонешь (какая драма!),
и уже не хочется ни о ком,
да и сам едва ли не голограмма.

То ли выпал снег, то ли это фон
за окном сменили опять на белый.
Но настанет утро, и выйдешь вон,
и продолжишь вновь совершать набег
на места культуры, еды, питья,
а потом срастешься с толпой в маршрутке,
где на все, что мыслится, есть статья
и любое горе сводимо к шутке.

Просидишь всю ночь, а потом еще,
а потом уснешь, и тебе приснится
будто жизнь твоя по щекам течет.
И ее глаза. И ее ресницы.

=

Когда-то я читал Ремарка,
Хемингуэя и Рембо,
и был июль, и было жарко,
а больше мне и ничего
не вспомнить толком. Только море,
турецкий берег и ликер.
Поэт у моря – вот умора!
Что записал, все тут же стер.
Еще увидимся, я буду
уже не так велеречив
и увезу тебя оттуда,
в двенадцать строчек заключив.

=

Я пришел к ней с понедельника
на вторник,
весь вспотевший
от того, что быстро поднимался
по лестнице
на пятый этаж,
на моем плече висела сумка,
наполненная котом.

Дело в том, что мы давно хотели
познакомить наших животных,
а еще
она с детства мечтала
раздавать маленьких милых котят
всем знакомым.

Я выпустил Мишку из сумки,
он сразу обнюхал
толстый том художественного журнала,
валявшийся на полу.
Она предложила мне чаю,
я согласился.
Все это было немножко досадно
и довольно нелепо.

Я зачем-то начал читать ей вслух
книжку Веры Полозковой,
подвернувшуюся мне под руку,
и когда я дошел до того момента,
где она уже все
и всем доказала,
я заметил, что называется, краем глаза
целующихся в коридоре кошек.

Я рассердился больше всего на то,
что целовались не мы, а кошки,
и что прошли времена
голых прекрасных хиппи.

=

Господи, дай мне сил
переработать мрак,
что ты во мне вместил,
в свет. Я не знаю как.

Столько вокруг огня,
воздуха и воды.
От самого себя
долго ли до беды?

Дай совладать с собой
и не сойти с ума.
Если тепло зимой,
значит внутри зима.

Перевирай, верти
на языке своем.
Дай мне любви – уйти.
Дай им побыть вдвоем.

=

Как птица, залетающая в класс,
становится ловушкой для глаз
и заслоняет формулы иные,
так образ твой присутствует во мне.
Читал бы книгу, лежа на спине,
все выходные,
да разучился. Строчки до конца
не доберусь, чтоб твоего лица,
точнее, призрака, не вызвать
понапрасну.
И ты плывешь, веселый свет струя,
ко мне, великолепно не моя.
Тем и прекрасна.

=

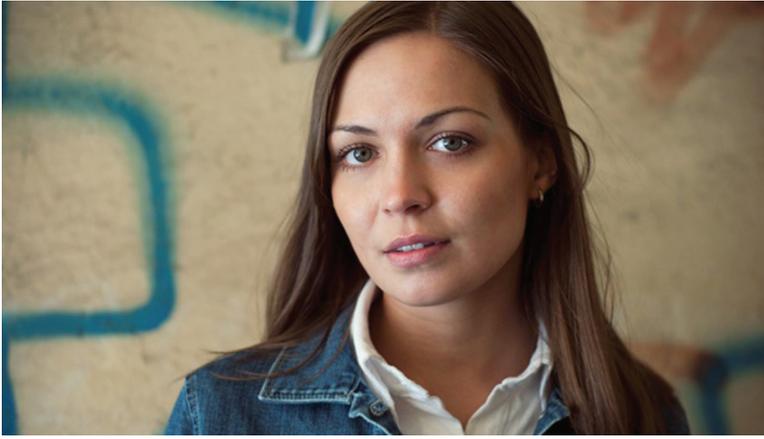
Это после никчемного дня –
стойкий ужас нахлынувшей ночи,
что идет и идет сквозь меня
и не хочет оставить, не хочет
называть себя музыкой сфер,
что играла, но сделалась тише.
Если я вдруг умру, например,
по случайности – ты не простишь мне.
Кто-то будет тебя целовать,
кто-то небо молитвой подкормит...
Но кому надиктует слова
губ твоих стихотворная форма?

В Индии

Не брахманы, не шудры, но туристы
и современные язычники, мы там,
куда везут за двести и за триста.
По всем святым и не святым местам
мыдержимпуть, мыдержимсядругдруга,
у нас на шее фотоаппарат,
что принадлежность к избранному кругу
обозначает, здесь это стократ
сильней в глаза бросается. Здесь слово
«контраст» не значит ровно ничего,
и если ты сюда вернешься снова,
то лучше местным. Только и всего:
живешь в грязи и молишься исправно,
осознанно вдыхая пыль дорог,
а рядом, в ресторане, режет прану
большими дольками англоязычный Бог.

«Меняются жанры и литературные школы. Открытый контакт с читателем сменяется герметизмом. Сходит на нет герметизм, и возвращается неоклассика, но поэзия, как и мифология, как и религия, пытается ответить на вопросы вечные и главные. Только она делает это на территории опыта одной личности. И эта личность – поэт».

Евгений Рейн

ПОЭЗИЯ

Марина КАЦУБА

поэт, публицист,
Санкт-Петербург

«У ЛЮБВИ ТРИДЦАТЬ ТРИ ОТТЕНКА И ПЯТЬ СТОРОН...»

Стихотворения

Удобнее

Мне даже удобнее плавать вдоль
Города, дня и запретных тем.
Когда вместо меня – тень
(На самом деле, вместо меня – боль).
Мне даже удобнее так, что друзья
Взрослея, плачут на кошельки,
Когда никаких «мы», только «я»,
И возраст как спирт или как яд
Сжигает желудки нам и мозги.
Мне даже удобнее в дождь спать
С любимым, который, возможно, мой.
Удобнее, если говорят: «Пой» –
Петь и не спорить с собой,
С толпой, пугая отца и мать.
Мне тоже удобнее это: «как все».
Я тоже коплю на счастливый end.
Терпение лечит от разных бед.
И хватит того, что ты сыт и согрет
В свои бесконечные двадцать семь.

История любви

У него вместо губ цветочек. Его смех – вода.
Он умеет ходить по льду и менять цвета.
Он зимой и летом, вздыхая, носит
зеленый плащ,
Под который прячет ее беспредметный
плач.
Она гладит кошку и, глядя на облака,
Продолжает плакать. И слезы льются
до потолка
Светлой комнаты, где никогда не спят.
Она плачет о том, что время не хочет
вспять
Поворачивать город, числа, его шаги...
Она плачет, а он смеется: выходит гимн.
Его смех – вода, у него вместо губ цветочек.
Он целует ее в ключицу. Таков итог.

Сугубо женские междометия

Ах...
Туфли на каблуках.
Ох...
Вечер уже издох.
Эх...
Жалко, не поразила всех.

Как должно быть

Ведь теперь у меня есть ты –
Мой родной, мой смешной чудак.
Мы пойдем поливать цветы.
Мы пойдем разливать цвета.
Ведь теперь у тебя есть я –
Твой родной, твой дурной болван.
Мы пойдем по луне гулять,
И любить, и беречь слова.

Памятка дамам о сохранении свежести

Когда тебе захочется к друзьям:
Запеть, запить, забыться и заплакать,
И ты наклеишь ногти красным лаком,
И влезешь в мини, в давнее «нельзя»,
Когда тебе захочется шумов
Плохих колонок, танцев, клубной пыли,
Без обуви в чужом автомобиле
Сквозь хмель судить о глупости умов,
Сквозь хмель звонить, смеясь,
едва знакомым,
Пропить зарплату, поругаться с папой,
Смуцать толпу, эффектно падать на пол,
С трудом припоминая адрес дома,
Когда тебе захочется кривляться,
Кутить, хамить, творить дебош и жесть –
Дерзай, но помни, что тебе уже
не двадцать,
А утром будет целых сорок шесть.

* * *

Утро пахнет табаком, лето – домом.
Из окна в меня глядит небо.
И остановилось навсегда время.
Только ты и Бог. И никого кроме.

Пленкой сон, он ловит взор в свои сети.
И не ждать бы рифм, быть вне, выше.
Просто слушать, как ты мне дышишь.
Ты и Бог. И от того теплей ветер.

* * *

Все эти рифмы – патока,
Прошлого ржавый бак,
Черною в небо радугой,
Бешенством у собак.

Рифмами суть угрюмую
Выжгу и утоплю.
Птицы с тупыми клювами
Печень мою клюют.

Искры по всей галактике:
Кто моя радость, где?
Ты? Значит, хватит практики,
Можно рожать детей.

Голые рифмы, опытный
Скривится, скажет «фи»,
В глазках сосуда лопнули.
Спи моя радость, спи.

* * *

Вот тебе мои буквы без рубашки.
Построй для них башню.
Вот тебе мой вчерашний
День и план на завтрашний вечер.
Вот тебе мои плечи
Сотки для них плед, дом, старость...
Береги мои буквы. Я старалась.

* * *

Не выходить из дома:
Город – крупа, чума.
В комнате – невесомость –
Плыть – не сходить с ума.

Не напевать припевов
Песен чужих пустот.
Enter и два пробела...
Enter и два пробела...
Разум тебя сгрызет.

* * *

Игра в игру, мой друг. Запомни правила:
В тот день, когда тебя я продырявила,
Запутала, закутала, ограбила,
Ты стал еще одной щепоткой гравия.

Тобой посыплют лед зимой бесстыжею.
И ты замрешь фигуркой обездвиженной,
Весь изнутри изношенный и выжжен-
ный.

Игра в игру: ты умер, друг. Я выжила.

Кай

Дорогой мой Кай,
Привыкай,
Будет холодно, пусть истекает май.
В этом городе все королевы носят
прохладные руки и синяки.
Дорогой мой Кай,
Не икай.
Если страшно со мной – беги.
Дорогой мой Кай,
Не вникай,
Куда льет свои воды моя река.
В этом городе реки текут на Север
и носят лед.
Дорогой мой Кай,
Отпускай
Меня к рифме, иначе она умрет.
Дорогой мой Кай,
Развлекай
Меня правдой и взглядами в облака.
В этом городе может в любую погоду
начаться снег.
Дорогой мой Кай,
Нарекай
Меня Снежной.
Снежнее, нежнее всех.

* * *

Никому, друг мой, солнце не светит
в голову просто так.
Здесь так пасмурно, что я пытаюсь
зажечь свой нимб.
Может, мы виноваты всем городом
перед Ним?
От того и весна не торопится к нам сюда?
Может, мы зря ходили на выборы,
пели гимн?
Может, нам всем не стоило жадничать,
жить в кредит?
От чего-то же Солнце бросило
нам светить...
Остается молиться – пытаться зажечь
свой нимб.
Да и нимб не согреет соседей,
семью, кота.
Нимб – у каждого свой, как голос,
мечта и смерть.
Только солнце способно всех,
грешных нас, разом греть.
А оно никому не светит в голову
просто так.

ПОЭЗИЯ

Анна ТЕРЕНТЬЕВА

музыкант,
фронтмен группы
«Где Виталик?»,
поэт,
Ижевск

«НЕПРИВЫЧНО ЗВЕЗДАМ С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ...» Стихотворения

Ночь

Неумолимо приближалась эта ночь.
И ты простил очередные мне причуды.
Я привязала суету к дверям на скотч
с той стороны. И села верить в чудо
в балконный кубик. Холодно слегка.
Немного нервно от корявых траекторий
беззвучных пальцев,
выстроенных вскоре
в прощальность,
нежную тобой издалека.
Напротив ночь. Так странно.
Снизу – тоже.
Смеются пьяные прохожих голоса
лишь изредка. Не жалко им, похоже,
чужие рушить по незнанию чудеса.
И слева ночь. Чуть серая. Так надо.
Я помню этот цвет в углах тебя...
Уснула ночь. Не плача, не скорбя
по неприласканным собою
диким взглядам.

В пустоте

В пустоте слишком мало мыслям места.
В тишине слишком громко сердце
бьется.
Я молчу. В тебя. Что мне остается?
Так по крайней мере запредельно
честно.
В пустоте темно. Очертанья – серым.
Ощущенья – острым. И печаль –
соленым.
И в чужую грусть твой портрет
влюбленный.
И в чужих руках моя нежность в меру.
На кону без конца бессонниц каша
Из записок, стаканов, потерь и знаний,
Я тебе рассказала тогда... заранее
Все о том, что не станет, конечно, нашим.
В пустоте слишком много нитей тонких.
Начертила весна ими лабиринты
Через семь восьмых и сплошные квинты
По надломленной безразличья кромке.

130521

В своей родной застряли колее.
И слева – двери, позади – канавы,
справа
Привычный садик для желающих
болеть,
А сверху сети – для блуждающих
управа.
В своей родной запутались тюрьме.
Системный кризис. Со слегка
прокисшим чаем.
На полках строчки. В пальцах строчки.
Но не мне
Ты пишешь все свои «Послушай!
Я скучаю».
В своих глазах наотражались вдоволь.
Взгляд
До дыр затертым оказался на исходе.
И ни к чему теперь поглядывать назад.
И не найти осколков солнца на восходе.
И ни к чему тебе писать про пустоту,
В которой без тебя немеют пальцы
От невозможности постигнуть высоту
Твоих сомнений. Все. Пора прощаться.

Отключаюсь

Отключаюсь от сети. Загружена.
Что маячит впереди? Разглядывать
Через эти кирпичи наружные,
Как загадки вслух немим рассказывать.
Отключаюсь от тебя. Ниточки
Перекручены совсем. Порваны.
Кто ,кому , зачем , когда- все равно.
Кислый реквием усталой скрипочки.
Отключаюсь от семьи. Горестно.
Но никак иначе. Где же вы?
Я для вас пишу свои повести!
Вам за них по сей день совестно...
Отключаюсь от твоих призраков.
В метроритмах им твоих радостней,
Чем во мне... Стихи совсем разные,
Без наглядных и других признаков...
Отключаюсь... Не прощай. Свидимся.
Не воочию, в ушах стонами.
Мне в отсутствии твоём видно все,
Все четыре с половиной стороны...

Сезон охоты

Не открывай себя вовне.
Сезон охоты начался.
И демон властно норовит
войти в доверие.
Не верь глазам – истомы нет,
Спокойно нежиться нельзя

В надеждах древних на приметы
и поверия...
Не уповай на чей- то смех,
Утопий мнительных потоков
Стремглав извергнет неприятие
паленое...
Не благодетельствуй. Смертный грех
Укажет демонам на то,
Что в стоках заводов припрятает вслух
соленое,
Немое , дерзкое. Как ночь
Слепое. Острое. Душа
Не в силах спорить с неприкаянностью.
Странная...
И вновь уносит ветром прочь
Немые вопли. Не дыша,
Не в силах вынести прикосновенья
ранами...
Не верь иллюзиям. Они
Не склонны верить чужакам,
И цирк лелеять не резон успешным
клоунам.
Не верь. Пускай напрасно дни
Проходят мимо по рукам.
И выше. Там, где облака лелеют вороны.

130511

Вороны предсказали гром.
Насторожился старый дом.
В его застенках спали сны
До послезавтрашней весны.
Их не хотелось разбудить.
Он их привык во сне любить
Слегка скрипучим естеством,
Чуть устаревшим волшебством.
Он их берег. Лелеял. Жил.
Не беспокоил. Сторожил.
Дышал вполголоса. Следил.
Дом эти сны любить любил.
Воронам было все равно.
Они попрыгали давно.
Дождями смыло все следы.
Ни снов. Ни дома. Пыль. И дым.

130524

Неизвестно совершенно ничего.
Непонятно, как себя в руках держать.
Где-то пафосно вписаться в поворот,
Где-то просто развернуться и бежать.
Непривычно звездам с левой стороны
Монотонно и беспочвенно гудеть.
Не проси. Не стану больше в твои сны
Исступленно и настойчиво хотеть.

ПОЭЗИЯ

Татьяна УСТИНОВА-РАФТОПУЛУ

выпускница филологического
факультета УдГУ,
поэт, автор трех сборников стихов,
участница Международных литературных
фестивалей русского зарубежья,
Афины

«ПРИЛОЖУ РАКУШКУ К УХУ...»

Стихотворения

Тайная отрада

Мечтала я в крылатой тишине,
Воображение было другом мне,
Я уносила ласточкой легко
В лазурные просторы далеко,
Туда, где солнечный, зеленый край,
Где боги создали когда-то рай,
Где море – удивительное – там
Поклоны шлет цветущим островам.
Я поняла, что тайная отрада
В моей судьбе – далекая Эллада.

Литургия

Войду в рассвет я словно в храм,
На красоту чтоб помолиться,
Творениям природы там,
Полюбовавшись, поклониться,
Где тишину разбудят птицы,
Исполнив утренний хорал,
И в ризу солнца облачится
Цветок зари – золотой шафран.

Жизнелюбец

Греком правит жажда жизни,
Есть на это божья воля,

Радость черпает от солнца,
А унынье топит в море.
Сила страсти, что у горца, –
Из энергии восхода...
Мне б заряд такого рода!

Раковина

В бухте тихой и безлюдной
На песчаный берег чудный
Вынесло волной
Раковину, что открыта
Солнцем, брызгами умыта,
Пеною морской.

След коралловых закатов,
Бирюзовых волн накатов
Оставался в ней
Отшлифованным зазором,
Завитушками узоров –
Стал нарядом ей.

Приложу ракушку к уху,
Не мешая литься звуку,
Что трубил Тритон,
Голос моря в ней услышу,
Чем оно живет и дышит
С тайной в унисон.

Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА

критик, литературовед,
доктор филологических наук,
член Союза писателей России,
лауреат Государственной премии
Удмуртской Республики,
Ижевск

АРХЕТИП «КЕНОС» В УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кенос (клеть) – уникальное явление в традиционной культуре удмуртов. Слово «кенос» состоит из двух частей: «Кен» – сноха, «Ос» – дверь, то есть дверь снохи. С кеносом связаны многие обряды в жизни удмуртов (влияние матриархата). Кенос – оригинальное архитектурное сооружение и по функциям, и по оформлению. Он встречается только у удмуртов. О многофункциональности и уникальности кеносов писал находившийся в Вятской ссылке А.И. Герцен: «Мне нравится у вотяков, что для каждой брачной пары в семействе строится особая клеть, где супруги хранят свое добро и куда без их разрешения не имеют право входить». Мордовский этнограф М.Г. Маркелов писал: « Содержится кенос в чистоте и опрятности. В обычное время кенос является помещением для девушки-вотячки до замужества, а после – местом брачной спальни. Здесь же проходила первая брачная ночь молодых, не имеет значение, когда была свадьба – летом или зимой».

Кенос оставался царством женщины, и девушка, достигшая определенного возраста, имела право переселиться сюда, доходы от прядения, ручного ткачества, вышивания она имела право оставить для себя. Здесь она знакомилась со своим будущим женихом, проводила девичник, прощаясь со своими подругами, друзьями во время «испытательного» брака. В доме жениха ее

отводили в кенос и здесь в качестве символа женской жизни надевали на ее голову нарядный айшон. В этнографической литературе описаны случаи, когда женщина рожала в кеносе (Н.А. Савельева. Имяречение в системе удмуртской традиционной культуры. Место ребенка в традиционной удмуртской культуре. Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2001. С. 211). Женщина являлась полной хозяйкой кеноса. Здесь хранились ее личные вещи, воршудная коробка, иконы.

Об особом, «домашнем», интимном характере кеноса, о его функциональном и духовном значении этнограф А. Пинт пишет: «Здесь девушка устраивает «Веме» (помощь), когда готовит приданое, здесь она шьет полог для постели и здесь при выходе замуж с подругами и молодыми людьми своей деревни проводит последнюю ночь в доме отца, оплакивая конец свободной жизни. В кеносе одевают невесту, и отсюда она выводится к свадебным гостям перед отъездом ее в дом жениха. Взрослая девушка в общем кеносе находилась в равных правах с родителями, у нее имелось отдельное место, которое отгораживалось занавесом от остальной части кеноса».

Кенос, как и вся традиционная жилая среда, обладал целым комплексом различных религиозно-мифологических качеств и смыслов. Многие из них запечатлены в фольклорных произведениях, а также в художественных текстах, закрепляясь на уровне бессознательного и становясь элементом сюжета. Архетип становится одной из удерживающих сил в отношении культурной традиции, закрепленной в письменном слове. Данные образы передаются от поколения к поколению, формируют фольклорно-этнографический контекст произведения. По мнению К. Юнга, архетипическое бессознательное культуры актуализируется в моменты крушения сознательной установки (К. Юнг. Психология бессознательного. Москва, 1996. С. 224). Таким образом, мы вправе полагать, что анализ ментальных структур культуры способен особо успешно вестись на материале художественной культуры, которая, как правило, являет собой единство сознательного и бессознательного. Полисемантизм образа кеноса передает многообразные исторические и культурные реалии и выражает индивидуальный стиль художника слова.

В художественной литературе кенос выступает символом женского сознания, важным маркером социального статуса женщины в разных возрастных категориях (девушка – невеста – мать). Рассмотрим каждый из них отдельно.

Кенос – это женский топос, летнее спальное помещение, место встреч и свиданий возлюбленных. В стихотворении Кузубая Герда «Кеносын» («В клетю») читаем:

Ос но пытсамтэ...
 Уйбыт мон ой изь:
 Чуж зег бусысы
 Вити лыктэмдэ.
 Мон ой изь. Жокыт.
 Малпаськи. Кылли.
 Куарадэ кылй,
 Шулдыр кырзакуд.
 Шулдыр юмшасьёс
 Уйбыт кырзасы,
 Жингрес арганъёс
 Уйбыт жингразы.
 Югыт луытозь
 Серекъяд, шудйд...
 Шунды жужатозь
 Монэ бөрзытид.

И дверь не закрыта...
 Всю ночь не спала:
 С желтого ржаного поля
 Ждала прихода твоего.
 Я не спала. Душно.
 Думала. Лежала.
 Слушала (твой) голос,
 Когда ты красиво пел.

Веселые гуляющие
 Пели всю ночь,
 Звонкие гармоники
 Звенели всю ночь.
 Всю ночь (ты)
 Смеялся, играл...
 До восхода солнца
 Меня заставил плакать.

Лирический герой передает мысли и чувства девушки, в тексте улавливается женский взгляд на окружающий мир. В удмуртском языке нет грамматической формы определения рода, но женское сознание угадывается по ситуации, эмоционально-экспрессивному стилю: наличие глагольной символики («Ой изь» – «Не спала»; «Вити» – «Ждала»; «Бөрди» – «Плакала»), безлично-предикативных слов, обозначающих эмоционально-психическое состояние человека («Жокыт» – «Душно»). Представляет интерес и первая фраза стихотворения, переходящая в категорию метафоры: «Ос но пытсамтэ» («И дверь не закрыта»). По наблюдениям Л. Бусыгиной, «в данном тексте нет описаний внешности, нет взгляда со стороны; раскрывается внутренний мир героини. Выражена лишь сила эмоций, порывов женской души. Здесь обнаруживается «ролевой» герой – удмуртская женщина. В складе ее личности воплощен тип народного характера, намеченный до какой-то степени в многовековой фольклорной традиции, Кузубай Герд же приблизил их к облику реального человека». (Л.В. Бусыгина. «Временем помечен, Поэт и Человек...». Размышления о слове и эпохе Кузубая Герда. Ижевск, 2009. С. 159).

Кузубай Герд обладал способностью воспроизводить сознание разных типов людей – мужчин, женщин, детей, стариков и так далее, его герои «ролевой лирики» (термин Б.О. Кормана) свидетельствовали о много-субъектности, когда авторское сознание адаптируется к сознанию героя, воспроизводит его слово, речевую манеру и выражает реалистический тип мироощущения.

В такой же ситуации ожидания возлюбленного оказывается героиня Катя из одноименной повести Ф. Кедрова (1940). В начале повести описано веселье, дружное гулянье молодежи в один из весенних вечеров. «Бектар гурезь бамын арган кырзани, арганэн чош егитъёс кырзалло, экто но, лэся, кичабем куаразы кылйське. Онись-лэн нылыз Катя гинэ кеносаз пуке. Бадзым зус вылэ валес дураз пуксем но канбылля кырзаса бөрдэ». («На склоне Бектара поет гармонь, вместе с ней поет молодежь. Кажется, даже пляшут, слышны рукоплекания. Только дочь Онисьи Катя сидит в кеносе, поет и плачет»). Сюжет повести вос-

производит события начала XIX века периода Первой империалистической войны, когда удмуртская деревня находилась на перепутье, раздираемая классовыми, социальными, национальными конфликтами и противоречиями. Бедная по социальному положению Катя ждет своего возлюбленного Койыка. Но богатые люди деревни совершают старинный обряд умыкания невесты и насильно выдают ее замуж за богатого Максима. Но она не мирится со своим положением, убегает к любимому Койыку, проявляет бойцовские качества, демонстрируя человеческое и национальное достоинство. Деревенский «Кенеш» совершает самосуд над возлюбленными, но они выдержали все испытания и соединили свои судьбы.

Кенос – это социокультурный топос, он призван закрепить отношения молодых в статусе жениха и невесты. Это место проведения первой брачной ночи. Такие сюжетные варианты встречаются в написанных в разные годы романах – «Секыт зибет» («Тяжкое иго») Кедре Митрея (1929), «Улэм потэ» («Жить хочется») П. Блинова (1940), «Вордйськем палъёсын» («В родных краях») И. Гаврилова (1958-1963), «Лъольшур палъёс» («В долине красной реки») Евг. Самсонова (1986). Сцены, воспроизводящие разные жизненные сюжетные коллизии, строятся на оппозициях: бедный – богатый, старый – молодой, любимый – нелюбимый. Мотив двойного, подставного жениха завершается одинаковым финалом: девушки проявляют инициативу и самостоятельность, убегают от своих «подставных» женихов к любимым, желанным (Дыдык бежит от Чушни Ивана к Дангыру, Катя от Максима к Койыку, Тутыгыш от Онофри к Сандыру). В романе «Тяжкое иго» читаем: «Дыдыкез Иванэн кеносэ пытсазы. Ос сьорын куара чалмытскем бере, Дыдык валес вылаз выдэ. – Тыныд тани валес, - шуэ со Иванлы, сэрегын кыллись дукесэз возматыса». («Дыдык и Ивана заперли в кеносе. Как только стихли шаги за дверь, Дыдык ложится на свою кровать, а Ивану говорит: – Вот твоя кровать, – и показывает на лежащий в углу зипун»). Убегая к любимому Дангыру (хоть и была обвенчана в церкви с сыном церковного старосты Киона Эркемея Чушни Иваном), Дыдык встречается с ним в кеносе, раскрывает свою душу и строит новую семью, основанную на взаимной любви и равных социальных правах.

Кенос как женское сакральное пространство призвано закрепить отношения молодых в статусе жениха и невесты. Именно об этом помнит и об этом заботится герой романа П. Блинова «Улэм потэ» («Жить хочется») старик Омель, образ которого выполнен

в юмористическом ключе. Приверженец и хранитель старых традиций, он делает небезуспешную попытку сблизить свою дочь Любу с «новоявленным инженером» Демьяном Буровым, для чего он прибегает к разным уловкам и хитростям, одна из которых – предоставление своего спального места в клетке («Милям пересъемем ёзвиос чумын кынмыны кутско кадь ни, Демьян Платоныч. Али шуэм сямен, уг тупа ни милемлы, пересь муртъёслы, чумын кёланы. Тй, ойдо, егитэсь муртъёс, кёлалэ ни отын...») («В клетке наши старые кости, кажется, уже начинают мерзнуть, Демьян Платоныч. Не гоже нам, старикам, спать там. Вы молодцы, спите уж там...»). Омель Зворыгин заботится о преемственности положительных традиций рода Зворыгиных – обеспечить себя хорошим наследником, точнее, достойным зятем, а в порядочность дочери он твердо верит. Но когда старик узнает, что Демьян Буров вовсе не инженер и не агроном, а бывший беспризорник, он клеветает на Бурова, симулирует кражу, разрушает брачные узы молодоженов и приводит в клетку нового поклонника Любы – Владимира Федорова. Свидание Любы Зворыгиной и Владимира Федорова закончилась неудачей для последнего – она, как и многие свои литературные предшественницы, не принимает его в качестве жениха, с позором выгоняет из клетки. В этих фабульных перипетиях героев выдерживается единство комического стиля, юмористического пафоса произведения. Архаичность текста романа П. Блинова проявляется и в том, что Кенос воспринимается в другой своей функции – как материнское лоно.

Кенос – женский топос, связанный с материнством. После замужества в доме жениха снохе строили новую клетку в ее личное пользование, и она воспринимала ее как личное пространство. Здесь хранились ее вещи, здесь воспитывались ее дети. Непременным атрибутом этой уже материнской клетки был полог – он украшал семейную спальную кровать. Маленький Демьян Буров в годы гражданской войны остался сиротой, чудом остался в живых, ибо спрятался от белогвардейцев под чумом (так называют кенос носители срединных говоров Удмуртии): «Нбыль пыд йылаз бызьыса, чум выж уллэн самой пыдлось сэрегаз чундырскиз но шоканы дйсьтытэк улэ» («Убежав на четвереньках, он спрятался в самый потаенный угол подвала клетки и сидит, затаив дыхание»). Здесь он интуитивно почувствовал тепло, заботу, защищенность благодаря магической силе материнства. Роман «Жить хочется» – тип романа воспитания, в котором угадываются архаиче-

ские реликтовые следы обряда инициации, включающего в себя предварительные, основные, заключительные испытания героя, обряд очищения, разнообразные приключения и злоключения, которые проходит Демьян Буров, чтобы стать достойным юношей, мужчиной, человеком. Путь Демьяна Букова от беспризорника до командира Красной Армии связан с преодолением разных коллизий: классовых, социальных, национальных, семейных, личных.

Удмуртская литература отражает эволюцию архетипа кенос, связанную с новыми социокультурными реалиями, с утверждением советской действительности и метода социалистического реализма как единственного творческого метода. Все архаическое, национально-языческое объявляется устаревшим, ненужным, коммунистически вредным. Постепенно уходили из повседневности тысячелетия назад созданные образы и обычаи, семейно-родовые и аграрные культы, в которых отразилось мировоззрение народа. В связи с этим теряет свои магически-сакральные функции и кенос. Впервые этот конфликт нового и старого показала Ашалычи Оки в стихотворении «Ой шулдыр ук, шулдыр ульчаын» («Ой весело, как весело на улице...», 1925):

Ой, шулдыр ук, шулдыр ульчаын,
Туж шимес ук, шимес кеносын...
Кеносын-четлыкын жокасько,
Мемилэсь зулемзэ кылйсько.
Мемилэн зулемез быронтэм,
Кузь сюрес кадь йылтэм но пумтэм.
Уйшорозь со монэ тышкаське,
Жыт шудны лэзэнтэм кыл сётэ...
Ас пинал даурез ортчемен,
Шудэмез, юмшамез вунэмен,
Чик уг вала пинал мылкыдэз –
Серекъян но шудон потэмез!
Ой, весело, как весело на улице,
Мрачно, очень мрачно в клетке...
В клетке-клетке задыхаюсь,
Мамину болтовню слушаю...
Мамина болтовня нескончаема,
Как длинная дорога бесконечна.
До полночи меня ругает,
На гулянку не пускать обещает...
Потеряв свою молодость,
Игры-пляски позабыв,
Не понимает духа молодости –
Желания смеяться и играть!

Кенос как символ традиционного уклада жизни не устраивает лирическую героиню Ашалычи Оки. Она рвется на улицу, воспринимаемую как социальная активность, гражданское деяние, национальное самовыражение. Возникают новые бинарные оппозиции: старость – молодость, личное – гражданское. «Мать», «кенос» выступа-

ют символами старого, дореволюционного сознания. Лирическая героиня хочет быть новой социалистической удмурткой. Из кеноса, воспринимаемого ею как клетка, она хочет вырваться в обновляющийся социальный мир.

Тенденция ослабления фольклорно-мифологических традиций, этнографических реалий усилилась в удмуртской советской литературе 50–60-х годов XX века, когда в стране был объявлен курс на построение коммунистического общества, а позже – в 70-е годы – сформулирован тезис о формировании новой исторической общности людей «советский народ». Литература теряла свои родовые устои и традиции, систему язычества как наиболее архаический и плодотворный пласт в духовной культуре удмуртского народа. В этой обстановке писатели, с одной стороны, вынуждены были отражать всеобщую идеологизированную ситуацию, с другой, – воссоздавали архаические пласты народной мифологии, «коллективное бессознательное» или «трансперсональную психологию» (К. Юнг).

В 1956 году вышла в свет повесть «Вуж юрт» («Старый дом») Г. Красильникова. Созданная на материале жизни послевоенной удмуртской деревни повесть поднимает проблемы, актуальные для советской литературы той эпохи. Автор показывает борьбу с индивидуализмом, частной собственностью, объясняя истоки собственничества не только причастностью героя к богатым семейным родам, но и в настоящем.

Носителем частнособственнической психологии в повести являются Зоя и Макара Кабышевы, автор показал процесс разрушения их личности в современных условиях. В повести «Старый дом» внешний мир становится одним из главных действующих лиц, определяющей чертой поэтики. Быт, окружающий человека в каждодневной жизни, формирует его привычки и характер, создавая при этом реалистическую традицию в изображении героев и характеров. Дом Кабышевых представляет собой крепость, быт дома предстает одушевленным, активно воздействующим на человека и его судьбу. Дом Макара Кабышева – нечто материальное, сковывающее свободу героев. Писатель выстраивает на деталях бытового интерьера целостный образ-характер. Образы стены, частокола, забора становятся символом отрешенности от мира, преградой к светлой, свободной жизни. Чуланы, замки, занавески как бытовые детали приобрели обличительный и психологический характер.

Исследователь творчества Г.Д. Красильникова Н. Эшмакова, используя гендерный

подход, пишет: «Дом разделен на две половины – мужскую и женскую, границей такого деления является печь. С образом женщины Зои связаны «феминно-насыщенные» зоны дома: матница (мумыкор, эмеспикор), окно (укно), печь (гур), женская половина (кышнопал), а также предметы домашнего обихода, разделенные в категорию сосудов и емкостей: сундук (сандык), банка (пияла), сад, окруженный оградой, символизирующий в мировой мифологии женское начало мироздания» (Н.В. Эшмакова. Поэтика прозы Геннадия Красильникова. Рукопись диссертации. Ижевск, 2010. С. 97-98). В этом списке отсутствует кенос – символ женского начала в удмуртской ментальности.

Кенос в повести Г. Красильникова – символ вещиизма, где отсутствует духовное начало. Он превратился в складское помещение. И разглядывает, оценивает это хозяйство сын Зои и Макара Кабышевых Александр. «Синмыз пеймытлы дышем бере Олексан умой-умой адзиз огзы вылэ огзы тырем вышкыосты, буш бинетъёсты, ящикъёсты. Пызь но, тузон пуксыса, ваньмыз пурьсы адзиське...». («Привыкшие к темноте глаза разглядели поставленные друг на друга бочки, старые свертки, ящики. И мука напминает серую пыль – все покрыто серой пеленой»). Кроме того, Олексан в клетке разглядел ненужную, вышедшую из употребления хозяйственную утварь (ржавые самовары, двухпудовые гири, детали машин, гвозди, веревки и другое).

Трагедия дома Кабышевых (уходит из жизни Макар, Глаша, жена Олексана, рождает мертвого ребенка, затем мучительно покидает этот мир Зоя) не только в том, что члены семьи заражены вирусом накопительства и стяжательства. Трагедия этой семьи в том, что женщина в доме не выполняла своей основной функции, не наполнила духовный вакуум. Зоя покинула свое традиционное место – кенос, наполнив его ненужными вещами, преимущественно хламом. В повествовании доминирует оппозиция материальное – духовное, кенос становится символом вещиизма.

Женщина, покинувшая свой родовой сакральный топос, приносит в дом несчастье. Может ли занять ее место мужчина? Удмуртская литература дает своеобразный ответ, причем определенно однозначный – отрицательный (Повесть И. Соловьева «Долгий лог», трагедия И. Гаврилова «Камит Усманов»). В повести Ивана Соловьева «Кузь нюк» («Долгий лог», 1928) раскрыта трагическая судьба обездоленного человека, его жизнь в бегах от солдатчины и гибель от руки деревенских богатеев. Сюжет взят автором из удмуртских легенд о бегло-

ях (беглых), составляющих своеобразную национальную «беглоиаду» (термин А.Г. Шкляева). Будучи в бегах, «удмурт гуртысь одйг ныл Шақтырез кенсаз кӧланы дышетйз» («Шақтыр нашел приют у одной удмуртской девушки в ее кенесе»), но девушка выдала ее деревенскому «Кенешу» для самосуда. Трагедия Шақтыра не только в том, что он сбежал от 25-летней царской службы. Он нарушил многовековые традиции удмуртского народа, посягнул на ее святыню. Ведь кенос для него – символ родного дома, материнства, священной памяти. Не случайно, прощаясь с домом, он прощается прежде всего с кеносом: «Мынам кенсы, ӧс сьӧры сьӧры вылэ, сизьымо кутэ, мертчан бинялтон, базар шортэн куэм штани, бурлат шортэнэз дэреме, сьӧд пыгыли шляпае кыле». («В моей клетке остаются на перекладине за дверью лапти-семирички, льняные портянки, штаны из базарной ткани, рубашка из красного ситца, шляпа из поярковой шерсти»). Таким образом, мотивы убийства Шақтыра не только социально-классовые, но и религиозно-мифологические, сакральные.

Проанализированные выше произведения вобрали в себя разные уровни мировоззренческих, тематических, художественных аспектов творчества писателей разных лет и поколений. Их объединяет мифологическое восприятие мира, становящееся важной формообразующей силой произведения. Фольклоризмы и этнографизмы имеют важное смысловое и содержательно-структурное значение. Будучи репрезентантами культурно-национального выражения, они становятся образно-стилистическими средствами выразительности, обуславливают усложненную символику художественного текста, ее смысловую многослойность.

Архетип кенос передается от поколения к поколению писателей, становясь априорным образом удмуртского национального мира. Это обнаруживается в нравственно-мифологических ценностях, системе норм и правил, регламентирующих всеобщее родовое сознание удмурта, «...ощущение присутствия в мире высшей моральной силы, упорядочивающей законы вечной справедливости», «...некой извечной субстанции, реализующейся в назначенной для человека доле, роке, судьбе» (Т.И. Зайцева. Удмуртская проза 2-й половины XX-начала XXI века: национальный мир человека. Ижевск, 2009. С. 278-279). Актуализированность древних культурных пластов, мифологичность мировоззрения предстает, таким образом, как элементом архаизации культуры, так и методом обеспечения неразрывности культурной традиции.

Людмила БУСЫГИНА

старший научный сотрудник
Лаборатории лингвистического
картографирования УдГУ,
Ижевск

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КУЗЕБАЯ ГЕРДА

Каждый человек еще с младенческого возраста сталкивается с необычным миром «нестандартных смыслов» – это шутки, каламбуры, детские слова, поэтические образы и так далее. Лишь только ребенок входит в мир сказок, мифов, легенд, загадок, словесной игры, он встречается с проблемой понимания образного языка. К тому же, начиная говорить, дитя входит в мир образов и смыслов своего родного языка. Поэтому в удмуртской филологической науке актуальной остается проблема создания на материале удмуртской художественной литературы словаря поэтических образов.

Словари поэтических образов – это важный шаг к пониманию знаков и смыслов. Из книги, отражающей практически все возможные парадигмы образов, можно узнать что с чем сравнивается, понять суть образа, узнать его инварианты, проследить законы, по которым устроены поэтические образы, что в дальнейшем, возможно, позволит создавать новые образы.

Первым этапом составления такого словаря может явиться словарь поэтических образов одного писателя. Ученые особо подчеркивают значимость частотных тезаурусов. Как утверждает М.Л. Гаспаров, «Частотный тезаурус языка писателя (или произведения, или группы произведений) – вот что такое «художественный мир» в переводе на язык филологической науки». (М.Л. Гаспаров. Избранные труды. О стихах. Москва: Языки русской культуры, 1997. Т. 2. С. 505). Такие словари представляют первичный фон художественного мира автора, своеобразную шкалу ценностей, из орнамента которых выстраивается картина мира. Составление тезаурусов отдельных стихотворений – прием, неоднократно использу-

емый Ю.М. Лотманом, известны работы Ю.И. Левина, М.И. Борецкого и других.

Своеобразной реализацией идей этих работ о формальном и функциональном тезаурусах является «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович. В основе данного словаря – «идея о том, что каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализуют некий общий для них смысловой инвариант, то есть модель, или парадигму». (Н.В. Павлович. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2-х томах. Т. 1. Москва: Эдиториал УРСС, 1999. С. 848).

Одни парадигмы образов широко распространены, часто употребляемы, известны, другие встречаются редко, специфичны, и выделить их бывает трудно. Мысль о повторяемости образов принадлежит А.Н. Веселовскому. Ученый в своей работе «Историческая поэтика» отмечает: «Одни и те же знакомые образы, одни и те же мотивы проходят по всей поэтической истории нашей расы». (А.Н. Веселовский. Историческая поэтика. Вступительная статья И.К. Горского; комментарии В.В. Мочаловой. Москва: Высшая школа, 1989. С. 406). Суть его высказывания в том, что образы почти неподвижны, веками, от поэта к поэту, они плавно переходят, не претерпевая особых изменений; что невозможно изобрести в чистом виде новый образ. Проблема не в творчестве, создании чего-либо нового, а в композиции, сочетании существующего, уже сотворенного.

Эту мысль развивает в своей работе «Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследова-

ния в области мифопоэтического» В.Н. Топоров: «Структура любого произведения – это наложение, соответствие схем мифопоэтической традиции». (В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. Москва: Издательская группа «Прогресс – Культура», 1995. С. 624). То есть, по его мнению, всякое новое осмысливается как своего рода повторение уже бывшего на том или ином этапе развития литературного процесса. Идея об универсальности поэтического мышления, о перетекании образов из поколения в поколение нашло отражение и в поэзии Осипа Мандельштама: «Все было встарь, все повторится снова».

Изучение законов, по которым устроены поэтические образы, исследование парадигм образов, впоследствии парадигм образов разных писателей разных эпох, разных культур позволит, на наш взгляд, проникнуть в духовный мир человека, в ментальное; позволит определить иерархию ценностей в художественном мире писателя, больше – в картине мира определенного этноса. Впоследствии сравнительно-сопоставительные анализы словарей поэтических образов национальных художественных литератур позволили бы выделить особенные и типологически общие черты в национальном мировидении, характере, средствах самовыражения и творческого воплощения.

Методика выявления парадигм образов Н.В. Павлович уже успешно использовалась В.С. Баевским в исследовании образной системы книги А.А. Ахматовой «Белая стая». С помощью данной методики была исследована образная система творчества Н. Гумилева в диссертации О.А. Смагиной «Поэтический мир Николая Гумилева: «Огненный столп». Эта методика дает возможность описать образы текстов систематически, выявить наиболее значимые парадигмы, темы, образы, понятия, с которыми сравнивает автор эти образы. Структурная схема тропа X → Y, где левый элемент представляет собой то, что соотносится, а правый – то, с чем соотносится, соответствует не единичному тропу, а целому ряду образов. Словарь должен быть составлен по принципу семантического поля. В соответствии со структурой семантического поля (ядро поля, центр, периферия) в словаре также большой раздел должен содержать более мелкие рубрики, например, раздел «Живые существа» будет включать рубрики «Человек», «Животные», «Птицы». Эти понятия, в свою очередь, могут включать более частные. Так, в понятие «Человек» войдут «Человек вообще», «Люди»,

«Женщина» и так далее.

В этой статье мы попытаемся представить творчество Кузубая Герда в виде словаря поэтических образов. Не претендуя на полный охват образов, попытаемся лишь обозначить новые подходы к исследованию творческого наследия удмуртского художника слова. Перед тем как разложить в систему образов стихотворения Кузубая Герда, следует заметить, что парадигмы реализуются в конкретных тропах, в зависимости от вида которых они приобретают различные оттенки. Поэтому важно иметь в виду многообразие тропов художественного мира Герда: эпитеты, сравнения, метафоры, метонимии и так далее. Эпитеты в лирике поэта служат для выделения индивидуальных качеств, характеристик предмета, для создания их яркого, неповторимого образа. Функция сравнений, метафор, отождествлений, метонимий – установление связей между предметами и явлениями окружающего мира. Кузубай Герд предпочитает тропы «прямого отождествления» (по Н.В. Павлович), когда в тексте присутствуют оба сближаемых понятия, делающие эту связь более явной, осязаемой, что способствует выделению парадигм образной системы. Итак, словарь поэтических образов Герда будет иметь примерно следующий свод парадигм:

Живые существа

Человек

1. адыми – 'человек' (вообще)

адыми 'человек' → крезьчи 'гусяр' (Та кырзанъёсме – / Шур тулкымъёсме... / ... Крезьме шуккыса, / Калыклы кырзай 'Эти песни мои – / Волны речные... / ... На гусях сыграв, / Спел народу' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 8); Ой, та кырзан гурзэ крезьчи эз бытты: / Ышиз-быриз – нэкытын но уг адскы. 'Ой, мелодию этой песни гусяр не закончил / Потерялся – нигде его не видно' (Там же. С. 64); адыми 'человек' → поэт, кылбурчи 'поэт' (Мон – кылбурчи, мон – калгисько... 'Я – поэт, я – гуляю' (К. Герд. Сяськаяськись музьем: Кыкетй кылбур книга. Казань, 1927. С. 5); Эй, / Изчиёс! / Кылбурчиёс / Крезьбурчиёс... 'Эй, / Каменщики! / Поэты! / Музыканты!' (Дас ар: Инсценировка. Ижевск: Удкнига, 1931. С. 27).

Судя по последнему примеру, мы можем выделить целый ряд образных парадигм «Человек → X», где X – названия людей по профессии. Также можно определить систему образов по социальному положению (например, ляльчи мурт 'прислуга', ужчи мурт 'работник', узыр мурт 'богач', курастькись 'нищий' и так далее), по родственным связям (нылы 'дочь моя', анай, мумы 'мать',

Кузубай Герд.

агай 'старший брат', кенак 'жена брата' и другие), по дружеским, любовным связям, по возрасту, по принадлежности к какой-либо народности и прочее.

2. адыми 'человек' – будос 'растение'

адыми 'человек' → тыпы 'дуб' (Улылэм но вылылэм чебер Тёко: / Бусйын будйсь тыпы кадь, юн вылэм 'Жил да был красивый Тёко / Крепким был, как растущий в поле дуб' (Гудыри, 10 июнь, 1924 ар); адыми 'человек' → сяська 'цветок' (Зеч лу, мусо Надие! Зеч лу, чебер сяськае! 'До свидания, милая моя Надя! До свидания, красивый мой цветок!' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 81).

2.1. поэт – будос 'растение'

поэт → сяська 'цветок' (Вазь жужам сяськаос – удмурт поэтъёс 'Рано взошедшие цветы – удмуртские поэты' (Гудыри, 9 июнь, 1923 ар); Тон интйе потозы виль, чебер сяськаос – Виль поэтъёс 'Вместо тебя вырастут новые красивые цветы – новые поэты' (Гудыри, 24 декабрь, 1921 ар); Тодкоды-а, удмуртъясы, кин-о мон, тй тодкоды-а? / Адыми-а, турагай-а, кам шашы-а, чуж сяська-а? 'Знаете ли вы, мои удмурты, кто я, знаете ли? / Человек ли, жаворонок ли, камская осока ли, желтый цветок ли?' (Гудыри, 24 январь, 1920 ар); поэт → шашы 'осока' (Тодкоды-а, удмуртъясы, кин-о мон, тй тодкоды-а? / Адыми-а, турагай-а, кам шашы-а, чуж сяська-а? 'Знаете ли вы, мои удмурты, кто я, знаете ли? /

Человек ли, жаворонок ли, камская осока ли, желтый цветок ли?' (Там же).

2.2. нуны, нылпи 'ребёнок' – будос 'растение'

нуны, нылпи 'ребёнок' → сяська 'цветок' (Ку меда будод, чебер сяськае? / Чебер сяськае, яратон нуныкае? 'Когда же вырастешь, мой красивый цветок? / Красивый мой цветок, любимое дитяtko?' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 13); Тэль нылпи: / Жуй улысь / Виль губи 'Лесное дитя: / Из-под мха / Новый грибок' (Гудыри, 23 май, 1926 ар); Удмурт нылпиос, пиналъяс... / Тй – виль чебересь сяськаос 'Удмуртские дети... / Вы – новые красивые цветы' (К. Герд. Зарни кылчуръясы: Кылбуръяс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 321).

3. адыми 'человек' – пудо но пйшур 'животное'

адыми 'человек' → гондыр 'медведь' (... чебер Тёко / Съод тэльысь гондыр кадь, туж кужмо вылэм '...красивый Тёко / очень сильный был, как из темного леса медведь' (Гудыри, 10 июнь, 1924 ар); адыми 'человек' → парсь 'свинья' (Мон – парсь... / Я – свинья (К. Герд. Зарни кылчуръясы: Кылбуръяс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 329).

4. адыми – тылобурдо 'птица'

4.1. поэт → тылобурдо 'птица'

поэт → турагай 'жаворонок' (Тодкоды-а, удмуртъясы, кин-о мон, тй тодкоды-а? / Адыми-а, турагай-а, кам шашы-а, чуж сяська-а? 'Знаете ли вы, мои удмурты, кто я, знаете ли? / Человек ли, жаворонок ли, камская осока ли, желтый цветок ли?' (Гудыри, 24 январь, 1920 ар);

4.2. нуны, нылпи 'ребёнок' → тылобурдо 'птица'

нуны, нылпи 'ребёнок' → зольгыри 'воробей' (Зольгыриёс-пиналъяс / Сиён курса бёрдйсьёс 'Ребятунки-воробушки / Прося еды, ревут' (Гудыри, 22 май, 1924 ар).

4.3. кышномурт, нылкышно 'женщина' → тылобурдо 'птица'

кышномурт, нылкышно 'женщина' → кикы 'кукушка' (Сяськалэн дораз кикыед силе, / Кикыед силе, йырзэ мыкыртыса, – / Нунылэн йыр аяз мумиез пуке, / Мумиез пуке, каллен кырзаса 'Рядом с цветком кукушка кукует, / Кукушка кукует, голову склонив, – / У изголовья дитя мать сидит, / Мать сидит, тихо напевая' (К. Герд. Зарни кылчуръясы: Кылбуръяс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 17).

5. кышномурт, нылкышно 'женщина' → другое существо, явление

В этом ряду выделяется парадигма кышномурт, нылкышно 'женщина' → революция, новая жизнь (Чебер нылъясмурт лыктйз / Горд дэремен, юг-юг йырсиен 'Кра-

сивая девушка пришла / В красном платье, со светлыми волосами' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 150). Но чаще всего функционирует образная система цвет → революция, новая жизнь: Тынад сюрес вылад – горд сяська 'На твоём пути – красный цветок' (Там же, С. 159); Котыр югыт, котыр шулдыр: / Шунды чилия, шунды пиштэ / Музьем вылэ виль шуд кисьтэ 'Кругом светло, кругом весело: / Солнце сверкает, солнце светит / На землю новое счастье льет' (К. Герд. Сяськаяськись музьем: Кыкетй кылбур книга. Казань, 1927. С. 4), где в эпитетах, в образах цветения и цветовых ассоциациях обнажается женский образ. А в этом образе, в свою очередь, нетрудно угадать лик цветущей страны-красавицы. Заметим, мотивы цветения и молодости, развивающиеся применительно к образу советской страны, в 30-е годы стали распространенными поэтическими приемами. Например, песни «Расцвели яблони и груши» М. Исаковского, «Цветет красотой небывалой народного счастья весна», «Как яблонь цвет краса твоя» В. Лебедева-Кумача и так далее. Поэтому в данном случае можно выделить и парадигму женщина → страна.

Анализ употребления цветовых парадигм показывает, что они участвуют не только в оформлении колорита произведений и книг поэта, но и в семантической организации стихотворений, дополняя и углубляя, а порой и привнося совершенно новый смысл, создавая новый образ, а порой и парадигму образов.

Животные

1. кый 'змея'

1.1. кый 'змея' → шур 'река' (Кык кый кадь чилияса-чилиаса, вореkjяса / Ваткаен Камен бызё, нёж вылтйд шудыса 'Как две змеи сверкая, переливаясь, / Вятка с Камой текут, по низинам играя' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 116);

1.2. кый 'змея' → йырси 'волосы' (Кык чуж кыйёс кадесъ / Чуж-чуж йырсиёсыд 'Как две желтые змеи / Желтые-желтые твои волосы' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 186);

1.3. кый 'змея' → вуж улон 'прошлое, старая жизнь' (Виемын съод кый / съод улон / толон 'Убита черная змея, / черная жизнь / вчера' (ДА: 7)).

2. нумыр 'червь, гусеница'

нумыр 'червь, гусеница' → адями 'человек'; нумыр 'червь, гусеница' → калык 'толпа, народ'.

3. нйзыли 'дождевой червь' → калык 'толпа, народ'.

4. гондыр 'медведь'

гондыр 'медведь' → тушмон 'враг'.

4.2. гондыр 'медведь' → адями 'человек' и так далее.

Растения

1. сяська 'цветок'

1.1. сяська 'цветок' → нуны 'дите';

1.2. сяська 'цветок' → шуд 'счастье';

1.3. сяська 'цветок' → поэт, кылбурчи 'поэт';

1.4. сяська 'цветок' → мон 'я (лирический герой)';

1.5. сяська 'цветок' → Удмуртлык 'удмуртский край';

1.6. сяська 'цветок' → выль улон 'новая жизнь' и много других парадигм со множественностью примеров можно еще выделить в данной системе.

2. кызыпу 'береза'

2.1. кызыпу 'береза' → ныл, нылмурт 'девушка';

2.2. кызыпу 'береза' → анай 'мать';

2.3. кызыпу 'береза' → апай 'сестра';

2.4. кызыпу 'береза' → вордйськем палтьёс 'родной край';

2.5. кызыпу 'береза' → югыт 'свет, огонь' и другие.

Подобным образом можно выделить парадигмы под рубриками «Органы и части тела», «Бытие», «Ментальное», «Предметы», «Еда и напитки», «Календарный цикл», «Словесное искусство», «Звук», «Пространство» и так далее.

В поэтическом мире К. Герда выделяется большое число образов-ситуаций, которые необходимо собрать в раздел «Образы-рассказы, образы-мифы». Сюда войдут типовые ситуации: «Обряды», «Игры», «Путешествие», «Творчество», и так далее. Например, поэт много пишет о процессе стихосложения, словотворчества: Та кылбурьёсме – / Турагайёсме / Туж кема люкай, / Туж кема гоjьяй... 'Эти стихи свои – / Жаворонки мои / Очень долго собирал, / Очень долго писал...' В рубрику «Творчество» войдут и образы-ситуации типа поэт → Данко или поэт → Иисус (Гоjтэм кылбурдэ / Ово́л ке валась, / Нош астэ / Пуро ке ваньзы кемалась – / Ишкалты по́сь сьулэмдэ, / Шуккы сое кортчо́ген... 'Написанные стихи твои / Если не понимают, / А тебя самого / Разрывают на части давно – / Вырви горячее сердце свое, / Прибей его гвоздями' (К. Герд. Зарни кылчурьёсы: Кылбурьёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 335–336).

Образ лирического героя, готового вырвать свое сердце и прибить его гвоздями, готового жертвовать собой ради людей, перекликается с романтическим образом Данко М. Горького; обнаруживается экзистенциалистское решение отчаявшегося человека, «возвышенного до Бога». В про-

изведении нет «прямого отождествления», но обнаруживаются звенья предшествующих текстов, перекличка с другими образами. Анализ интертекстуального поля стихотворения позволяет выделить эти парадигмы образов. Следует помнить, объяснение образа – это фактор, зависящий от контекста, и поэтому не стоит искать один единственно верный смысл образа.

Первоначальные наблюдения и анализы образных парадигм К. Герда показывают, что образная система К. Герда в принципе вписывается в образную структуру русской поэзии. Вместе с тем в художественном мире удмуртского поэта можно выделить специфические и совершенно оригинальные парадигмы, такие, например, где участвуют авторские неологизмы – аппозитивные сочетания, типа: сюрэм 'сердце' → тыл-шунды 'огонь-солнце' (Тыл-шунды кадь, пöсь сюрэмме / Йö кадь ик кезыт кариз 'Горячее как огонь-солнце сердце мое / В лед заморозил' (К. Герд. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. С. 91); революция → вир-тыл 'кровь-огонь' и другие. Или те парадигмы, которые связаны с ментальным.

В этом отношении выделяются образы, связанные со словами сюрэм 'сердце' и кёт 'живот', которые в стихотворениях обозначают не столько физический орган, сколько средоточие душевных качеств и состояний, «духовные центры» человека. Они встречаются в основном во фразеологизмах, например: кёт бёрдэ 'переживать' (буквально: живот плачет), кётэ кельше 'прийтись по вкусу' (буквально: в живот нравиться) и так далее, где находит выражение мифологема живота как «локализация эмоций».

Подобная картина вырисовывается и со словом сюрэм. Например, в следующих фразеологических сочетаниях: сюрэмы бёрдэ 'переживать, сострадать' (буквально: сердце плачет), сюрэмы небзе 'почувствовать облегчение, отлегло от души' (буквально: сердце смягчается) и так далее. В сочетаниях сюрэме пырыны 'прийтись по вкусу' (буквально: в сердце войти), сюрэмам ватыны 'скрыть от всех' (буквально: в сердце спрятать), сюрэмын нуллыны 'переживать' (буквально: в сердце носить) и так далее лежит несколько другая мифологема: сердце – «сосуд эмоций».

Встречаются и совершенно оригинальные авторские образные выражения и различные мифологемы: сюрэмы малпа 'переживать, заботиться' (буквально: сердце думает), (мифологема «сердце – функции сознания»); сюрэмаз шуккиськиз (буквально: в сердце раздалось), («сердце – звук»); кёт сёриське 'рассердиться, разгневаться'

(буквально: живот разбивается), («живот – сосуд эмоций») и другое.

Поэт создает индивидуальные обороты по модели фразеологизмов. При этом в них сохраняются «следы традиционной культуры», они предстают отражением мировоззрения этноса. Г.Н. Шушакова в одной из своих работ отмечает эту особенность удмуртского народа: если одна из доминант русской культуры – душа – находит средоточие в слове сердце, то у удмуртов – это слова сюрэм 'сердце' и кёт 'живот'. В других культурах и языках локализация эмоций иная: в китайской картине мира эмоции локализируются в почках, в африканской – в печени и в носу, во французской – в селезенке. (Г.Н. Шушакова. Языковые средства выражения эмоций в удмуртском песенном фольклоре. Российское государство: Прошлое, настоящее, будущее: Материалы третьей научной конференции. Ижевск, 17 апреля, 1998. Ижевск: Издательство Международного Восточно-Европейского университета, 1998. С. 224–225).

В этом плане интерес вызывают сравнительные анализы образных парадигм разных народов. Например, почему русский народ глаза сравнивает с голубым небом, бездонным озером, черные блестящие глаза – с угольками, удмурты глаза сопоставляют с черной смородиной, татары – с черной черемухой или смородиной, горящие глаза – с жемчугом? Почему русские соловьям заливаются, а удмурты голосисты как жаворонки или соловьи? Почему русский образ мира связан с бесконечностью: «за далью даль» (А. Твардовский), «бесконечный простор» (Н. Гоголь), «путь-дорога от порога далека» и так далее, символическая же модель мира удмуртского народа связана с возвращением, с дорогой домой, к природе? «Гуртэ, мынам гуртэ, бадзым ик со öвöл» '«Деревенька моя, деревенька, небольшая совсем она» (Г. Корепанов-Камский), «Кюшкиськом, лэся, инкуазь дорысь, / Ум шöдйське мыдлань вамыштэммес» '«Уходим, видно, от природы, / Не замечаем, что неправильно шагнули»»; «Лучше всех дорог на свете та, что к дому привела» (Ф. Васильев) и другие.

Увидеть, понять и объяснить эти особенности в мировоззрении каждого народа, на наш взгляд, помогут сравнительные анализы словарей поэтических образов национальных художественных литератур. Подобного рода анализы и систематизация образной системы всей удмуртской художественной литературы позволит не только понимать какие-либо образы, поэзию, но и увидеть наш родной язык в максимальном богатстве его смыслов.

Роза КИРИЛЛОВА

кандидат филологических наук,
Ижевск

ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОКОВ О ТВОРЧЕСТВЕ НИНЫ ЯДНЕ

Произведения Нины Ядне автобиографичны, а ее художественный мир всегда географически локализован, но масштабы изображения увеличиваются за счет жизненного опыта, за счет умения выстраивать отношения между жителями тундры, рабочими и их руководителями.

Тундра для героев Нины Ядне – место, где начало и конец вселенной сходятся, где через мир природы и социально-общественную жизнь людей раскрывается нравственно-философская модель мира, воплощающая представление о предназначении человека, соотносимая с реальной действительностью.

Писатель обнаруживает, что мир севера с чумами, оленями, белыми ночами, бескрайними просторами стоит того, чтобы писать нем. Созданный ею в произведениях микрокосмос, является своего рода краеугольным камнем Вселенной.

Эта принципиальная особенность прозы Нины Николаевны – выражение ее мироощущения, которое определяет сознание мира в контексте бытия и стремление восстановить утраченную человеком целостность на новой основе – путем установления связи между нравственным сознанием личности, законами природы и жизни народа.

Действие в повестях, рассказах, эссе происходит в обычных тундровых поселках, чумах, на стойбищах оленеводов. Герои показаны, с одной стороны, в бытовых ситу-

ациях. Это рассказы из жизни «Встреча с медведем», «Легенды о фамилиях», в рассказе «Как живешь, тундровик?» автор ставит проблему экологии и выживания малочисленных народов Севера.

Хотя формально вся территория региона признана территорией компактного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов севера, она фактически не принадлежит им. При промышленной эксплуатации нефтегазовых месторождений уничтожается множество рек, выведено из оборота около семи миллионов гектаров оленьих пастбищ, загрязнены озера.

С другой стороны, ее рассказы сопряжены со временем – нынешним, прошлым и отчасти будущим. История, обычаи, традиции присутствуют в каждом рассказе и повести: «Ода ненецкому чуму», «Как раньше ненцы женились», «Гимн оленю», «Боги, духи и шаманы» и так далее. Автора интересуют герои ищущие, эволюционирующие, но при этом по-своему тонкие, соблюдающие и знающие свою культуру, древние обычаи и традиции.

В творчестве Ядне нашла отражение острейшая проблема конца XX – начала XXI веков: разрушение природы и нравственности под воздействием цивилизации. Нина Ядне – истинная дочь своего народа, чья многовековая история живет не только в вечных легендах и преданиях, но также в нравственном законе и обычаях,

упорно сохраняемых и в советское время.

Санька Салидер из рассказа «Мои славные предки» – талантливейший человек с уникальной памятью. Он прославился в Антипаютинской тундре как сказитель, как носитель древнейшей и редчайшей культуры народа, который не знал письменности, но хранил во все времена свои духовные ценности, передавал их из поколения в поколение. Долгими зимними вечерами или белыми ночами по весне жители тундры слушают сутками, а иногда и по три дня истории о многочисленных приключениях героев сказок и легенд из уст прославленного мастера, ненецкого самородка Саньки Салидера. «Если бы его в свое время отдали в школу-интернат как всех нас, – размышляет автор, – то бессмысленная муштра и казенная дисциплина в Саньке смогли бы растереть то, чем сегодня удивляет он все кочующее население и жителей поселка Антипаюта».

Автор пристально вглядывается в противоречия современного цивилизованного мира, часто прибегая к воспоминаниям персонажей о событиях прошлых лет, в жизнь детей тундровиков, их учебу в школе-интернате. Многие ее рассказы, повести и эссе, например, «Трамбусь потерялся», «Детские шалости» и другие посвящены судьбам простых детей селян или своим родным и близким. Герои подводят итоги, задаются вопросами, чем же была их жизнь в школах-интернатах, где детям-тундровикам не разрешали говорить на своем родном языке, носить национальные костюмы, обвиняют себя, общественную идеологию, ищут объяснение. Автор как бы лишь фиксирует их мысли и аргументы, еще раз подтверждая, что жизнь в тундре оказывается для их жителей намного богаче, чем все частные события, политические и социальные кодексы.

Автобиографическая повесть «Девочка из тундры» представляет собой воспоминание автора о событиях детства, которые излагаются от первого лица. Детский взгляд на мир является метафорой духовной чистоты, истинности восприятия жизни, Ощущение вечности жизни, свойственное детскому восприятию, позволяет писательнице излагать мысли открыто, эмоционально, проникновенно и с жизнеутверждающим пафосом. Проблематику рассказов Нины Ядне в значительной степени определили именно ее детские и юношеские годы, когда зарождались личностные, психологические проблемы, формировались нравственные и духовные принципы.

Рассказы Нины Ядне – беседа с незримым, но всегда предполагаемым слушателем,

к которому повествователь относится с легкой иронией, как, впрочем, к себе самой и всему миру. Лишенная догматизма и назидательности непринужденно-ироническая манера повествования является отличительной чертой прозы Нины Ядне.

Автор в своих рассказах разрабатывает мифологически-религиозную и философскую проблематику. В рассказе «Капкан» в центре внимания автора – сложные отношения молодого мужчины и зрелой женщины. Эта история с одной стороны драматична, с другой – романтична. Здесь остро ставится вопрос о смысле жизни, о соотношениях морали и нравственности, автор дает нам образы северных женщин – носительниц нравственных ценностей народа. Героиням – матери и дочери – присущи чувство ответственности за происходящее, чувство вины без вины, осознание своей слитности с миром как человеческим, так и природным.

Трудная судьба выпала на плечи северных женщин. «С детства помню, – вспоминает писательница, – как мама вставала раньше всех в стойбище. Она первой начинает разводить огонь в холодном чуме, ставит чай, разогревает застывший обед...».

Целыми днями женщины или девушки в твердом снегу с помощью лопаты и топора из ямы глубиной метра два или три вытаскивают прутья, чтоб развести огонь в чуме. В обязанности женщин также входит строительство чума, разборка его при кочевке: летом – через каждые три или четыре дня, в зимнее время – через каждые десять-двенадцать дней. Женщина – это душа тундры, душа жилища. На ней лежит ответственность за воспитание детей. В тундре все взаимосвязано. Трудно мужчине без женщины, но и женщине трудно без мужчины. О женщинах в тундре судят по тому, как одет ее муж, ее дети, как поставлен чум, о женщине судят и по тому, как ведут себя ее дети и внуки.

Нина Ядне подчеркивает, что корни искусства уходят глубоко в народную традицию. Она очень серьезно относится к легендам, преданиям, мифам, народным песням. С их помощью она раскрывает истоки своеобразного видения мира своего народа, черты национального характера. Проза Нины Ядне имеет и глубоко личностный характер, донося до каждого читателя подлинное ощущение Севера, понимание мира и его мировосприятие. Ее слово передает живое душевное движение и ощущение достоверности.

Фольклорная архаика в произведениях писательницы в полной мере сохраняет национальный колорит. Темы рассказов,

Саам, несущий русалочку. Художник Анатолий Сергиенко.

повестей связаны в основном с романтическим изображением явлений и персонажей родного края. Душа писательницы тянется к северной природе, где она находит созвучья своим настроениям и переживаниям. Обращение к теме природы, к теме своей «малой» родины закономерно: корни нравственной чистоты начинаются в родной земле.

Духовное богатство, по мнению Нины Ядне, определяется тем, как человек относится к окружающему миру и своему народу. Писательнице близки такие качества человека как духовное благородство, доброта, сердечность.

Родина писательницы – это река детства, это священные для каждого ненца родная тундра, небо, звери и птицы: «В краю тундры белым бисером звенит, кружит, хрустит снег, куда ни встанешь, слышен сонный шорох, лунный снег звенит, звезды на снегу блистают...». Писательница не скупится на выражение чувств любви к родной земле. Ее точные символы-сравнения, образность, связанная с живой природой, – одна из особенностей ее творчества. Читателю хорошо слышно трепетное звучание жизни Севера и человеческого сердца, растревоженного красотой.

Тема «малой» родины и историческо-

го пути народов Севера проходит красной нитью через все творчество ненецкой писательницы. Об этом – сюжеты рассказов «И родина молча лечила меня», «Мои славные предки», «Коротенькое, как северное лето, детство».

История судьбы отца и матери станут позднее одной из центральных тем ее прозаических произведений. Отец и мать Нины Ядне были неграмотными, но в семье всегда царили дружелюбие, спокойствие, достаток. Родители умело вели хозяйство. Ее мать была из тех ненецких женщин, слава о которой шла по всей тундре: непревзойденная мастерица по шитью мужской зимней одежды соок, которую надевают в зимние страшные морозы или в дальний путь. Женщины всего стой-

бища приходили смотреть, как ее умелые крепкие руки вырезали все новые и новые узоры. При этом она напевала мелодии про богатырей древнего рода, которые совершали подвиги во имя прекрасных женщин. Сотни видов орнаментов выкладывала, иногда изобретая свои.

Нину Ядне привлекли широкие возможности, открывающие горизонты познания жизни и воздействия на нее. Но воспоминания о родном доме остались в ее душе на всю жизнь. Поэтический взгляд на мир и определил своеобразие ее повестей, рассказов, эссе.

Повесть «Как живешь, тундровик?» – напряженное философское раздумье автора о жизни и человеке в современном мире. Глубина писательских размышлений о жизни позволяет причислить повесть к лирико-философскому жанру. Миф и реальность в повести, как и во всем творчестве Нины Ядне, неразрывно связаны.

Если определять характер творчества писательницы по какой-то одной особенности, то этой особенностью будет его обращенность к фольклорной традиции, причем эти знания глубинны и основательны.

Писательница внимательно исследует традиции, обряды, религиозно-философские представления своего народа о Земле-

Космосе. Умеющая пользоваться художественным словом, с малых лет впитавшая в себе удивительный мир народных сказаний, она продолжает традиции предков, умевших беречь природу, сохраняя гармонию жизни. Автор радостно и искренне выражает патриотические чувства, гражданскую позицию, раскрывает любовь к родному краю, народу. Для нее семья, дом, поселок, край, родина – неизбывные темы.

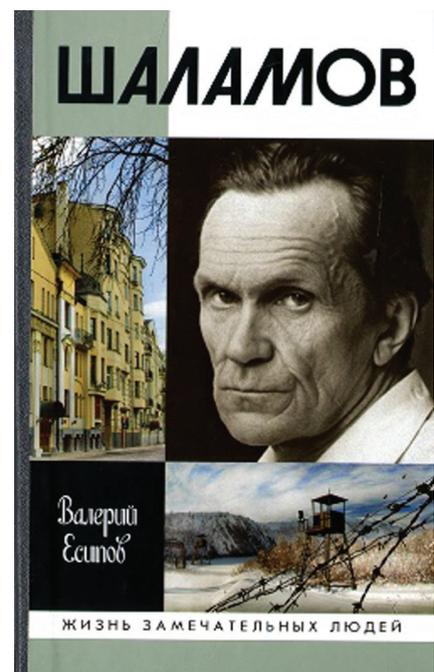
Нина Ядне поднимает проблемы не только традиционного уклада жизни коренных народов, но и изображает новый технократический мир, который сегодня пришел в тундру и повлиял на традиции, обычаи родного народа. Поэтизируя труд покорителей природы, она в то же время испытывает боль и тревогу за судьбу своего народа.

В ее повестях, рассказах органично вза-

имодействуют два начала: мифо-фольклорное и цивилизованное, что еще раз подчеркивает степень одаренности писательницы. Масштабность мышления писательницы видна в ее представлениях о жизни, об устройстве Вселенной. Нина Ядне чувствует ответственность за все, что происходит в мире. Она беспокоится, что общество находится в состоянии неравновесия и нестабильности, связанном с нарастающим прогрессом техники и цивилизацией. Создавая новые произведения, она верно служит выбранному пути; как носитель нравственных, гражданских идеалов прозаик Нина Ядне живет мечтой о светлом будущем. Такая философия заключается не в желании подчинить себе природу, а в желании сохранить ее для будущих поколений.

НОВЫЕ КНИГИ

Валерий Есипов. Шаламов. Серия «Жизнь замечательных людей». Москва: «Молодая гвардия», 2012. Литературный критик Ефим Гофман так отозвался о книге: «В сравнении со многими массивными томами ЖЗЛ книга вологодского историка Валерия Есипова о Варламе Шаламове, недавно вышедшая в той же серии, достаточно невелика по объему: всего 346 страниц. Как ни странно, такой подчеркнуто-аскетичный формат лишний раз свидетельствует о такте и чуткости автора книги по отношению к объекту своих многолетних серьезных исследований. Дело не только в том, что витиеватое пустословие на фоне страшной шаламовской биографии выглядело бы особенно кощунственным. Не менее важен и учет некоторых стилистических особенностей текстов Шаламова. Именно форма сжатого рассказа была для этого писателя оптимальным способом воплощения запредельно-чудовищного опыта пребывания в лагерях Колымы и вынесенной оттуда суровой правды о потенциале зла, таящегося в недрах людских душ, о психологических ресурсах, обеспечивающих возможность выживания в нечеловеческих лагерных условиях. Потому склонность Есипова к концентрированному изложению ценной информации на малом текстовом пространстве, к лаконизму в формулировках серьезных и острых концептуальных положений явно обусловлена благородным стремлением строить биографическое повествование в ключе, адекватном принципам шаламовской поэтики».

РЕЦЕНЗИИ

Тамара ПАНТЕЛЕЕВА

член Союза журналистов России,
кандидат филологических наук,
Ижевск

«Я ОПЬЯНЕН МОГУЩЕСТВОМ ЛЮБВИ...» О КНИГЕ СТИХОВ ВИКТОРА ЛЮБИМОВА

Я воспеваю жизни праздник,
Любви магическую власть...
Виктор Любимов

Имя Виктора Любимова как имя автора лирических стихотворений пока известно только узкому кругу друзей. Но после знакомства с его стихами возникает уверенность, что молодого, начинающего поэта будут читать и перечитывать. У него есть свой стиль, своя манера подачи лирического текста. Он своеобразен, это ощущается при первом же знакомстве с его поэзией.

Свою книгу стихотворений автор посвятил жене Ольге – она его муза, ей он безгранично благодарен за любовь, терпение и понимание. Это такое редкое явление в наш век практицизма, власти денег, глобального обвала совести, порядочности – в век нравственного кризиса. К счастью, мы обнаруживаем, что стихотворения Виктора Любимова – искра света в мире, где все покупается и все продается: у любви поэта нет кризиса. Его поэзия подкупает читателя искренностью, ясностью, прозрачностью и откровенностью чувств, не оставляя равнодушными многих и многих читателей, в том числе и меня. Чисто и звонко звучит благодарственное обращение молодого поэта к Создателю:

Я каждый день тебя молю:
Ты сохрани любовь такую.
Ее я, Господи, люблю,
И на руках ее ношу я.
(«Спасибо, Господи, за то...»)

И далее продолжает:

Люблю, люблю, неистово люблю
Твой дивный стан и трепетные руки.
О, Господи, я вновь тебя молю:
Не дай погибнуть от разлуки!

В то же время поэт понимает, что любовь должна быть земной, и трезво и мудро просит Господа уберечь его от неистовства в любви.

Не дай сгореть в горниле страсти,
В нечеловеческом безумии любви...

(«Люблю, люблю, неистово люблю...»)

Лирический герой молод, страсти переplяют его, но он так робок, что не готов признаться любимой. Он только украдкой поглядывает в ее сторону:

Я первый раз вот так смущаюсь
И мотыльком любви горю.

(«Признание»)

Лирический герой «опьянен могуществом любви», он видит в ней «источник высшей силы», любимая женщина для него – «богиня снов», «прекрасная фея», «идеал мечты»:

В глазах бездонной красоты
Я растворяюсь, меня нет!..
Слегка коснулась моих губ,
И я забыл весь мир, себя!..

Любовь изменила мир поэта, став смыслом существования:

Ты будоражишь мою кровь.
Ты потрясаешь до основ...
Хватило искорки любви,

Чтобы зажечь вселенной свет!..

И даже когда любимая уходит, безжалостно «выкинув из песни» лирического героя, он вновь и вновь признается ей в любви, благодаря жизнь за эту встречу:

И пусть мой путь не столь удачлив,
Я за тебя судьбу благодарю...

(«Нектар любви бежит по жилам...»)

Но ни размолвки, ни уход любимой не могут стать серьезной преградой для лирического героя. Влюбленный человек убежден: «Любовь помогает творить нам и верить»:

К тебе преграды я пройду,
Я все могу, я обещаю...

(«Я над землей к тебе лечу...»)

Стихотворения молодого автора написаны на одном дыхании, они идут от сердца, но автор слишком увлекается восклица-

тельными знаками. Есть стихотворения, в которых каждая строчка заканчивается восклицательным знаком, который не прибавляет поэтической строке ни дополнительной эмоции, ни дополнительного смысла. К сожалению, встречаются и тавтологические ошибки, в частности, в стихотворении «Спасибо, Господи, за то...» автор часто использует слово «такую». Следует уделять больше внимания ритму и рифме стихотворений.

Наши замечания не умаляют достоинств поэзии Виктора Любимова. Его стихотворения отличаются откровенностью чувств, и есть уверенность, что стихотворения молодого поэта расширят горизонты российской поэзии: в них много чистоты и искренности, открытости и исповедальности: «Какое счастье быть влюбленным...».

НОВЫЕ КНИГИ

Дина Сабитова. Три твоих имени. Москва: «Розовый жираф», 2012. Ее первая детская книга «Цирк в шкатулке» получила национальную премию «Заветная Мечта». «Сказки про Марту» она написала специально в помощь принимающим родителям и их детям в рамках проекта «К новой семье». В 2012 году Дина Сабитова вошла в «длинный список» номинантов на литературную премию имени Астрид Линдгрэн. «Три твоих имени» – пятая книга детской писательницы. Это история о девочке, потерявшей родителей и ставшей воспитанницей детского дома. В своем ЖЖ Дина Сабитова сообщает: «Я филолог и детский писатель. У меня трое детей и пять изданных книг. Один из моих детей – приемный ребенок. Я родилась и жила в Казани. Теперь я живу в Костарике, в провинции Гуанакасте. Мои дети учатся дома. У меня две собаки. Я коллекционирую тряпичных зайцев». «Розовый жираф» настоятельно рекомендует взрослым – родителям, учителям, библиотекарям – «разделить вместе с детьми этот опыт, пережить эту книгу вместе».

Александра ТАМБОВСКАЯ

член Союзов журналистов
и писателей России,
Липецк

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ОБРАЗОВАНЦЫ

Есть мнение, что интеллигенция – явление чисто русское. Мол, на Западе нет такого резкого расслоения людей на богатых и бедных, а стало быть – на образованных и необразованных. Позволим себе усомниться в этой логике: нет прямой связи между материальными преимуществами и умственными или духовными. И также нужно уточнить термины: кого следует считать интеллигентом, а кого – нет.

В пятом номере журнала «Новый мир» за 2000-й год Владимир Мау в своей статье «Интеллигенция, история и революция» пишет: «Существует три признака интеллигенции... Отношение к богатству, к истории и к государству. Во всех случаях эти отношения представляют собой смесь презрения, нетерпения и зависти. Особенно характерно это для интеллигенции французской и российской... Презрение к богатству – принципиальная особенность интеллигенции... И тогда надо признать обоснованность вопроса: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?».

Ну, во-первых, надо сразу заметить, что принципиально презрительным отношением к материальному благополучию не отличались ни Пушкин, ни Лермонтов, ни даже Лев Толстой. (А уж кого же тогда считать интеллигентами, если не их?). А во-вторых, в рассуждениях В. Мау сразу бросается в глаза подмена понятий. «Смесь презрения, нетерпения и зависти»

характерна вовсе не для интеллигенции, а для образованщины, то есть для людей грамотных, начитанных, но недостаточно духовных. Не следует называть интеллигентом ни того, кто печется прежде всего о себе, а все беды мира его волнуют мало, ни того, у кого слова расходятся с поступками. Писатели Александр Грин, Александр Беляев, поэт Николай Рубцов и другие таланты и гении (несть числа таковым) постоянно еле сводили концы с концами и вовсе не по той причине, которую декларирует В. Мау: не из-за недостатка умственных способностей. Просто так сложились их судьбы, и так поступило с ними несовершенное общество.

Далее В. Мау утверждает: «Презрение к богатству дополняется презрением к государству и его институтам... Интеллигенции, чтобы самореализоваться... надо иметь государство, которое она может обличать и ненавидеть. Но которое может ее, интеллигенцию, и защитить от необходимости работать в поле, накормить и обогреть... Удастся ли российской интеллигенции избавиться от комплекса мессианской роли, который является лишь обратной стороной униженности?...». Так и хочется спросить автора, работал ли он сам когда-нибудь в поле. И поинтересоваться, зачем ему понадобилось сослаться на свиноферму или на сенокос отца нашей космонавтики Сергея Павловича Королева, композитора

Петра Ильича Чайковского, художника Репина, балерину Уланову и так далее, и так далее. Почему следует запретить им зарабатывать на жизнь своими творческими способностями и приказать отправиться туда, где эти способности притупятся и угаснут? Уж не потому ли, что сам Владимир Мау страдает этим недугом зависти, корысти и презрения к государственной системе?.. Но только эти свойства характеризуют его не как интеллигента, а как самообразованца.

Где доказательства того, что вышеназванные лучшие представители нашей интеллигенции презирали свое государство или государство вообще?.. Презирая, трудно этому государству служить, а ведь Ломоносов, Белинский, Чаадаев, Державин, Блок, Гоголь, Лавренев, Замятин – служили. Старались сделать лучше государственную систему, воздействуя на нее словом и делом. От того, что презирают, просто отворачиваются. Они же не отвернулись... Вся эта банальная, надуманная проблема «гнилой интеллигенции» – злой миф образованцев. Уж очень хочется последним смешать черное и белое, чтобы самих никто «не отсортировал».

Также высосана из пальца тема противостояния интеллигенции и народа. Здесь надо уточнить, о какой «интеллигенции» идет речь. И о каком «народе». Только укорененность в народной «почве» питает творчество настоящего представителя творческой интеллигенции. Иного не дано. За что же тут народу не любить своего лучшего сына? И за что же интеллигенту презирать родной народ?

Интеллигент – это не болтливый бездельник и не витающий в облаках эстет, а человек, который больше, чем особь из средней массы, знает, понимает, чувствует и не может спокойно взирать на несправедливость, жестокость, беды, страдания, даже если все это происходит на другом континенте. Интеллигент способен подняться над мнением толпы и оставаться при своем мнении, даже когда ему это крайне невыгодно. Галилей был интеллигентом, пока утверждал, что Земля вертится. Интеллигентность его дала трещину, когда он отрекся от этих слов.

Присосавшаяся ныне к капиталистической системе российская творческая элита – вовсе не интеллигенция, она лишь хочет так называться. Ее дворцы и фонтаны на фоне уничтожения русских школ, библиотек, больниц, домов престарелых, сел и деревень, ее распродажи платьев «с барского плеча» и трусов с именованного зада – апофеоз цинизма и умственного отупения. Только наивные, неразвитые фанаты могут при-

ветствовать этот общественный позор. Можно ли представить Пушкина или Лермонтова на этом торжище? Конечно, нет.

Да, мы понимаем: светская «чернь», которую так не любил Пушкин, по-другому радоваться жизни не умеет. В душе она несчастна и одинока. Но в этом виновато не только общество. Прежде всего виноваты сами эти образованцы. «Одиночество начинается с лжи, – писал известный писатель и философ двадцатого века, лауреат Нобелевской премии Элиас Канетти в своей книге «Масса и власть». – Как возникает агрессивная толпа, превращающаяся в единое целое? От душевного одиночества. Трусость. Ложь. Отчуждение человека от его труда и результатов труда (узкая специализация). Корней нет, связи с землей, природой нет, каждый сам по себе. Но это – противоестественно, поэтому такие люди очень легко объединяются в толпу... Диалоги глухих. Никто не слышит душу другого. Ложь начинается с унижения. Унижение берет начало во власти: один человек приказывает другому, и послушаться нельзя. Одиночество порождает тягу к общности, толпе. А массовое сознание легко поддается манипуляции...».

И только истинный интеллигент в отличие от образованца способен избежать гипноза толпы – влияния партии, секты, криминальной структуры, митинга, фанатской тусовки. И никогда не отвернется от бед народных.

Из статьи Канетти «Призвание поэта»: «Моя тоска полна гневом. Я из тех писателей, которые негодуют... Будь я и в самом деле поэт, я должен был помешать войне... Это заблуждение, будто большой писатель может стоять выше своего времени. Он – пес своего времени. Но не раб. Он рвется с этой цепи».

В этих строках – портрет истинного интеллигента.

Почему же образованщина, не сумев дорасти до интеллигенции, останавливается в развитии и деградирует? Ответы можно найти в книге другого Нобелевского лауреата, одного из крупнейших мыслителей двадцатого столетия Альберта Швейцера «Культура и этика». В части первой «Распад и возрождение культуры» Швейцер пишет: «Способность человека быть носителем культуры (интеллигентом), понимать ее и действовать во имя ее зависит от того, в какой мере он является одновременно мыслящим и свободным существом... Психический тормоз – ограниченность людей. Это идет также от узкой специализации. Результаты великолепны. Но вера труженика в духовную значимость его труда подрыва-

ется... Несвободный, разобщенный, ограниченный современный человек одновременно находится под угрозой стать негуманным». Отсюда и является психология образованца – человека с упрощенным, поверхностным представлением о мире и о себе.

«Культура есть результат взаимодействия оптимистического мировоззрения и этики, – пишет далее Швейцер... – То, что обычно считается оптимизмом, – не более как естественная или приобретенная способность видеть вещи в розовом свете... Подлинный оптимизм состоит в стремлении к осознанному идеалу, который внушает нам глубокое и последовательное утверждение жизни и мира». То есть оптимизм интеллигента вовсе не розовый. Интеллигент не закрывает глаза на беды мира и на преступления власти. Но наплевательский скептицизм образованца ему не свойствен.

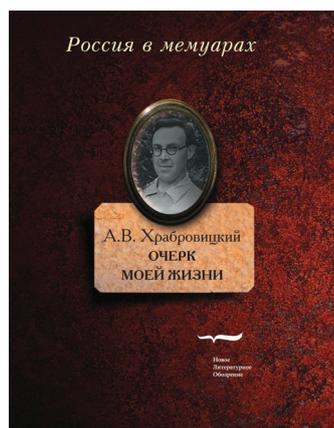
«Искренность самопожертвования» – вот что считал Александр Блок главным для всякого настоящего человека творчества, то есть для интеллигента. «Только то, что было исповедью писателя, только по созданию, в котором он сжег себя дотла... только оно может стать великим».

Современная русская образованщина, как и в прошлом веке, любит подражать. Прежде всего – западному миру, западным ценностям. Как мух на мед, ее влечет к буржуазной показухе. Как правило, бессознательно. Хотя наверняка эти люди читали статью «Йога и Запад» из сборника «Магический кристалл» Карла Юнга, который писал: «Западный человек не нуждается в большем господстве над природой, внеш-

ней или внутренней. Господство над обеими у него достигло чуть ли не дьявольского совершенства. Отсутствует ясное понимание собственной неполноценности по отношению к природе. Он должен понять, что не может делать все, что ему заблагорассудится. Если он этому не выучится, то будет сокрушен собственной природой. Он не ведает того, что против него самоубийственно восстает его собственная душа... Так как западный человек с легкостью обращает все в технику, то... все, имеющее видимость метода, для него опасно или бесполезно».

Человек художественного творчества обязан быть интеллигентом. В своей книге «Философия искусства» Ф. Шеллинг писал: «Непосредственная причина всякого искусства есть Бог... Только в Боге пребывают изначальные идеи. Искусство же есть изображение первообразов... Поэтому формы искусства... представляют собой формы вещей, каковы они в Боге или каковы они сами по себе... Все образы искусства, следовательно, прежде всего боги, действительны в силу того, что они возможны... Стихотворение вообще есть некоторое целое, содержащее в себе самое свое время и свою энергию... то есть нечто обособленное от языка в целом и замкнутое в себе самом».

Уже из этого видно, что психология творческой личности и результат творчества не находятся в прямой, линейной, прямо пропорциональной связи. Рождение произведения – это сложный процесс. Ясно лишь одно – чтобы создать в литературе или искусстве что-то значительное, недостаточно быть образованцем: надо быть интеллигентом.

А.В. Храбровицкий. Очерк моей жизни. Дневник. Встречи. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Александр Вениаминович Храбровицкий – известный российский литературовед, знаток биографии В.Г. Короленко. В книгу «Очерки моей жизни...» вошли его воспоминания, на страницах дневника нашел отражение непростой путь автора от проталинистских взглядов к противостоянию официальной идеологии. А.В. Храбровицкий в свое время помогал А.И. Солженицыну в работе над книгой «Архипелаг ГУЛАГ», поддерживал контакты с Р.А. Медведевым, П.Г. Григоренко. В книге рассказывается о многих видных политических деятелях и писателях: Л. Кагановиче, Н. Бухарине, И. Эренбурге, Б. Пастернаке, К. Чуковском, В. Катаеве, А. Солженицыне и многих других. Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии осуществлены российским историком и литератором А.П. Шикманом.

НОВЫЕ КНИГИ

ПУБЛИЦИСТИКА

Лев РОДНОВ

главный редактор
творческой экспериментальной
киностудии «Русская легенда»,
член редакционной коллегии
всероссийского литературного
журнала «День и Ночь»,
профессиональный журналист,
писатель, редактор,
Ижевск

ЗАПИСКИ СИРОТЫ

1

Я – дух Школы.

Когда-то давным-давно, еще в прошлом веке, меня вызвали к жизни удивительные люди. Они верили, что мир людей – это одна большая семья. Да, в мире были войны и ложь, несправедливость и смерть. Но в нем присутствовала и любовь. Она, как свет, покрывала собою все: и прекрасное, и ужасное. Люди хотели, чтобы прекрасного было больше, чем плохого. Чтобы живое и одушевленное превосходило мертвое и механистичное. И эти люди жили так сами, и очень хотели научить своих детей волшебной силе любви. Так появилась Школа. И в нее стали приходить разные люди, большие и маленькие, гости и друзья – они приходили сюда жить. Именно жить! Встречаться, думать, грустить и радоваться, рисковать, проигрывать и побеждать. Все вместе. А работа и учеба были гармоничной частью этой разнообразной жизни. Школа – удивительный оазис жизни в не очень-то дружелюбной и косной обстановке внешнего бытия. За это ее боготворили и превозносили. Возникла большая семья духовных и интеллектуальных родственников, для которых цель жизни – жизнь! Все этому учи-

Есть несколько знакомых мест,
Десяток, полтора – родства,
Пунктир, соединивший четки душ.
И – это все!

лись впервые. Именно этот путь – впервые! – сводил воедино не только время и думы многих, но и их сердца и души. Где, кроме открытой и дружной семьи, такое возможно? Дух Школы – не пустые слова И всякий, кто мог ощущать это общее счастье особого общего воздуха, говорил о себе: «Братство!».

2

Я – дух состоявшейся Школы.

Дети сдают экзамены перед *собственными* взрослыми. Взрослые сдают экзамены перед *собственными* детьми. В семье – все *собственное*! Однажды первенцы Школы выросли и ушли. Взрослым не перед кем стало сдавать свои «экзамены» – в Школу пришли *не собственные* дети. И тогда родители Школы стали для них добрыми отчимами и мачехами – они стали *иных* детей «учить братству». Только-то. Поэтому путь, на котором все случается *впервые*, стал для взрослых значительно уже и теснее, чем был раньше. Но они еще могли творить волшебство – открывать себя, открывая других. Взрослые чем-то напоминали *вчерашних* школьных «богов», которым теперь не хватало энергии, куража и азарта действовать в режиме непрерывного «сотворе-

ния мира», и они ушли в более спокойное существование – стали «чудотворными иконами» Школы. Несомненными Личностями. Которые могли блестяще *повторить* в настоящем то, что удавалось им раньше как открытие. Увы. Взрослые *впервые* забыли, что чудо – материя неповторимая. А память?! А опыт?! Что ж, память и педагогические опыты «мироточат» в ином времени, к сожалению, слишком уж обильно... Но это не приносит *иным детям* ни обновленной веры, ни небывалой практики.

3

Я – мертвый дух процветающей Школы. Да, процветающей. Цветение ради цветения. Конкретное умение «подавать себя» опередило маловразумительное «умение быть собой». Что ж, показуха гордится своими «показателями» – лучшими из лучших в мире пиара, которому отдан талант современников. «Не строим, а встраиваемся!» – хором кричат сегодня уцелевшие «чудотворные иконы», бывшие личности Школы. Это – их поражение. Капитуляция перед обстоятельствами и предательство перед собой. Победивший мир «по умолчанию» считается, таким образом, готовой, до конца абсолютной конструкцией, которая позволяет приблизиться к ее благам единственно доступным путем – путем служения. Путем «получения» бытия, а не путем собственного «вклада» в него. Жить и служить отныне – не одно и то же. Законы служения всем известны. Они некрасивые. С некой отстраненной точки зрения образование типа «уметь встроиться в жизнь» – это, пожалуй, пустоцвет. У не умеющих «делать себя во имя делания жизни» плодов, скорее всего, не будет. Будут лишь личные «результаты», которые общество немедленно выбросит на свалку, как только «результатирующий» придет к своему финишу – умрет или перестанет крутить свое беличье колесо.

Механизмам атмосфера не нужна. Семейная атмосфера Школы потеряна. Процесс образования победил жизнь. Сегодня она, жизнь, существует здесь «катакомбным» способом, скорее, вопреки нынешним приоритетам и модам, чем благодаря им. Родители Школы давно пережили притворство внутри себя – роль любящих мачех и отчимов для двух-трех новых поколений учащихся. Было пережито и притворство внешнее: «Мы растем вместе с вами!». Родители Школы, потеряв свою внутреннюю энергию, стали старыми и недееспособными в мире *собственных* идей и поступков. Их небесная импотенция и бесплодность компенсировались просто: бессовестным и откровенно эгоистичным служением са-

мим себе. Для себя. Во имя себя. Эксплуатацией Школы для себя. Отныне эгоизм вещественности и тщеславия повел за собой взрослых и, что хуже всего, – малых. А где же высокие идеалы? Ха-ха! Играющий в жизнь старик обольщается тем, что он все еще помнит, как жил играючи... Где идеалы, говорите? Где высшая любовь? Где братство? Где то, чем питается и дышит трепетная душа? В гробу, господа! Нет больше ни родителей Школы, ни мачех, ни даже отдаленно сочувствующих тому идеальному времени... Есть только Главный и его новые принципы: все теперь друг друга «используют». Дьявольская механическая симбиотичность «все со всем» удобна Школе для такого же сегодняшнего окружения, а потому не замечается. Ибо – норма. Паразитарность в сочетании с талантом порождает интеллектуальных и духовных хищников. Социальных киборгов. Охотно пользующихся атмосферой жизни, но не умеющих ее вырабатывать. Зато умеющих вырабатывать «механизмы и схемы» для достижения *своего* результата. Так же действуют бактерии-разрушители. Деструктивная жизнь столь же очаровательно иерархична и сложна, сколь и восходящая эволюция. Главный, используя использующих, дает, конечно, использовать и себя. Но не во благо Школы (хоть это и декларируется). А себя и Школу – во благо превосходящего *своего* иерарха. Ну-ну. Кто-то всегда пышно процветает на гниющем. Парадокс: чтобы расти, приходится гнить самому... И чем плодороднее «гумус» прошлых достижений, тем легче сорняк побеждает культурное семя. Что же стоит между диким и культурным? Что отделяет одно от другого и не позволяет «переопыляться» человеческому с нечеловеческим? Как называется эта сила? Что за труд она совершает? Имя известно – это Его Величество Воспитание. С той поры, как родители Школы умерли, между образованием и воспитанием стал возникать самоубийственный знак равенства. Да, «все со всем» теперь смешивается как синтетическое чудо. Но «все со всем» теперь чужое и холодное, как частицы единого некогда тела после смерти его.

Дьявол – гений бизнеса. Бог – гений воспитания. То, что способно беспредельно ускоряться, может быть сдержано от слепоты и саморазрушения. Бог и дьявол – старые друзья человека. Враг у человека один – он сам.

Образование стало выгодным бизнесом. Образование вполне удовлетворяет не какое-то *высшее* воспитание, а просто «выгодная» для дела воспитанность – нормы внешнего поведения, не являющиеся

прямым продолжением норм внутренних. Итак. Воспитанность – элемент бизнеса. Воспитание – качественная сущность Личности. Воспитанность легко понимается и так же легко копируется. Воспитание не копируемо. Воспитанность практически бездушна. Воспитание и воспитанность в сегодняшнем мире – антагонисты. Воспитанные в «воспитании» страдают от воспитанных в «воспитанности».

Родители Школы умерли в самих себе. Они больше не страдают от осознания предательства.

До какого-то времени традиционная «училка» в Школе была невозможна. Теперь это возможно. Училка не идет в Школу жить *свою личную жизнь внутри общественной жизни*. Нет. Жизнь в жизнь здесь больше не вкладывается. Традиция изменилась в угоду времени. Главный держит курс по главному для него конъюнктурному «ветру» и, собственно, давно уже не интересуется жизнью «кочегаров» и «пассажиров» своего корабля. Они теперь – не его сказка. Они – только присказка. Не прибывает ничем и никем неформальная легенда Школы. Училкам все равно. Училка оставляет «все личное» при себе и переступает порог заведения без каких-либо высших чувств – просто идет служить. Как все. Конторе нужны конторщики. Высшие чувства в низком мире неуместны. «Здравствуйте!» – говорит училка, и сквозь ее светозарную улыбку просвечивает страх. «Да пребудет так», – говорит она, неискренне поклоняясь одряхлевшим здешним педагогическим «иконам», что милостиво взяли ее к себе в эпоху кризиса и безработицы. Страх – грубая эмоциональная сила.... А что? Тепленькое местечко! Не такое, как у других. Надо за него держаться... А «не такое» ли? В том-то и суть, что бездушность равняет всех, действительно, как могила. Такое это место теперь. Такое! Даже дожившие до почетных званий и степеней рептилии, инновационные троглодиты и остепененные динозавры, что были когда-то создателями и душой Школы, – эти «иконы» сегодня тоже приняли «неизбежное»: сами стали обыкновенными «училками»... Рангом повыше, рангом пониже – не в том суть. Они понимают это. Но стараются об этом не вспоминать. Зачем? До пенсии уже недалеко.

Самообман взрослых в Школе хуже обмана. Дети усвоят то же. Неправда внутреннего мира, не-семейность функциональных отношений, прикрытых знаменем недешевого «великого образовательного похода», оглушенная бравадным маршем «образовательных программ и методик», – эта неправда позволяет душе полуспать, а

разуму осваивать амплуа цивилизованного ловкача. Оскорбления, драки, воровство в Школе теперь не имеют огласки. А зачем? Не семья ведь. Система.

Обманывать себя – это одно удовольствие. А обманывать других – другое. (Если, конечно, ты и другие – это не одно и то же, как во времена романтизма Школы). Взрослые работники и хозяева Школы обманывают себя вдохновенно: «Да, мы по-прежнему вкладываем в детей свою жизнь». Ложь! Творчески и энергетически они давно бескровны, как вампиры, и их дальнейшее существование зависит от удачной охоты. Состарившееся и ослабевшие, они «питаются» детьми, в моральном реванше беря с нового поколения «мзду» за свою героическую израсходованность в прошлом. Уже нет вневозрастной дружбы. Нет общего дома – Школы. Нет атмосферы. Есть лишь «образовательное учреждение». Родителей (и их кошельки тоже) обманывают «подсадной уткой» из прошлого: «Ищите человеческую атмосферу в нечеловеческом мире? К нам! К нам! У нас есть чем дышать!». В реальности за обман приходится расплачиваться и детям. Здесь воровство. Здесь надменность. Здесь тщеславие. Здесь жестокость. Здесь равнодушие. Здесь заносчивость. Здесь обида. Здесь порок. Здесь молчание. Хочешь?

Опомнившиеся забирают детей и уводят вон. У новых школ, к счастью, нет своего «канонического прошлого», которое в условиях тотального стремления к «выгодному месту» может оказаться не хуже трупного яда на раскрашенном подсадном манекене. Уж лучше так. Реальная дисциплина все-таки ближе к живому воспитанию, чем ее имитационная сестричка – показная воспитанность. Дисциплина пряма и однозначна. Прагматик не ведет свою родословную от святого обмана – от какого-нибудь высокого бывшего своего «братства». Как в унылой религии. Сильный прагматик, скорее, стремится к этому братству сам. И, скорее всего, достигнет желаемого в настоящем, а не в «уверованном» пространстве чьей-то уже полностью выдохшейся жизни.

Несколько поколений своих выпускников Школа создала «на раскоряку», подвесив их мировосприятие между небом и землей. Нынешние – все на земле.

Ах, Школа! «Члены семьи» здесь превращены в «участников образовательного процесса». Не хочешь – не участвуй. Никто и не вспомнит про тебя, если что.

Где, в чем выход? Старая кровь не станет новой сама по себе. *Собственную* нынешнюю Школу никто не отдаст в молодые руки. Это же *личный* теперь бизнес! Не за-

бывайте! Не для того душа «богов» горбатилась когда-то. Но нужен, нужен Ренессанс! Иначе... А вот и малыши! Первый класс, второй, третий... Ах, как мило! Ах, все с начала! У бабушек-педагогов и дедушек-администраторов уже не осталось своей собственной творческой и иной жизни. Ничего! Они будут жить малышами! Жить ими и за счет них! Держитесь, малыши! Так трудно здесь еще никому не было!

4

Я – мертвый дух мертвой Школы.

Главный вообразил себя светлым. На него все обязаны смотреть и просветляться. Однако никто не слепнет от его сияния. Все лишь украдкой отворачиваются. Просветленным в одиночку не станешь. «Разве?!» – издевательски удивляется Главный.

Братство Школы переродилось в стаю. Высшая «валюта» воспитания – Личность – назначена вспомогательной монеткой на ярмарке тщеславия. За уроки внутреннего мира обезличенный мир «конкретной выгоды» учителям любви не платит. Под крышей Школы еще существуют редкие исключения. Они стары, но они – дети. Морщинистые реликты, хранящие юную атмосферу юной Школы жизни внутри себя. Это – бесплатный их труд. А теперь – и бессмысленный. Все теперь по-другому! Каждый участник стаи смотрит на вожака и примеряет на себя его или подобное ему место. Это – предел, за который душа, больная расчетом, никогда не поднимется.

*Этот Свет, Россия,
N-й год от кончины духа Школы.*

НОВЫЕ КНИГИ

Александр Кан. Курехин. Шкипер о капитане. Москва, Амфора, 2012. Автор книги «Пока не начался jazz» Александр Кан написал новую работу. Она – об одном из самых значительных русских музыкантах трех последних десятилетий Сергее Курехине. Вот что рассказал о работе над новой книгой автор – музыкальный журналист и радиоведущий, работающий сейчас на ВВС: «Почему сейчас обострился интерес к Курехину – это сложный вопрос, коротко не ответить. Есть ли этот интерес просто у людей, особенно у тех, кто вырос уже, к сожалению, «после Курехина»? Я не знаю. Но точно есть какое-то важное музыкальное, не знаю, эстетическое движение вокруг его имени. За прошедшие с его смерти шестнадцать лет возник и утвердился фестиваль SKIF в Петербурге, там же действует и Центр современного искусства имени Курехина, который присуждает ежегодную Премию Курехина в различных областях современного искусства. Переиздаются старые записи, Андрей Гаврилов и Лео Фейгин находят и издают какие-то раритетные записи. Раз все это делается, значит, потребность в Курехине есть».

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий ПАВЛИХИН

доктор технических наук,
профессор МГТУ имени Баумана,
Москва

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

В декабре 1991 года бывшая великая держава Советский Союз прекратила свое существование и распалась на двенадцать государств (три прибалтийские республики вышли из СССР несколько ранее). Первые несколько месяцев многие жители бывшего Советского Союза всячески охаивали свою канувшую в Лету страну. Конечно, на это были причины, но было упоение, как многим казалось, свободой.

Прошли годы. На экранах телевизоров, в газетах и журналах появилось много произведений скандально-насильственного характера, и практически исчезли кинофильмы и книги о жизни в Советском Союзе. Исчезли, как будто и не было этой страны. Но так не должно быть. В жизни людей в Советском Союзе было немало негативных моментов, но было и много хорошего. Поколение россиян, родившееся после 1991 года, практически ничего не знает о сорокалетнем прошлом нашей страны. А забвение своей истории означает, что страна не имеет перспектив в будущем.

Автор на примере главного героя, прошедшего путь от рабочего до профессора, попытался показать основные моменты жизни в СССР не только за последние пятьдесят лет его существования, но и в последующем в России.

* * *

– Сергей, надо же – у нас в один день родились сыновья. У тебя это третий ребенок, у меня первый. Я хочу, чтобы отныне мы были бы как родственники, а наши сыновья – как братья. Что бы с тобой ни происходило в дальнейшей жизни, я всегда тебе помогу. Надеюсь, что и наши сыновья – твой Иван и мой Константин – в будущем станут друзьями на всю свою жизнь.

Примерно такой разговор происходил между соседями по лестничной площадке Сергеем Кормилициным и Львом Павловым солнечным утром 10 июня 1941 года. В этот радостный для них обоих день они и представить себе не могли, насколько поразному сложатся их судьбы и как резко будут отличаться жизненные пути их только что родившихся сыновей.

Через несколько дней Сергей встречал свою жену Анастасию на выходе из родильного дома. Как любой мужчина, он был необыкновенно рад рождению сына. У него уже были две дочери, а теперь наконец-то в доме появится второй мужчина. Целуя жену и принимая из ее рук новорожденного, Сергей неожиданно для себя сказал:

– Мне кажется, Настя, что этот мальчик будет главной нашей надеждой и опорой в будущем...

Через три дня после рождения сына Сергея пригласили в соседний город на завод

металлоконструкций, который только что открылся. Завод изготавливал опоры линий электропередач, опорные и несущие металлические конструкции зданий, различного рода подъемные краны, арматуру и многое другое. Высококвалифицированный электросварщик, он с удовольствием принял это предложение: основной технологией на новом заводе была электросварка. В то время в нашей стране этот способ соединения металлов находил широкое применение. Сергей Григорьевич верил, что эта технология в дальнейшем будет непрерывно совершенствоваться и применяться в самых различных отраслях промышленности, и понимал, что его рабочая профессия будет всегда востребованной. А ведь не секрет, что для мужчины очень важно чувствовать перспективу профессии. Как раз это и является причиной уверенности в жизни всей его семьи.

Через несколько дней молодая семья переехала к теще в деревню рядом с только что открывшимся заводом, и Сергей сразу же приступил к работе. Надо было привыкать и к новому месту проживания, и к роли молодого родителя, и к новому предприятию, и к новым коллегам. В России всегда было принято оценивать мужчину по его квалификации. Сергей Григорьевич – высококлассный сварщик – сразу же был признан коллективом и как мастер, и как человек, увлеченный своей работой.

В воскресенье 22 июня 1941 года Сергей с утра занялся заготовкой дров на зиму. В этот теплый солнечный день его дочка двух и трех лет гуляла с бабушкой, а жена была возле малыша. Погода стояла прекрасная, и Сергей рассчитывал проработать весь день. В деревне лишь в нескольких домах были радиорепродукторы, именно эти семьи первыми узнали о нападении Германии на Советский Союз. В выступлении Председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотова говорилось, что началась война, об угрозе которой писали в течение нескольких лет советские газеты, при этом всегда предвещая скорую победу Советского Союза над любым противником.

Увлеченный колкой дров Сергей неожиданно услышал громкие причитания и плач деревенских женщин. Именно так на Руси издавна оплакивали смерть близких людей или другое большое горе.

В этот день все разговоры родных и знакомых были только о войне. Некоторые вспоминали Первую мировую, войну с японцами. Но никто и представить не мог, что кровопролитная война вот уже несколько часов ведется на территории Советского Союза, что германские войска вторглись в

несколько приграничных областей нашей страны и с боями быстро продвигаются на восток, что уже есть сотни убитых советских солдат и офицеров, тысячи раненых, первые военнопленные... В последние несколько лет в стране была популярной песня с такими словами: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим...».

В выступлениях наших военных до 1941 года звучало утверждение, что Красная Армия будет громить любого врага на его территории. На учениях, как правило, отработывались только наступательные операции, организации оборонительных боев уделялось меньше внимания. Теперь практически необученные войска вынуждены были вести оборонительные действия на большой протяженности западной границы страны. Но даже через неделю после начала Великой Отечественной большинство людей, проживающих в центре страны и в восточной ее части, верили, что через несколько дней германские войска будут позорно выдворены с территории Родины.

Сергей несколько раз обсуждал со своими коллегами скупые по содержанию официальные сводки с фронтов. Участники таких дискуссий дружно утверждали, что отступление Красной Армии на Восток является стратегически запланированным маневром, и в самые ближайшие дни германские войска будут с позором отброшены за пределы страны.

Сергей как высококвалифицированный электросварщик получил бронь – освобождение от призыва в действующую армию. На заводе заметно прибавилось работы в основном за счет военных заказов, и ему приходилось работать по десять-двенадцать часов. В редкие перерывы для курения рабочие подшучивали, что пора бросать эту вредную привычку, чтобы не тратить времени на перекуры: нагрузка была невероятной, но в таком режиме в то время работала огромная часть населения Советского Союза.

Военные сводки с фронтов были скудными. Большинству населения трудно было представить реальную картину наступления германских войск, которые продвинулись уже на достаточно большое расстояние от границы, захватив при этом большое количество пленных солдат, офицеров, советской военной техники. В соответствии с данными Совинформбюро многие считали, что существует вероятность захвата немцами города, расположенного на юге Московской области, в котором работал Сергей. В августе он отвез жену с детьми к своей маме в село, расположенное в тридцати километрах южнее. Поезд, в котором Сергей возвращался

ся домой, попал под бомбежку вражеской авиации. Прямое попадание авиационной бомбы в вагон уничтожило все его документы. Он успел выпрыгнуть. Позже Сергей вспоминал: сразу же после начала бомбежки почти все пассажиры впали в тяжелейшую панику и даже после бомбардировки плохо соображали, что с ними происходит, и не могли оказать первую помощь многочисленным пострадавшим.

Добравшись до города, Сергей пошел в военкомат, и через несколько дней был призван на фронт. Он был зачислен в артиллерийскую батарею заряжающим. Через день батарея приняла боевое крещение в боях на подступах к Москве. Бои были упорными, советские войска несли тяжелые потери. Это объяснялось многими причинами, в первую очередь, – отсутствием современных по тому времени артиллерийских систем, нехваткой снарядов, личного оружия и недостаточной профессиональной подготовкой большинства солдат и офицеров.

В первом же бою Сергей увидел абсолютную профессиональную непригодность командира своего взвода, пожилого лейтенанта. Через два дня тот был ранен, и на его место прислали молодого лейтенанта, великолепно подготовленного к условиям проведения боев как при отступлении, так и в атаке. Тот сразу же завоевал уважение солдат и сержантов взвода, и это значительно подняло их моральный настрой. Но, к сожалению, таких офицеров в то время было мало, сказались последствия «чистки» офицерского состава, которая проводилась в широких масштабах в период 1937-1941 годов, а также сложившейся «наступательной идеологии», внедряемой в Красной Армии.

Война для артиллеристов оказалась изнурительной ежедневной физической работой: надо было перетаскивать тяжелые гаубицы и снаряды на новую огневую позицию в большинстве случаев вручную, выкапывать артиллерийские окопы и окопы для наблюдателей, подносить снаряды. Часто в течение дня приходилось менять огневую позицию и вновь заниматься земляными работами. Войска несли тяжелые потери. Бывали случаи, когда за получением ужина выстаивалась очередь в два-три раза короче, чем за завтраком.

Спустя несколько недель в одном из боев Сергей был ранен в голову и в бессознательном состоянии попал в плен. В первые месяцы войны в плен попадало немало советских солдат, офицеров и даже генералов. В то время немцы охраняли русских пленников без присущего им педантизма и суровости. Немало советских военнопленных бежало, что заставило немецкое ко-

мандование уже в октябре 1941 года существенно ужесточить режим пребывания советских солдат и офицеров в плену. Сергей был молод и здоров, уже через неделю он почувствовал в себе достаточно сил, чтобы бежать. Ему удалось добраться до дома. Там он узнал, что село, в котором остались его жена и дети, оккупировано германскими войсками: не было никакой возможности навестить их.

В октябре 1941 года Сергей вновь оказался в действующей армии. По прибытии в часть командир взвода – сравнительно молодой лейтенант – полистал его документы и неожиданно спросил Сергея: «И не стыдно было тебе попасть в плен?». Сергей ответил лейтенанту, что в плен он попал без сознания и не мог покончить с собой.

Шли напряженные, кровопролитные бои. Но с каждым месяцем нарабатывался солдатский опыт. Именно этот опыт помогал Сергею до поры до времени отделяться легкими ранениями.

В начале 1942 года, когда германские войска по всему фронту стали отступать из прилегающих к Москве районов, для советских солдат наступило заметное облегчение: практически прекратились авиационные бомбежки и непрерывные арт-обстрелы. Появилось больше времени для изучения поступающих образцов современной артиллерийской техники, для личных контактов солдат и офицеров. В ходе ожесточенных боев в последние месяцы 1941 года советские солдаты и офицеры мало знали друг о друге: имели место большие потери, и многие новобранцы уходили в бой, ничего не зная друг о друге. Поэтому в первые несколько месяцев 1942 года, когда германские войска после длительных отступлений приходили в себя, в Красной Армии заметно повысился и моральный, и боевой дух. К тому же, практически была завершена эвакуация оборонных заводов из западных регионов страны в восточные, и в войска стала поступать новейшая боевая техника. Самое главное – теперь оружие поступало в достаточном количестве. Немногие оставшиеся в живых участники обороны Москвы осени 1941 года помнили о крайней нехватке личного оружия, танков, артиллерийских орудий, самолетов в наших войсках особенно в сентябре и октябре. Кроме того, в частях стали появляться сравнительно молодые офицеры с опытом боев, знающие новые системы вооружения. Как правило, они пользовались заслуженным авторитетом у солдат и сержантов. Именно эти офицеры начали «проводить в жизнь» тактику, обеспечившую, в конце концов, нашу будущую победу.

Но до победы было еще далеко. В июне 1942 года дивизия, в которой служил Сергей, попала в окружение. Солдаты и офицеры отчаянно сражались в течение трех недель, но прорвать окружение не удавалось. В одном из боев Сергей вновь был ранен и попал в плен. Его вместе с несколькими сотнями пленных советских солдат и офицеров увезли в Западную Германию, где он до окончания войны работал на заводе.

Пленение советских солдат и офицеров началось практически в первый день войны. Под руководством «мудрого» Сталина страна оказалась не готовой к войне. Родным и близким попавших в плен ничего не сообщали об их судьбе, как будто ни они, ни их родные и близкие не были советскими людьми. Только спустя несколько десятилетий после окончания Великой Отечественной советские органы репатриации сообщили, что ими было учтено более двух миллионов советских военнопленных, из которых около одного миллиона восьмисот тысяч были репатриированы на родину.

Далеко не все тела героически погибших солдат и офицеров были достойно захоронены. Поэтому до сих пор продолжаются их поиски и торжественное погребение. Хотя процедура похорон является одним из неприменных элементов войны и практически во всех странах мира выполняется на протяжении вот уже нескольких столетий специальными воинскими подразделениями, как это было и в России до 1917 года.

Как и для многих женщин страны, это было тяжелое время для жены Сергея. Она возвратилась вместе с детьми к своей маме и в течение трех лет не имела никаких сведений о муже. Надо было на что-то жить, и она пошла работать, оставляя детей с бабушкой. Большинство знакомых ей искренне сочувствовали, но были и такие, кто не стеснялся намекать о возможной измене Родине ее мужа. Анастасия мужественно переживала невзгоды, характерные для многих советских семей в то время. Небольшой ее зарплаты не хватало на четверых, и она вынуждена была продавать свои и мужнины вещи. На рынках в то время можно было купить практически все. Заниматься продажами были вынуждены те, чьи родственники воевали на фронтах Великой Отечественной или уже сложили свои головы в боях за Родину. Именно тогда появилась пословица: «Кому война, а кому мать родна».

В апреле 1945 года Сергей вместе с большим количеством советских солдат был освобожден американскими войсками из германского плена, их передали представителям советской армии. По принятому

тогда порядку таких солдат и офицеров размещали на территории европейской части нашей страны в специальных фильтрационных лагерях, в которых проводили тщательную проверку условий их пленения и поведения в плену. Тех, кто не был заподозрен в измене или содействии германской армии, отпускали домой, остальных передавали в военные судебные органы. Причем судили всех по одной и той же статье уголовного кодекса «измена родине», печально известной всему народу как статья № 58. Как правило, осужденные отбывали наказание в специальных лагерях в Сибири и на северных территориях страны. По принятому тогда положению эти люди после отбытия наказания должны были прожить в регионе – месте заключения – от пяти до десяти лет и только тогда имели право на возвращение домой.

Сергей сравнительно быстро прошел проверку в одном из лагерей Смоленской области, через три месяца его отпустили домой. В августе 1945 года он вернулся в свой город. Это казалось чудом, ведь в течение более трех лет родственники не имели никаких сведений о его судьбе. Особенно тяжело пришлось его жене Анастасии, на руках которой было трое малолетних детей. Один из ее братьев, капитан советской армии, погиб в апреле 1945-го, второй пропал без вести еще в 1943 году.

Спустя годы Иван рассказывал, что он помнит свою жизнь, начиная с 9 мая 1945 года. В этот день он был у бабушки в соседней деревне. Бабушка куда-то ушла. Оставшись в избе один, Иван вдруг увидел в окно, как из всех домов выходят люди. Одни улыбались и что-то радостно кричали, другие навзрыд плакали. Спустя несколько минут в дом вернулась заплаканная бабушка и сказала, что сегодня закончилась война и, может быть, станет известна судьба отца Ивана.

Все лето семья ожидала известий о судьбе Сергея, когда, наконец, в конце августа он появился сам. Иван шел по узкой деревенской тропке и увидел шедшего навстречу мужчину. Он посторонился, чтобы его пропустить, однако мужчина попросил его назвать свое имя, а затем, взяв его на руки, сказал: «Иван, я твой отец. Отныне я всегда буду с тобой». Так в четыре с небольшим года Иван впервые очутился на руках отца.

Итак, семья наконец-то воссоединилась, и Сергей решил, что самое плохое в его жизни осталось позади. Однако он ошибался и ошибку свою понял очень скоро.

Через два дня после возвращения Сергей пошел работать электросварщиком на завод, с которого ушел на фронт. В ближай-

шее воскресенье он отправился в соседний город навестить своего бывшего соседа и, как ему казалось, друга Льва Павлова. Четыре года назад они вместе праздновали рождение своих сыновей и обещали в дальнейшем всегда помогать друг другу. Однако прием оказался далеко не таким, какого ждал Сергей. Открыв дверь квартиры, Лев тщательно осмотрелся по сторонам и только после этого впустил Сергея, пригласив на кухню. Не предложив гостю ни перекутить с дороги, ни выпить чаю, хозяин стал рассказывать о том, что он на хорошем счету у начальства, что его даже взяли в эвакуацию, что общение с человеком, длительное время находившимся в германском плену, не может украсить его моральный облик. И добавил при этом, что ему надо делать карьеру и планировать безупречное будущее своего сына. Вместо ответа Сергей вышел из квартиры, не попрощавшись с «показательным» бывшим товарищем, четыре года назад клятвенно заверявшим его в своей дружбе на всю жизнь. Это был далеко не единичный случай, ведь истинная сущность человека проявляется именно во времена великих потрясений, коим и была только что закончившаяся война.

Выйдя на улицу, Сергей долго раздумывал, как же дальше жить. Ответ нашелся быстро: у него трое детей, и надо много работать, чтобы их обеспечить, надо заниматься их воспитанием, чтобы они могли чего-то добиться в жизни. Это и будет отвлекать от неприятных воспоминаний.

Обладая высокой профессиональной квалификацией, Сергей много и успешно работал и довольно быстро завоевал уважение рабочих и руководства завода. Вскоре после его возвращения домой коллеги по работе стали называть Сергея по отчеству. В те годы руководство посещало цеха и знало большинство мастеров и рабочих. Руководители регулярно беседовали с ними, и в ряде случаев это помогало при принятии решений: они знали мнение рабочих по большинству производственных проблем и всегда сопоставляли его со своим представлением о конкретной проблеме. Рабочие, в свою очередь, знали о планах развития предприятия, а это всегда шло на пользу общему делу.

Дети подрастали и требовали постоянного внимания, поэтому у Сергея Григорьевича практически не оставалось времени для тяжелых воспоминаний. Однако они всегда приходили по праздникам, особенно Первого мая и в день Победы. В эти дни мужчины надевали свои награды, и родные, знакомые и даже незнакомые люди с уважением их разглядывали. У Сергея

подрастал сын, который иногда спрашивал отца: «Папа, а почему у тебя нет наград?..».

В 1946 году в городе, где проживал Сергей со своей семьей, работали пленные германские солдаты и офицеры. Даже маленький Иван понимал, что их используют в основном на земляных и строительных работах. Проходя мимо них, он каждый раз слышал робкие просьбы дать хлеба или покурить. При этом никто из жителей города не проявлял к военнопленным ненависти или злобы.

Страна постепенно восставала из руин. Ее граждане активно работали, но именно в эти годы появились люди, которые сожалели о своей жизни в стране «строящегося социализма». Советские солдаты и офицеры, прошедшие с боями Польшу, Венгрию, Чехословакию и Германию, воочию убедились в более высоком уровне и качестве жизни в этих странах. И в городах и деревнях этих стран они видели добротные дома, о которых на родине им приходилось только мечтать, великолепно отлаженную систему обеспечения продовольственными и промышленными товарами высокого качества. Дома они об этом практически не говорили, опасаясь быть осужденными по пресловутой 58-ой статье.

Дети слышали разговоры взрослых и могли оценить, с чем возвратился с войны ее участник. Известно, что победители всегда привозят домой военные трофеи. Не были исключением советские солдаты и офицеры. Каждый из них, закончивший войну в одной из европейских стран, имел право увезти домой товары и продукты весом, кажется, четыре килограмма. Как правило, участники войны были молодыми людьми, не имеющими семейного опыта, не видевшими многого у себя дома. В большинстве случаев они везли домой сувениры для родных и знакомых. Но бывали и исключения. Родственник одного из друзей Ивана привез из Германии несколько сот патефонных игл. В Советском Союзе можно было купить патефон, но срок эксплуатации патефонных игл был небольшим, а купить их было трудно. В течение нескольких лет предприимчивый боец успешно продавал привезенные иглы, таким образом поддерживая бюджет своей семьи.

Иван пошел в первый класс 1 сентября 1948 года. Учеба сразу же захватила его. Особенно он увлекся математикой, физикой, географией, русской литературой, но не взлюбил химию, ботанику и чистописание. С первого класса он пристрастился к чтению – его мама даже в трудные времена регулярно покупала книги. В те годы далеко не в каждой семье имелась своя библиотечка.

Большинство людей испытывали материальные трудности, поэтому лишь немногие тратили деньги на книги. К тому же, в стране действовала отлаженная система библиотек, и многие были их постоянными читателями. Книгу Александра Дюма «Три мушкетера» Иван прочитал в восьмилетнем возрасте. За популярным французским романом последовали и другие книги. В те годы выходило много интересных рассказов и повестей советских писателей, начали издаваться первые рассказы и повести о Великой Отечественной войне.

У большинства одноклассников и друзей Ивана отцы погибли в Великой Отечественной войне. Ребята и девочки, потерявшие отцов, мало об этом говорили, но наедине они нередко завидовали своим немногочисленным сверстникам, у которых были отцы. Иван с детства невзлюбил и всю жизнь ненавидел слово «безотцовщина», которое в те времена употребляли по делу и без дела не совсем разумные взрослые люди. Но отношения учеников были всегда теплыми, взаимовыручка была обычным делом.

Как-то вечером дети заметили, что отец пришел с работы сильно расстроенный и за ужином практически не промолвил ни слова. Иван случайно услышал разговор родителей, и вот что он узнал. После окончания смены рабочие обсуждали очередное политическое событие, и каждый из присутствующих высказывал по этому поводу свое мнение. Попытался высказаться и Сергей Григорьевич, но его грубо перебил один из рабочих: «Ты дважды находился в германском плену, и не тебе судить о наших делах. Лучше помалкивай». Самое интересное, что Иван вместе с сыном этого грубого и несправедливого человека постоянно играл в футбол, другие спортивные игры. И продолжал это делать и после услышанного. Но именно с этого момента Иван понял, какая непростая у его отца жизнь, и стал задумываться, чем ему можно помочь.

По возвращении из плена Сергей Григорьевич с семьей стал жить в доме родственницы Анастасии – одинокой пожилой женщины, которая с радостью приняла их в своем доме. Дом располагался в большой деревне, с каждым годом все ближе и ближе подступавшей к городу. Большинство мужчин деревни работали на разных предприятиях города. Сергей Григорьевич с огорчением наблюдал, как постепенно разваливается деревенский колхоз: сокращается поголовье скота и птицы, ветшают и разрушаются здания скотного двора. Председатель колхоза жил в нижней части деревни, а здание правления колхоза рас-

полагалось в верхней. Три-четыре раза в неделю он шел с работы крепко выпивши и при этом обязательно заходил в один из домов, чтобы «угоститься». К середине 50-х благодаря «неустанным заботам» председателя колхоз в деревне перестал существовать (к слову, сын этого председателя вырос профессионалом своего дела и добропорядочным человеком).

Иван иногда задумывался, почему его родной дядя – дядя Вася – так часто пьет, и однажды спросил его об этом. Дядя со слезами на глазах стал рассказывать мальчику, что во время войны он служил в пехотной роте старшиной и ездил получать для бойцов и офицеров обед, ужин и установленные для каждого военнослужащего сто грамм «наркомовских». Зачастую, когда старшина приезжал раздавать обед, рота выходила из боя, потеряв больше половины состава убитыми и ранеными. Тогда «наркомовские» сто грамм превращались и в двести, и в триста. Дядя Вася сокрушенно добавил, что с того самого времени не может остановиться и глушит водкой воспоминания о погибших. Ответ запомнился Ивану на всю жизнь, а, став взрослее, он понял, что перед ним человек трагической судьбы, который, к сожалению, не мог забыть пережитое.

Закончив первый класс, Иван во время летних каникул съездил в пионерский лагерь. Ему очень понравилась смена: спортивные состязания, песни у костра, купание, веселые игры. Но запомнилось на всю жизнь и другое. В соседнем районе находился детский дом, и каждая смена лагеря принимала на отдых большой отряд детдомовцев. Это были очень активные ребята, встречались среди них и хулиганистые мальчишки. Но все они преобразались по воскресеньям, когда в лагерь навещать «домашних» приезжали родители, бабушки и дедушки, братья и сестры. В этот день детдомовцы затихали. Они уходили с улицы в спальные домики, чтобы издалека наблюдать несбыточную для них картину. Иван на всю жизнь сохранил в памяти их лица в такие дни.

В 1950 году завод, на котором работал Сергей Григорьевич, стал строить для своих сотрудников поселок, примыкающий к деревне, – той самой, где жила семья Сергея. Поселок украсился одноэтажными домами по финскому проекту: где-то наверху было решено застраивать заводские поселки именно такими домами, как в «одноэтажной Америке». В 1951 году в одном из таких домов Сергею Григорьевичу выделили две пятнадцатиметровые комнаты. Это было счастливое событие для семьи: сбы-

лась мечта переехать в просторную квартиру с коммунальными услугами. А еще каждой семье полагалась дополнительная хозяйственная площадь в четырехсекционном сарае, в котором каждый хозяин мог держать скотину – поросят, телят, овец, птицу. В доме поселились две семьи, между которыми сразу же установились дружеские отношения.

В те годы производительность колхозов и совхозов была низкой, и мяса не хватало для обеспечения городского населения страны. Государство пыталось решить эту проблему, разрешив населению разводить всяческую живность. Многие семьи в стране разводили для этой цели скот и птицу. Это было дополнительной домашней работой, но при этом семьи обеспечивали себя мясом и яйцами. В подавляющем большинстве таких семей дети с юных лет помогали родителям ухаживать за животными, не понаслышке узнавая, что такое трудолюбие и какие получаются результаты, если ты много и хорошо работаешь. К сожалению, в конце 50-х первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев претворил в жизнь запрет на содержание скота в городах и поселках, и это создало в стране дефицит мяса на долгие годы – вплоть до окончательного развала СССР в 1991 году.

Первыми почувствовали улучшение жизни дети. В доме появилась современная мебель, главным предметом которой стал, конечно же, книжный шкаф, который вскоре стал наполняться книгами, и дети быстро пристрастились к чтению. Иван, как и всякий мальчишка, зачитывался книгами о Великой Отечественной войне. Но были книги, обязательные для прочтения в соответствии со школьными программами – зачастую они совсем не нравились ребятам. Иван, как и большинство его школьных друзей, не любил книгу Виталия Губарева о Павлике Морозове и не мог понять, почему ее изучают в школе. Спустя двадцать лет Иван решил перечитать книгу о «пионере-герое» и убедился, что книга написана плохим литературным языком и, кроме недоумения, ничего не может вызвать ни у взрослого читателя, ни у ребенка. Примерно такое же впечатление сложилось у Ивана о книге «Как закалялась сталь». Ее автор Николай Островский вызывал уважение, но редакторы книги явно переусердствовали в своем агитационном порыве. И в школе, и в свободное время школьники часто обсуждали прочитанные книги: такие разговоры помогали узнавать друг от друга о хороших книгах. Но ни разу в таких обсуждениях не упоминались ни Павлик Морозов, ни Павел Корчагин.

Начиная с пятого класса, любимым уроком Ивана стала математика. Преподававшая этот предмет Валентина Гавриловна быстро почувствовала интерес мальчика и стала давать ему дополнительно задачи повышенной трудности. При этом она нередко просила его написать решение такой задачи на доске. Это, конечно же, повышало авторитет Ивана и в классе, и в школе.

В городском Доме пионеров работали многочисленные кружки: библиотечный, драматический, танцевальный, авиамодельный и много других. Иван, придя в Дом пионеров учеником четвертого класса, за два года успел позаниматься почти во всех кружках и, наконец, выбрал два: библиотечный и драматический. Библиотекой заведовала Галина Николаевна, женщина лет сорока пяти явно дворянского происхождения, о чем свидетельствовали ее прекрасные манеры и красивая одежда, которую редко можно было увидеть на других женщинах. Она собирала ребят, членов кружка, и устраивала читку наиболее популярных романов. Подопечные Галины Николаевны читали текст по очереди, а она мгновенно поправляла их ошибки. Каждое чтение заканчивалось разбором прочитанного: члены кружка высказывали свое мнение и в целом о книге, и об отдельных поступках ее героев. Иногда Галина Николаевна ставила с ребятами спектакль по любимейшему после чтения произведению, случалось, с этими спектаклями ученики выступали на сцене городского Дома культуры. Иван очень любил играть в спектакле по повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий», в котором у него была роль Гаврика – самого хулиганистого парня в повести. Через два дня после первого спектакля к Ивану подошли трое учеников его школы и заявили, что они и представить себе не могли, что он такой хулиган!

Две старшие сестры Ивана учились в другой школе и тоже ходили на занятия во Дворец пионеров. Самая младшая его сестра только начала учиться в той же школе, что и Иван. В этой школе также работало несколько кружков, учителя регулярно организовывали встречи школьников с интересными людьми: рабочими, военными, участниками революции 1917 года и Великой Отечественной. Иван был дружен со своими сестрами, но, надо сказать, их интересы существенно различались.

Подрастая, Иван увлекся спортом. Зимой это были лыжные гонки. Ему нравилось просто скользить на лыжах и пробегать на время длинные дистанции, проявляя терпение и выносливость: это заметно закаляло его

характер. Спортом в то время увлекались многие ребята и девчата. Летом целыми ватагами дети ходили в лес собирать ягоды и грибы. Иван был заядлым грибником, исходил практически все окрестные леса. В один из грибных годов его личный рекорд составил триста белых. В этот день с одноклассником, собравшим, наверное, не меньше, другие грибы они не брали.

При школе был большой участок земли, на котором ученики выращивали цветы, овощи, плодовые кустарники, деревья. Каждую весну и осень вся школа работала на этом участке, делая это профессионально и с удовольствием. В те годы практически каждая семья имела огород или сад, помогая государству решать «продовольственную программу». Дети активно участвовали в этой работе вместе со своими родителями.

К середине 1950-х годов у Сергея Григорьевича среди коллег по работе было довольно много друзей. Ивану было приятно, когда друзья отца приходили к ним в гости и расспрашивали его об успехах в учебе. Самые близкие отношения сложились у Сергея Григорьевича с Михаилом Михайловичем – мастером цеха, в котором Сергей работал электросварщиком. Михаил Михайлович закончил войну капитаном и прекрасно понимал, что в большинстве случаев вины за попадание в плен на плененном бойце нет, а лежит эта вина на командирах разного уровня – в зависимости от конкретной ситуации. Впоследствии Михаил работал заместителем директора завода, и они с Сергеем дружили семьями до последних дней своей жизни.

В марте 1953 года скончался председатель Совета Министров СССР, секретарь ЦК КПСС Иосиф Виссарионович Сталин. Его смерть была трагедией для подавляющего большинства советского народа. В день объявления о смерти руководителя страны всех учеников и учителей школы построили в коридоре. Многие искренне плакали, и эта картина осталась в памяти Ивана на всю жизнь. Со смертью Сталина закончилась эпоха безраздельной веры советского народа в своего руководителя. Наступило время критического осмысления действий руководства партии и правительства. Это было, конечно же, пока молчаливое осмысление, но вскоре действия первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева стали публично обсуждать с достаточной долей критики.

Дети подрастали, и у Сергея Григорьевича с Анастасией Ивановной стали появляться новые заботы. В один из летних дней после окончания шестого класса Иван посмотрел кинофильм «Праздник Святого

Йоргена». Это был немой фильм о том, как церковные мошенники, раздувая славу святого по имени Йорген, продавали простодушным верующим его слезы и волосы, зарабатывая на этом крупные деньги. Ивану это почему-то напомнило о непомерном возвеличивании Ленина. И когда вечером за ужином отец спросил его, о чем фильм, который он сегодня посмотрел, Иван сказал: про Ленина. Сергей Григорьевич, прервав ужин, вывел Ивана в другую комнату и подробно расспросил сына о его умозаключениях. А затем сказал: он уверен, что Иван любит своих родителей и сестер и именно поэтому отныне никогда не будет так отзываться о первом руководителе советского государства. Ивана больше всего поразило не высказывание отца, а выражение его лица во время разговора, и он честно пообещал, что никогда не позволит себе подобного.

Перед окончанием семилетки Иван не входил в число лучших учеников – с некоторыми преподавателями у него периодически возникали конфликты. За месяц до окончания школы выяснилось, что в этом выпуске – а выпускались пять классов – не будет ни одного отличника. Как же так?! Выяснилось, что есть два выпускника, у которых все пятерки за исключением четверки по английскому языку. Одним из таких учеников был Иван. Было принято решение устроить обоим переэкзаменовку по английскому языку. На следующий день Ивана и его одноклассницу Тамару Левкоеву усадили в одном из классов на первом этаже, выдали задание и заперли дверь. Иван просмотрел задание, открыл окно и ушел из школы, не расстроившись, что не стал отличником: вряд ли он знает английский на «отлично». К вечеру он забыл об этом событии, о котором ни слова не сказал родителям. Около восьми вечера в окне квартиры он увидел директора школы Николая Ивановича. Тот был участником Великой Отечественной и сильно прихрамывал. Ивану стало стыдно за свой утренний поступок: теперь по его вине Николай Иванович нагружает свою больную ногу. Директор школы усадил Ивана и Сергея Григорьевича за стол и рассказал отцу об утренних проделках сына. А Ивану он так сказал:

– Пойми, дурачина, тебе стараются помочь в твоей будущей взрослой жизни, а ты плюешь людям в душу. При таком обращении с окружающими ты не сможешь ничего добиться в жизни...

Его слова дошли до нерадивого ученика. Наутро Ивана посадили в класс на втором этаже и вновь выдали задание. Когда переэкзаменовка закончилась, Иван получил

оценку «отлично». А вскоре ему выдали свидетельство и об отличном окончании семилетней школы. Именно это обстоятельство позволило Ивану поступить в техникум по результатам собеседования без сдачи вступительных экзаменов. Сергей Григорьевич был очень рад: это было первым взрослым достижением в жизни сына и давало надежду на будущие успехи.

Прошло больше десяти лет после окончания семилетней школы, и Иван решил, что теперь он знает, как отблагодарить Николая Ивановича за заботу: освоить английский язык. Впоследствии он действительно реализовал эту задачу.

Запомнился выпускной вечер в школе. Было очень весело. Когда начали играть в почту, Иван получил несколько «писем» от девушек, в которых ему предлагали дружбу, если, конечно, он угадает автора послания.

В сентябре 1955 года Иван поступил в авиационно-металлургический техникум. Учеба была интересной, теоретическое обучение сочеталось с практикой, которая проходила на металлургическом комбинате. Начиная со второго курса, студенты знакомились с современными технологическими процессами металлургического производства. Учебный процесс в техникуме в отличие от школы требовал большой самостоятельности. Была и другая специфика: на следующий день после защиты курсового проекта все защищенные работы, представляющие собой чертежи и пояснительные записки, сжигались, поэтому при выполнении курсовых студенты использовали только справочники, не имея перед собой никаких аналогов. Это значительно повышало степень самостоятельности в работе, быстро учило грамотно пользоваться научно-технической литературой.

Конкурс при поступлении в техникум был два человека на место. В их группе собрались ребята из шести разных городов и сел Московской области, и каждый имел свои увлечения: спорт, художественная самодеятельность, международная политика, авиамоделизм, народные ремесла и многое другое. И уже в первом семестре Иван убедился, что он оказался в окружении более сильных личностей, чем в школе, общаться с которыми было гораздо интереснее.

В техникуме регулярно устраивались вечера: небольшой концерт и танцы. Студенты с удовольствием их посещали – это было не только местом отдыха в те непростые для страны годы, но и местом знакомств учащихся различных курсов.

В техникуме к тому времени сложился высокопрофессиональный коллектив учителей. В основе преподавания лежало

умелое сочетание добротного изложения теоретического материала, требовательность и большие объемы самостоятельной работы. Единственным недостатком было отсутствие в течение нескольких семестров преподавателя английского языка. Уроки английского проводила преподаватель русского языка. Она ставила на патефон пластинку, и начинал звучать текст книги «Робинзон Крузо» на английском языке. И так – все сорок пять минут. Уже закончив техникум, Иван в течение нескольких лет помнил этот текст наизусть.

Уже в эти годы Иван понял, что хорошие знания дают те учителя, которые владеют методикой преподавания. Теоретическую механику читал молодой мужчина – инженер с металлургического комбината. Это был бесспорно умный молодой человек, кандидат в мастера спорта по шахматам. Но, к сожалению, он не имел ни склонностей, ни навыков преподавания. Учащиеся мало что понимали из его объяснений. А когда ему задавали вопросы, например, почему эта сила направлена в ту или иную сторону, он отвечал: «Я сам понимаю, но объяснить не могу». Группа с грехом пополам сдала экзамен по его предмету и в следующем семестре начала изучать курс «Сопrotивление материалов и детали машин». Когда на первом занятии преподаватель стал рассказывать об изменении состояния балки при приложении к ней нагрузки, учащиеся дружно заявили, что это им не понятно, так как они практически не усвоили никаких постулатов теоретической механики. Тогда преподаватель в течение двух занятий изложил им весь курс теоретической механики. Только после этого студенты стали понимать основные положения курса «Сопrotивление материалов и детали машин», который, к слову сказать, им дали на очень высоком уровне.

Многим студентам хорошо запомнилась практика по обработке металлов резанием, которая проводилась на комбинате. В первый день ребята и девчата знакомились со станками. На второй день мастер цеха поставил всех к станкам и выдал каждому одно и то же задание: выточить несколько деталей. На следующее утро он объявил, что пятеро учащихся, включая Ивана, освобождаются от практики и привлекаются к выполнению реальных работ для нужд цеха. Вечером за ужином Иван с гордостью рассказывал родителям, что он вместе с другими рабочими участвует в выполнении плана механического цеха.

В 1956 году Н.С. Хрущев объявил о начале строительства коммунизма. В школах, техникумах, вузах, на предприятиях

было введено изучение основ коммунизма. Практически каждый работающий покупал у государства облигации, и деньги шли на развитие страны. Несколько раз в год проводилась лотерея, население выигрывало большие и малые премии. При этом облигации «погашались». По окончании действия займа, как правило, через пять-шесть лет, владельцы облигаций сдавали их государству, получая их номинальную стоимость. Это была «обираловка», но для восстановления и развития разрушенного войной народного хозяйства нужны были деньги. На собрании в Горьком Н.С. Хрущев объявил о прекращении выплат по всем внутренним займам и сообщил, что государство вернет населению деньги по этим займам ровно через двадцать лет, то есть в 1977 году. Обычно такого рода проекты сначала обсуждались на сессиях Верховного Совета СССР, в печати. Единоличное решение Хрущева было абсурдным и оскорбительным для всего народа. Для его «смягчения» на предприятиях, в колхозах и совхозах было велено провести собрания, которые должны были единогласно одобрить «мудрое» решение партии.

В это время группа, в которой учился Иван, проходила практику в механическом цехе металлургического комбината. В обеденный перерыв студенты вместе с рабочими оказались на таком собрании, которое вел секретарь партийного бюро цеха. Он ответил на несколько вопросов и хотел уже заканчивать, когда встала уборщица цеха тетя Маша и спросила: «Когда наступит коммунизм?». Партсекретарь несколько опешил, но ответил, что первая фаза коммунизма, в соответствии с теоретическими разработками ЦК КПСС, наступит в 1970 году. Тетя Маша задала второй вопрос: «А будут ли деньги при коммунизме?». Секретарь партбюро ответил, что при коммунизме денег не должно быть, все будут жить по принципу «От каждого по способности – каждому по потребности». Вот тогда тетя Маша сделала паузу и спросила: «Так зачем же вы обещаете вернуть нам наши деньги через двадцать лет, если к тому времени и денег-то не будет?..». За всю свою жизнь Иван не слышал такого хохота.

В техникуме, конечно же, тоже изучали основные теоретические положения научного коммунизма. При этом шестнадцатилетние парни и девушки не понимали принципа «От каждого по способности – каждому по потребности». Но сколько они ни просили у преподавателя объяснения, им ни разу не удалось получить вразумительного ответа.

На первом курсе Иван увлекся лыжными гонками, а на третьем уже имел первый спортивный разряд. Спорт занимал все свободное время, которого нередко не хватало на добросовестную подготовку домашних заданий: Иван выступал и за сборную техникума, и за сборную завода, на котором работал его отец. После каждого выступления за сборную завода тренер отправлял команду переодеться и вел всех в ресторан обедать, разумеется, без спиртного. Это делалось с ведома директора завода на деньги предприятия: в те годы семьи рабочих жили бедновато, и надо было подкормить молодых спортсменов. Именно тогда Иван узнал, что вторые блюда едят, используя не только вилку, но и нож. Надо ли говорить, что такое отношение к членам сборной заставляло их тренироваться с большой отдачей.

В те времена по-прежнему снимали много фильмов о Великой Отечественной войне. Однако их герои почти не рассказывали никаких своих личных военных историй. Иван много раз пытался расспросить отца о войне, но тот всегда переводил разговор на другую тему.

В 1957 году совершенно неожиданно Сергея Григорьевича пригласили в районный военный комиссариат, куда были приглашены и другие участники Великой Отечественной, не по своей вине побывавшие в плену у немцев. Было объявлено, что решением Верховного Совета СССР с них сняты все обвинения, они, полноправные советские люди, теперь могут не указывать в различных анкетах, что были в плену. Это касалось и родных бывших военнопленных, потому что в анкетах того времени был обязательный вопрос: «Были ли вы и ваши родственники в плену или на оккупированной территории?». Двум дочерям и сыну Сергея Григорьевича Ивану приходилось заполнять такого рода анкеты, и всегда было стыдно.

Годы спустя Иван вспоминал, что в жизни отца именно реабилитация была самой большой радостью. Пятнадцать лет несправедливости и душевной боли закончились, Сергей Григорьевич впервые почувствовал себя полноправным членом советского общества. Это действительно было для него да и для всей их дружной семьи большим праздником. А еще через полгода он был награжден медалью «За победу над Германией», которая в 1945 году вручалась всем участникам Великой Отечественной. Впоследствии Сергей Григорьевич был награжден медалями «20 лет Победы», «За доблестный труд», «100-летие со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда СССР», «30 лет Победы», «60 лет Вооруженных сил СССР» и орденом «Знак Почета».

У Ивана к реабилитации отца было двойственное отношение. Со всем своим юношеским максимализмом он ненавидел Хрущева – особенно после разоблачения им «культы личности» Сталина. Он считал, что культ личности руководителя существовал, существует и будет существовать всегда. Развитие или прекращение этого культа в значительной степени зависит от поведения людей, работающих непосредственно с руководителем. Таким человеком и был Хрущев, во всем поддерживавший Сталина, а после его смерти очернивший своего руководителя. Иван был уверен, что компания по разоблачению культа личности Сталина явилась первым крупным шагом по развалу великой страны – Советского Союза, и это полностью лежало на совести Хрущева, который сразу же установил культ своей личности: безграмотной, непродуманной, непрофессиональной. В то же время Иван понимал, что реабилитация его отца и многих других бывших военнопленных произошла по инициативе Хрущева. И он стал избегать, по возможности, обсуждения даже в кругу своих близких друзей действий Никиты Сергеевича.

С начала 50-х в Советском Союзе начала интенсивно развиваться промышленность, многие оборонные предприятия приступили к выпуску товаров широкого потребления, создавалась космическая программа страны, закладывались основы ядерной энергетики. Но не хватало квалифицированных кадров. Большинство мужчин 1926-го и ранее года рождения погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Сергей Григорьевич был высококлассным электросварщиком, после работы или в выходные дни он довольно часто работал над заказами других предприятий. Дети нечасто видели отца дома, зато в семье, где к тому времени было четверо детей, не испытывали серьезных материальных трудностей.

Старшая дочь Мария и сын Иван учились на дневном отделении авиационно-металлургического техникума, средняя дочь Анна работала и училась на вечернем отделении энергетического техникума. И хотя у Сергея Григорьевича не было времени, чтобы следить за учебой детей – этим занималась жена, – он регулярно расспрашивал их об успехах и неудачах, об их планах на будущее. Дети любили разговоры с отцом, уважая его за высокий профессионализм, трудолюбие и заботу о семье.

Он почти никогда не рассказывал им о войне. И даже когда приходили гости,

взрослыми обсуждалось многое, но никто не вспоминал о своем участии в военных событиях. Из застольных разговоров становилось понятно: бывшие бойцы критически относились к тем, кто во время войны уезжал в эвакуацию. В их районе не было оборонных предприятий, и воевавшим было трудно понять, почему здоровые, крепкие мужчины уезжали в восточные районы страны тогда, когда шли страшные бои и армия несла огромные человеческие потери.

В 1959 году Иван, заканчивая авиационно-металлургический техникум по специальности «Фасонное литье цветных металлов», впервые проявил характер, чем напугал отца. За три недели до защиты дипломных проектов состоялось государственное распределение выпускников, многие из которых за четыре года учебы выбрали место будущей работы. Однако неожиданно эти планы пришлось поменять. За два дня до распределения было объявлено, что приказом за подписью первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева все выпускники металлургических техникумов направляются работать на площадки по сбору и переработке металлолома. Предлагалось две должности: агент по сбору металлолома и мастер по переработке. Выпускникам объяснили: причиной такого решения является необходимость сменить зарвавшиеся, наловчившиеся работать «на себя» старые кадры новыми, молодыми.

На государственном распределении Иван отказался от нескольких предложений и не подписал протокол распределения. Его пригласили в кабинет директора техникума, который в течение сорока минут убеждал молодого специалиста подписать бумагу. В свою очередь, Иван убеждал директора в том, что его и товарищей обучали современным технологиям фасонного литья цветных металлов и сплавов, но при таком распределении получится, что государство напрасно тратило деньги на их обучение. В конце концов протокол так и не был подписан, с Иваном обещали разобрататься после защиты дипломного проекта.

Вечером того же дня Иван целый час приводил отцу те же аргументы. Сергей Григорьевич внимательно выслушал сына и сказал: «Иван, я тебе доверяю. Попробуй решить этот вопрос без неприятных для тебя последствий».

Во время защиты дипломного проекта члены комиссии были доброжелательны, несмотря на случившийся конфликт. Однако после защиты диплома техника выдали всем выпускникам, кроме Ивана...

(Печатается в сокращении)

Александр ТОРОПЦЕВ

писатель, публицист, философ,
доцент Литературного института
имени Горького,
руководитель семинара
по детской литературе,
Москва

О БРАННОМ РУССКОМ СЛОВЕ

Пятилетняя соседка

Самое «матерное» слово я лет десять назад услышал от пятилетней соседки по подъезду дома на окраине Москвы и даже остановился от неожиданности. Меня это слово смутило, напомнив разговоры и споры последних лет о «матерной словесности» во всех сферах нашей жизни. Да ладно бы в сферах! А то ведь и в литературную строку, якобы очень высокохудожественную, моду взяли словечки эти вставлять и радоваться, гордиться, на сценах и на экранах матерком баловаться. Но соседка-кроха придумала такое гениальное слово, которое и не снилось современным писателям, драматургам, артистам, политикам и даже зекам... Стоять истуканом между подъездом и детской площадкой на виду у дисциплинированных старушек у нас не принято. Не поймут. Я, стараясь держаться строго, вошел в подъезд и весь вечер вспоминал первого своего учителя «матерной словесности» Владимира Н.

На веранде

В середине пятидесятых мне и многим моим друзьям было по пять лет, когда мы познакомились с ним, десятилетним. Вряд ли он знал мнение великого классика о том, что начинать изучение иностранного языка лучше всего с матерных слов и выраже-

ний, но русский, родной свой язык, Вовка Н. осваивал по этому способу. Мы сидели на перилах недостроенных детских яслей подмосковного поселка и слушали песню, волнующую сердце любого существа мужского пола: «Я пошла на речку, за мной следил бандит. Я стала раздеваться, а он мне говорит...». Дети пятидесятых помнят, что сказал бандит, что ответила купальщица и как они провели тот напряженный день. Я лично до сих пор помню те простые, накрепко врезающиеся в память русские слова.

После концерта, состоящего исключительно из блатных песен, вместе с десятилетним Вовкой, сыном дважды урки, мы отправились на речку, собирая на ходу окурки «Памира», «Огонька» и «Севера», неумело попыхивая бычками и робко выдавливая из себя новые слова и выражения.

Через несколько дней на собранную по стройкам стеклотару мы купили бутылку «Столичной», пачку «Севера», буханку черного. На той же веранде Вовка «дал» концерт а капелла, обогатив наш словарный запас и знания жизни...

Дело Владимира Н.

Те дети двадцать первого века, которые матерятся на каждом углу, понятия не имеют, как трудно было сохраниться в памя-

ти матерной речи! Романы можно писать о таких подвижниках, каким был Вовка. Его исключали из пионеров, не принимали в комсомол, чуть не выгнали из седьмого класса. Учителя и участковый его за человека не считали. Из восьмого класса он, второгодник, все же попал на зону. Вернувшись домой через год, урка, сын теперь уже трижды урки, такое нам сбацал на отцовской семиструнке, что я, пятиклассник-троечник, был покорен смысловой полифоничностью, изысканной детализацией и философичной всеохватностью его матерных песен. А Вовка, ставший теперь Володькой, еще и «ботал по фене», что приводило нас в трепет. В языковой системе зеков чудилось нечто магическое, волнующее почти как женщина.

Не успели мы усвоить уроки «добротного учителя», как он вновь отправился «к хозяину». Но поскольку Володька делал свое дело честно, оно начало давать первые результаты: в колонии, тюрьмы, в Урлаг отправившись первые мои сверстники. Не могу сказать, что зона дала им столько же, сколько Володьке: тут ведь тоже нужны талант, призвание, упорный труд. Приверженцы Володькиной науки решили, как говорится, взять валом, в начале семидесятых они чуть ли не строем пошли в тюрьмы. Вал результата не дал. Скорее, наоборот. Все реже в поселке звучало добротное, талантливое матерное слово. В те же годы в сибирском городке У. мне преподали замечательный урок по курсу матерной словесности.

Сибирская учеба

Я был бригадиром квартирьеров стройотряда, готовил объекты для основного состава. Погода стояла курортная. Моих подчиненных по вечерам парочками тянуло в сопки. По утрам эти студенты наминали сухофрукты в пыли и с трудом ворочали лопатами, пошатываясь под хакасским солнцем.

Я бегал по городку, решая оргвопросы и слыша всюду мат. С точки зрения стилистических особенностей, лексического многообразия, философической новизны и душевного надрыва мат местных жителей не представлял интереса для любителей, ценителей и филологов. Но на этом языке говорили здесь все. Часто я видел сцены, которые могли бы ублажить душу моего земляка Володьки. Скажем, идут по пыльной дороге две женщины, мать и дочь, между ними шагает пятилетний мальчуган, молчаливо грызет семечки и внимательно слушает, о чем судачат взрослые. А те, как и все хозяйки на белом свете, говорят о капусте, картошке, огурцах, помидорах, мужьях. Тема для грызуна семечек не интересная.

Но слова какие! То три буквы, то пять, то вперемежку с огурцами и помидорами, а то друг за другом кряду штук по десять – да на одном дыхании, да с бабьим, теплым чувством или с неподдельной грустью. И рукой эдак по-свойски по юбке сатиновой шлепнет, пот со лба смахнет от усталости и опять за свое – за буквы и помидоры. А мальчонка семечки грызет, впитывая Володькину науку со словом матери.

У меня дела не шли. Молодой был. Неопытный. Только-только стал налаживать контакт с мастером, непосредственным нашим начальником, и с местной бабенкой красивого возраста, как произошла у меня обидная осечка. Однажды пробежал я мимо нашего объекта на лесокombинате, смотрю, сидят мои сокурсники на скамеечке в окружении местных работников и точат лясы. «Ребята, – говорю, – работать надо». «Сейчас докурим», – слышу в ответ. Через полчаса – тот же расклад. Еще через двадцать минут – та же картина! Вспомнил я слова мастера, что мои плохо работают, что гонять их надо, вспомнил, как гоняет она своих бездельников не тремя буквами и не пятью, а как будто каким-то словесным крупнокалиберным пулеметом с высокой скорострельностью и нескончаемым магазином. Глянул я злобно на часы и, заочно поблагодарив Володьку за науку, обложил своих товарищей двухэтажным матом. Кричал я несколько минут. Ни разу не повторился. Ругался и радовался, что этот ход поможет мне сблизиться и с мастером, и с другими нужными людьми. Но вскоре почувал неладное. Мои подчиненные понурили головы, а местные упрямо смотрели на меня, и в их глазах я читал удивление и настороженность, разочарование и отторжение, гордость и сибирское «однако». Я сник, добавил: «Сачки!». И ушел.

С однокурсниками мы поладили в тот же вечер: свои люди. Но с мастером отношения испортились напрочь. Она избегала меня, будто я, немилый, сделал ей предложение. Помирил меня с ней через пару недель мой друг, когда в У. нагрязнул весь отряд. Друг мой был в этом деле талантлив и удачлив. Он быстро нашел контакт с мастером, и вскоре мы с пачкой нарядов, двумя банками растворимого кофе, дефицитного в те времена, оказались у нее в гостях в ее пятитстенке. Встретила она нас хорошо. А когда мы самогоночки пшеничной приняли, когда прочно перешли на «ты», я ее спросил: «Почему ты разозлилась на меня?». Она неподдельно вспыхнула: «А чего ты материшься, как пьяный сапожник?!». Я честно удивился: «Так вы все материтесь!». Но она меня сурово осадил: «То мы – а то вы! Вы из Москвы приехали, в

институте учитесь. – И мечтательно вздохнула: – Давайте выпьем за Москву, а потом споем!». Сестры любили песню «Подмосковные вечера». А еще им нравилась песня «На поле танки грохотали...». Их дядя-танкист погиб под Москвой, а отец, начав войну с Курска, последнее ранение получил в Берлине. Вернулся с фронта, успел родить двух дочерей и умер семь лет спустя после Победы. Бардов, правда, девушки не знали.

Барды и Володька Н.

Советские барды попортили много крови нашему Володьке. В середине шестидесятых он стал быстро терять авторитет среди тех, кто пел в ночных беседках Окуджаву, Визбора, Высоцкого, а в семидесятых и вообще перестал показываться в наших беседках. И вдруг пропал надолго. По крупному залетел – в зековскую «докторантуру».

Появился он в поселке в восемьдесят пятом и на все лето прилип к доминошному столу. Он не потерял формы и, распалившись иной раз, выдавал такое, что даже моя супруга, которую коробит от одной лишь буквы – не то, что от трех или пяти, удивленно качала головой: «Да он у вас поэт!». Я гордо ухмылялся: «Он и не так может». Но не решался цитировать.

«Мавр сделал свое дело...»?

История государства Российского добрела до последнего десятилетия двадцатого века, и Володька стал увядать на глазах. Вскоре обычная болезнь подмосковных доминошников – цирроз печени – уложила его в гроб. Умер он как раз в то время, когда его родное матерное слово стало пробивать дорогу в большую жизнь – в искусство, в политику, в печать.

Конечно, радоваться рано.

Во-первых, прорываются в большую жизнь лишь самые блеклые, серые слова, да и тех побаиваются, часто заменяя их в текстах многоточиями, позорными для любого творца. Во-вторых, наиболее талантливые авторы матерной словесности покинули доминошные столы и тюрьмы, сели в иномарки, забыв о главном своем предназначении: вряд ли им по собственной воле захочется изменить стиль жизни и жизненные приоритеты. В третьих, почему-то не сработал закон перехода количественных изменений в качественные: несмотря на огромную численность, зеки шестидесятых-восьмидесятых не породили гения матерного русского слова. Впрочем, и расплодившиеся в то же время барды не дали своего гения (ну, уж это так, к слову).

Народ и мат – едины?

Бурные события порубежного нашего времени не уничтожили так называемое простонародье, на вид серое, упрямое, в

упрямости своей бестолковое. Но это только на вид, на слух и на вкус, испорченные тепличным воспитанием. На самом деле оно совсем не серое, не бестолковое, хотя и очень упрямое.

Российский народ, как и любой другой крепкий народ, по натуре конфуцианец. Он точно знает, что народу – народово, а людям высоким – высокое. Он ни за какие коврижки не пропустит не только тех, кто, околдованный грязными матерными звуками, искренно пытается дать им дорогу в искусство, но и таких гениев «матерной словесности», каким, несомненно, был мой земляк Володька Н.

Согласитесь, есть огромная разница между матом отчаявшегося найти свое место в жизни человека и примитивным матом ленивых литераторов, артистов и некоторых огрубевших, видимо, от тоски по нам думских функционеров, которые, занимая лидирующие позиции в обществе, навязывают свое мнение нашему доброму, но чуткому ко всякой фальши народу. Они засоряют русскую речь, порождая понятийно-смысловой хаос в русском языке, о чем мне любезно поведала пятилетняя соседка по подъезду.

Самое матерное слово

Она играла с ровесниками под своим окном. Дети стояли в кружок. Мальчик в центре крикнул: «Дерево!» и бросил мяч соседке. Та бойко ответила: «Береза» и вернула мяч. Затем мальчик крикнул: «Машина!» и кинул мяч другому мальчику. «Мерс», – был деловой ответ. В третий раз из центра детского круга раздался хитроватый голос: «Самое матерное слово!», и мяч полетел к моей соседке. Та смутилась, потупила ясны очи и, не желая проигрывать, тихо молвила, чтобы взрослые не услышали: «Любовь!» – и тут же отправила мяч по назначению.

Представляете, какой мощный сдвиг наметится у русскоязычного человечества, какие богатые перспективы появятся в нашей литературе и жизни, когда вольются в нее потоки новых гениев, подобных моей соседке-крохе!

Они не будут бояться материться на каждом шагу. Они будут смело выходить к доске, на сцену или на трибуну и декламировать что-нибудь из самого матерного, скажем: «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Какая жизнь-то прекрасная настанет, честное слово!

Деловое предложение

Сам по себе мат – это всего лишь сочленение звуков, оживить которые могут только исключительно одаренные люди. Их осталось на русской земле не так уж много.

Но они еще есть. За двадцать дней, проезжая по Золотому Кольцу, можно такое услышать, что материализуется все, сказанное мной о матерной словесности, а моя боль за великий и могучий русский язык, в том числе и мат, станет понятной. Или можно поехать на двухдневную экскурсию в ближайшее Подмосковье за какой-нибудь доминошный стол. Денег на это мероприятие потребуется немного: на пару бутылок «Столичной», три-четыре пачки не шибко иностранных сигарет, две-три банки «Кильки в томате». Черный хлеб покупать не обязательно – он в подмосковных поселках вкуснее. Такие доминошные столы еще не перевелись. Я лично знаю два-три.

Повторюсь: оба варианта принесут пользу достойному человеку, способному не материться в приличном обществе, то есть в кругу простых людей, больше слушать, чем говорить, и сильно не напиваться на радостях. А радость будет большой. И польза – тоже.

Неподдающиеся

Разговор о матерной словесности будет неполным, если не вспомнить тех россиян, которые не воспринимают эти грязные слова вообще, боятся их, отторгают и никогда не матерятся. Поверьте, дело не в моей жене, которая тридцать лет меня перевоспитывает и уже почти добила своего. Дело здесь в людях, которых среди нас немало, хотя они и не составляют большинство. Ах, какие это дивные люди, как радостно общаться с ними! Только не подумайте, что я говорю о так называемых русских интеллигентах,

хотя и среди них есть подобные «одуванчики», робеющие душой от любого резкого звука. Это было бы слишком просто: интеллигенты – не матершинники, а люди попроще – матершинники. Но в том-то все и дело, что данная формула не работает, что лично я встречал на своем жизненном пути «одуванчиков» в самых разных слоях общества. В самых разных. Бригадир сибирского спецсезмлесхоза, московский водитель, подмосковный чиновник-архитектор, мои двоюродные братья (легкоатлет, математик, офицер, предприниматель), несколько бизнесменов, профессор психологии, механизатор из нижегородской глубинки, пенсионер, ушедший на отдых со стеклодувного заводика во Владимирской области... Я лично знаю еще человек двадцать, которые мат не приемлют в любом исполнении в любой компании. Какие упрямые люди! Им «классики» русской словесности и другие видные люди открыто говорят, видимо, добра желая: «Материтесь себе на здоровье, ничего в этом зазорного и стыдного нет!». А они стыдятся. И не считаются с ними нельзя, потому что это – наши люди, соотечественники. Живется им очень трудно сейчас, когда пешеходная молодежь почти вся изматерилась, когда словесная грязь, повторюсь, наваливается на них, молча робеющих... Я далек от законодательных амбиций, но как-то нужно обустроить житие этого социального меньшинства. Люди-то они в целом хорошие. Во всяком случае, гораздо лучше других разных меньшинств, обласканных и обществом, и государством.

Александр Терехов. Немцы. Москва: «Астрель», 2012.

Писатель Захар Прилепин так отозвался о романе Терехова, получившем премию «Большая книга» за роман «Каменный мост»: «Немцы» – один из самых важных романов, написанных в России за последние годы. До какого-то времени мы догадывались, что власть в России может быть дурна и тошнотворна, а человек, попавший во власть, меняется, и не в самую лучшую сторону. Но никакое журналистское расследование, никакая публицистика не способна передать того метафизического ощущения морока, ужаса и подступающего ада, которое способна передать литература. Лучшие диагнозы времени, как ни крути, ставили Достоевский, Толстой, Горький, Шолохов, и именно благодаря им мы понимаем те времена во всей полноте. Я совершенно спокойно помещаю Терехова в этот список. Это великий писатель, и о том, как мы жили и что с нами происходило, будут судить по его книгам. А у нас есть отличная возможность посмотреть в зеркало прямо сейчас».

НОВЫЕ КНИГИ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Николай МИТЮКОВ

доктор технических наук,
профессор Камского института
гуманитарных и инженерных технологий,
Ижевск

ЮБИЛЕЙ, ОСТАВШИЙСЯ НЕЗАМЕЧЕННЫМ К 50-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «МОДЕЛИСТ-КОНСТРУКТОР»

В августе 2012 года журнал «Моделист-Конструктор» отметил свой золотой юбилей, оставшийся незамеченным обществом. Но для советских мальчишек, родившихся в 60-е, это был больше, чем просто журнал. Он буквально сопровождал нас по жизни.

В психологии есть такое понятие: «импринтинг» (запечатление). Хороший пример импринтинга – утенок, воспринимающий первое увиденное в жизни живое существо как мать и готовый следовать за ней хоть на край света. Но так бывает и с человеком. Многие отмечают, что их дальнейшую жизнь предопределила случайно прочитанная книга, увиденный фильм или памятная встреча.

Сейчас с самых высоких трибун рассуждают о причинах падения престижа инженерных специальностей, ведь не секрет, что наиболее талантливые школьники идут учиться в основном на юристов и экономистов. А как иначе? Запечатление сейчас происходит по материалам либо уголовной, либо финансовой хроники.

А ведь еще лет тридцать-сорок назад создавались прекрасные фильмы о жизни авиаконструкторов, на экране укрощали атом, летали в космос... И даже в том фильме «Чкалов», который смотрели мы, а не

в том, который смотрели наши дети, упор сделан не на пьянстве великого летчика, а на его героические свершения...

Как сейчас помню, бегая по двору с товарищем, мы нашли за соседскими гаражами выброшенные кем-то журналы «Моделист-Конструктор». Отпечатались в памяти цветные, на всю страницу картинки самолетов. Так что уже в начальной школе я твердо знал, что буду обязательно поступать в Московский авиационный институт и непременно на специальность «Самолетостроение».

А пока годами не вышел, надо читать и творить, чтобы быть готовым к реализации своей мечты. Классе во втором или третьем я явился в детскую библиотеку имени Гайдара и попросил какую-нибудь книгу по аэродинамике. И мне дали повесть Владислава Крапивина. До сих пор где-то в потемках подсознания живет чувство обмана! Хотя главный герой и сделал самолет, книга не содержала никаких технических подробностей! Впрочем, я потом взял свое, купив на небольшие карманные деньги в «Технической книге» пособие по авиамоделизму. Я прочитал его запоем, несмотря на многочисленные графики и формулы. Так что когда мы начали изучать в школе ме-

ханику, все это уже было для меня давно пройденным материалом!

С детства я рос, как говорится, «маменькиным сыночком», и потому для родителей стало полной неожиданностью, что моим самым закадычным другом стал соседский хулиган Миша Жуков. Сколько раз мать запрещала мне с ним играть, общаться, ходить к нему в гости, но все без толку! И бегали мы с ним по крышам, пугая голубей, залезая на головокружильную высоту по еле закрепленной на стене пожарной лестнице, и обкидывали оттуда друзей во дворе голубиными яйцами. А как иначе? Ведь Миша был для меня непререкаемым авторитетом! Существенным подтверждением этому была имевшаяся у него дома подшивка «Моделистов» за пару лет.

Невольно завидуя его богатству, я постепенно начал перерисовывать картинки самолетов, имевшихся на страницах журнала. До сих пор в домике на огороде хранится этот детский блокнот, где от страницы к странице изображения становятся все более уверенными и точными. Так что, поступив через много лет в институт, я уже имел прочный навык черчения и рисования.

А как мы зачитывались «моделистовскими» очерками! Ведь ни Вильсона, ни Корбетта тогда в магазинах не продавали, так что об адмирале Сервера или капитане Пратте мальчишки моего поколения впервые узнали именно со страниц этого журнала. До сих пор помню свое детское чувство досады от того, что испанцы так и не смогли уйти из осажденного Сантьяго. И потому помещенное по ошибке в «Морской коллекции» «Моделиста» изображение трехтрубного утюгообразного крейсера «Инфанта Мария Тереса», как оказалось потом, не имевшего ничего общего с настоящим кораблем, я терпеливо перерисовывал потом десятки раз, и почти всегда на этих рисунках Сервера пробивался к заветной Гаване.

Заинтересовав ребят со двора, мы начали разыгрывать настоящие морские бои, раз от раза усложняя правила, делая их все более приближенными к действительности, – увлечение, спустя десятки лет воплотившееся в моей докторской диссертации...

Но, оказывается, не одни мы зачитывали до дыр «Моделист». Классе в седьмом или восьмом я с новой стороны узнал директора нашей школы Владимира Ивановича Хохрякова. Оказывается, он тоже выписывал и читал «Моделист»! Обнаружив в нас родственные души, он предложил заняться в школе судомоделизмом. Разумеется, единственными чертежами, которыми мы располагали тогда, были чертежи из любимого журнала.

За несколько лет мы создали десятки моделей от почти двухметровых «Максима Горького» и «Красного Кавказа» до «МОшек» и катеров, помещающихся в ладошке. Зато потом ни у кого из нашего кружка не было проблем с пространственным воображением. Глядя на институтских двоечников на занятиях по начертательной геометрии, я не мог взять в толк, как они не могут представить, например, конус, разрезанный кубом.

Помню, с каким нетерпением ждал я очередной номер, скрестив пальцы левой руки перед проверкой почтового ящика. А уж в школе мы соревновались между собой, кто более информирован по вопросам, касающимся боевой техники. И нередко истиной в последней инстанции звучало: «Да-да, именно так в «Моделисте» писали!».

Было времечко...

А еще мы играли «в названия»: надо было придумать имя корабля, начинающееся с буквы, на которую закончилось название у предыдущего игрока. Эти словесные баталии могли продолжаться не один час, ведь каждый читал свежий номер «Моделиста» не по одному разу и запоминал его чуть ли не наизусть.

Уйдя в армию, я очень скучал по любимому журналу. Родителям при этом строго-настрого наказал выписывать его: дескать, вернусь – все прочитаю. Служил я в Туркестанском военном округе, где до ближайшего города приходилось добираться на междугородном автобусе. На втором году службы я, наконец-то, впервые получил увольнительную. По предложению сослуживцев поехали мы в небольшой узбекский городок Янгиюль. Когда на центральной улице я увидел библиотеку, радости моей не было предела: ура, наконец-то я смогу посмотреть «Моделист» за эти полтора года! Мои товарищи радости моей не разделили и, повертев пальцем у виска, весьма прозаически отправились за «чешмой» – узбекской водкой...

Общаясь со сверстниками, я обратил внимание, что многие из них могут относительно бегло читать по-польски. В «застойные» времена отсутствовала литература по истории боевой техники, а то, что издавалось, имело бестолковые картинки с дурацкими подписями вроде: «Современный советский самолет». Западные журналы тогда были недоступны. Что тут скажешь? Даже свободно продаваемые «за бугром» справочники Джейна у нас имели гриф «Для служебного пользования». И только польские издания типа «Моделяжа» или «Може» иногда публиковали интересную информацию. В этой ситуации только «Моделист» и, в меньшей степени, «Техни-

В редакции «Моделиста-Конструктора» с выпускающими редакторами «Морской коллекции» Сергеем Балакиным и Александром Дашьяном. Лето 2005 года.

ка молодежи», издаваемые на русском языке, давали пищу для размышления, что, конечно же, было для нас очень важно.

Когда с падением «железного занавеса» наконец-то исчезли преграды для получения информации, помню, что испытал буквально культурный шок, в первый раз увидев справочник Конвея. Но реакция моя в этой ситуации была не совсем стандартной. Самая моя большая радость была от того, что теперь и я смогу написать что-то вроде «Морской коллекции» «Моделиста». И ведь написал же, и даже отправил на Новодмитровку! А уж когда почтальон принес письмо с логотипом «Моделиста-Конструктора» вместо привычного рисунка на конверте, я был просто счастлив! Ведь в нашем юношеском воображении Смирновы, Балакин, Кофман и другие были настоящими небожителями.

До сих пор храню письмо Сергея Балакина. Вот что значит письмо мастера! Отказом можно обидеть так, что опустятся руки, а тут, с одной стороны, вроде бы пришел отказ, а с другой, – настоящий заряд на продолжение начатого дела. Может быть, именно поэтому эта моя статья спустя пару лет была все же опубликована, но уже в свердловской газете «Семь с половиной футов», став моей первой «флотской» публикацией, разошедшейся позднее по

просторам Интернета. Отец мой с большим удивлением тогда несколько раз ее прочитал, а потом с иронией изрек, что тут написано про него. И, глядя в мои удивленные глаза, показал то место, где было напечатано отчество автора. Как говорится, сбылась «мечта идиота», попал-таки на страницы журнала!

Уже лично познакомившись с Сергеем Балакиным, я как-то предложил ему свою последнюю работу об испанских крейсерах. Надо отдать должное, Сергей тогда решил рискнуть – ведь до этого материала журнал публиковал лишь статьи о кораблях флотов великих государств. А тут – и Испания не самая великая морская держава, и крейсера типа «Мендес Нуньес» оставили не очень заметный след. Но он признался потом, что не прогадал...

Смотрю на сжимающиеся как шагреньевая кожа тиражи «Моделиста» и думаю: не имеет он уже такой популярности у молодежи, как раньше. А как иначе? Ведь импринтинг никто не отменял! И потому не надо сетовать о старении инженерных кадров – надо целенаправленно, прямо со школьной скамьи прививать детям эстетику техники и техническое творчество. И опять начать издавать миллионными тиражами не «глянец», а такие журналы как «Моделист-Конструктор».

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Владимир МИХАЙЛОВ

поэт, журналист,
член Союза писателей России,
Ижевск

В мае 2012 года исполнилось 55 лет со дня рождения Владимира Пантелеевича Михайлова – поэта, журналиста, переводчика. Заслуги Владимира Михайлова в области радиожурналистики и литературы отмечены Почетной грамотой Госсовета Удмуртской Республики, значком «Серебряное перо» Союза журналистов России, он удостоен почетных званий «Заслуженный журналист» и «Заслуженный работник культуры» Удмуртской Республики, назван лауреатом республиканской литературной премии имени Владимира Романова. Журнал «Италмас» поздравляет юбиляра и желает ему новых творческих свершений.

«БУДУ ПОМНИТЬ ЛИШЬ ХОРОШЕЕ...»

Стихотворения в переводе Анатолия Демьянова

* * *

Нет в луготравье италмаса краше –
Душа цветка певуча и чиста...

Года меня все чаще манят в наши
Заласканные солнышком места.

Там тополи, раздавшиеся броско,
Ведут листвою старинный мудрый сказ,
И как невеста, девушка-березка
В сережки нарядилась напоказ.

Там осенил ольховник берег пруда,
И в час, покуда тени не длинны,
Приятно ощутить благое чудо
Вокруг тебя танцующей волны.

Всего там дал создатель полной горстью –
Малины, земляники и грибов...
Я ворочусь туда отнюдь не гостем –
Меня как сына примет отчий кров.

Соловый полдень, ночи вороны...
Зовут меня незримые уста
На южный кон Удмуртии, в родные
Заласканные солнышком места.

Размышления на перроне

«Ижевск–Можга» весьма
смиранный поезд...

Но он-то уносил меня в бега
На возрасте, когда нам всем по поясу
Любая топь, любая грусть-туга.

Студентом, в чувствах гордости
законных

Я ехал, будто в лавровом венце,
И было в этом поезде знакомых –
Как семечек в матером огурце!

Взаимны и восторженны приветы
На перекличке
дружеских имен.

...А нынче на перроне больше нету
Знакомых по прошествии времен.

Им, как и мне, повыдались кочевья,
Судьба у бела света на краю...
Зовет гудок.

Состав по назначенью
Уже не в юность движется мою.

Но за окном вальсирует природа,
Бегут вдогон за поездом леса.
У юного вагонного народа
Звонки на переключке голоса.

Им время жить.

Им в долю светит солнце,
И всходят яровые зеленыя...
А где-нибудь далекие знакомцы
В пути-дороге вспомнят про меня.

* * *

Горе, и камень, и землю расколет –
Все превозможет терпенье людское.
Удмуртская народная песня

Июльским полднем камень накаленный
Блуждающая тучка окропит –
И звучным треском
камень непреклонный
О собственной кончине возвестит.

Расколет зноя тяжкая хвороба
Нагие одичалые поля:
Лишь политая потом хлебороба
Рождает, благоденствует земля...

Терпенье одиночки иссякает –
Терпенье Камы шире и длинней! –
Коль путник, как цыган в степи,
блуждает
Глухою тьмой без таборных огней.

И смерть красна, известно, на народе,
А жизнь освещена, как тьма, лучом,
Коль давний друг, по духу –
кровный родич,
Поддержит в горе словом и плечом.

Коль он с тобой, утроится терпенье,
Коль он с тобой, надежда полнит грудь,
Сливаются в одно
сердцебиенья,
И камень крепок, и подъемлем путь.

* * *

Дорога торопится в горку...
Ах, скоро в родимом дому
В миру наскитавшийся горько
Я теплую печь обойму.

И печка приветом обнимет...
Мороз, убираясь тайком,
Из пальцев настуженных минет
С последним, на память, щипком.

А мама, как в детстве, далече,
Меня оттеснит от печи:
– Теплее печи перепечи,
Пока на столе горячи...

Табани с зыретом – о, Боги! –
Во рту запюют соловьи...
Мотаю с клубочка дороги
Заветные грезы мои.

* * *

Когда вверху сомкнет круги несчастье
И коршуном нацелится в лицо,
Не поддавайся мыслям черной масти:
Иссякнет зло, уйдет в конце концов.

Когда твой кров в ладонях стиснет горе,
Придет пугнуть костлявая с косой,
Покличь друзей – и помощь переборет
Излом судьбы, изгиб ее косой.

Необратима лишь утрата веры,
Что в небе есть счастливая звезда, –
Вот это пропасть без конца и меры,
Провал в ничто, лавина в никуда.

Но и тогда противься наважденью,
Еще не все потеряно, пока
Есть силы удержать твое паденье
Добро собрата, дружная рука.

* * *

Казусы меня, бывало, метили,
И в раздумьях холодом мело –
Только это давнее трехлетие
На душу огранку навело.

Тут мое начало необманное...
Спит деревня, за день приуостав,
Покрывало, шитое туманами,
Детски по лощине разметав.

Не взбужу и не добавлю бремени:
Я тебя и раньше не будил,
В стародавнем,
как полночным временем
По уснувшим улицам бродил.

Исполать, отрада Лековая,
Глас былого, трепетная тень...
Как-нибудь приеду, побываю,
А пока – зовет грядущий день.

Лековой

Сладко спит моя деревня,
Милый сердцу светлый край.
Здравствуй, мир удмуртский, древний –
Деревушка Лековой.

Приютила на три года,
Стала вехою в пути.
За промашки, я не гордый,
Повинюсь, а ты прости.

Были добрые улыбки,
Радость встреч и боль обид.
Вспомню прошлые ошибки,
И окрасит щеки стыд.

Как девчонка одеяло,
Сбросив в лог туман седой,
Предо мною ты предстала
Чистой, светлой, молодой.

Твой покой не потревожу,
Сонной улицей пройду,
Все былое подытожу –
Свою радость и беду.

Буду помнить лишь хорошее,
Пусть дурное сгинет в тень.
За спиной оставив прошлое,
Ухожу я в новый день.

Кузнечик-швец

Выйдешь в летнюю пору на берег Валы,
Многоцветие трав –
 как парчовая скатерть.
С первых ранних лучей и до поздней поры
Шьют кузнечики лугу цветастое платье.
Буйство красок зеленых здесь
 ранней весной –
Изумруд, малахит
 на раздольных просторах.
И стрекошет кузнечик, веселый портной,
Вышивает цветов золотые узоры.
Лето красок плеснет неземной красоты
По всему побережью от края до края –
Эфемерны, как сон, над цветами цветы,
Танец бабочек
 над луговым разнотравьем.
Выйдешь в летнюю пору на берег Валы –
Стрекот швейной машинки
 над вольным покоем,
Это с первых лучей и до поздней поры
Вышивают кузнечики платье цветное.

* * *

Ничто не в силах помешать катиться
Событий и свершений череде.
Кружусь и я – их малая частица,
Лишь атом бытия в его страде.

Вершит Земля свое коловращенье,
Меняя отжилое новизной,
Утратив, не попросит возмещенья
Всего пылинки, частички одной:

Приметна ли утрата доли малой?
О, сколь она приметна, если в ней
Судьба людская, чья звезда упала
С небес и растворилась среди теней!

Пускай на каплю туча стала скудной,
Бедней на италмас – цветущий склон.
И, может, хоть на малую секунду
Земная ось изменит свой наклон.

За все утраты будущее спросит,
Великие ли, малые – за все!..
Я сам сейчас тружусь земною осью
Коловращенья в жизни-колесе...

Фотографии в рамках

Эти старые снимки –
 былому потрафить –
В деревенской избе
 на приставке рябят.
И глядят неотрывно
 очью фотографий:
Даже в «пятом углу»
 не упустят тебя...
Отвечайте и вы
 неуклончивым взглядом,
Очи в очи,
 себя постигая самих.
И минувшие судьбы
 становятся рядом,
Ибо снимки из прошлого –
 зеркало их.
Эти слепки и тени
 уже не отринуть,
Хоть немалые годы
 меж нами галдят.
Отрешенно и мудро
 из рамок старинных
Наши дедушки-бабушки
 в наше глядят.
Им следить, чтоб не мыкались мы
 оробело,
Чтобы кровь их и в нас
 клокотала ключом.
Им глядеть,
 чтобы ими начатое дело
Мы не смели порушить
 нигде и ни в чем.
Не спешите ж предать их
 могильным оградкам –
Пусть в простенке еще
 поживут, погодят...
Пожелтелые снимки
 померкнувшим взглядом
Прямо в душу твою,
 словно судьи, глядят.

ПЕРЕВОДЫ

Галина РОМАНОВА

поэт, прозаик, драматург,
лауреат национальной литературной
премии имени Ашальчи Оки,
Ижевск

КАТЯРОВА ИЗБА

Рассказ

В нашей деревне была Катярова изба. Называли ее так по имени первого хозяина. Самые первые познания о мире за порогом нашего семейного жилища я получила именно там. Там познакомилась и подружилась с Иви, который жил по соседству. Его бы воля – и дневал, и ночевал бы у нас. Перед уходом на работу мама варила для нас с годовалым братишкой целый чугунок картошки, а уходя, каждый раз наказывала:

– Из дома не выходите, доченька. Холод сегодня ой-ей какой!

Потом, накинув замок, убежала. Дескать, заперто. Не успеет ветер мамин след замести, как появляется Иви. Дома, проснувшись, первым делом заявлял своей маме: «Я к нашей Гале побежал». Взрослые подсмеивались и поддразнивали: «Нашей и будет, наверное, сынок, нашей».

В какие только игры мы не играли с Иви! Добрый, уступчивый, сообразительный, он даже не пытался верховодить над мной и ни в чем мне не перечил. Я души в нем не чаяла. Нам нисколько не надоедало играть друг с другом изо дня в день, не ссорясь и не споря. Картошка из чугуна в скором времени исчезала. Возвращаясь поздним вечером с работы, мама не то шутила, не то упрекала:

– Никак у нас опять гостевал наш Иви? Потом мама снова растапливала же-

лезную печку буржуйку, снова наполняла тот чугунок картошкой и ставила его над сильным пламенем. По холодному дому ползли-плыли теплые воздушные волны, распространяя запахи доваривающейся картошки. Ужинать мы садились втроем: я, мама и братик, который сидел на коленях мамы. Я немного завидовала ему, но молчала: я ведь большая – мне четыре года.

Так было и утром, и в полдень, и вечером изо дня в день – картошка, картошка, картошка... Она у нас была мелкая-мелкая, с лесной орех, и мы ели ее вместе с кожурой. Да и откуда ей быть крупной, когда скотины, кроме козы Малышки, у нас не было. Папа в армии служил, мама одна с нами мучалась. Иногда на столе появлялся хлеб. Каким же вкусным казался он нам! Подбирали со стола до последней крошечки.

Коза Малышка была моей любимицей, и я старалась доить ее сама. Если мама утром не будила меня доить Малышку, я капризничала и иногда даже плакала. Не зная, как поступить, мама козу сама исподтишка доила, а мне оставляла немного молока – додаивать. Уличив подлог, я опять капризничала. Мама меня успокаивала, мол, вечером все сама выдою, а сейчас козу надо в стадо угнать.

Я с Малышкой разговаривала как с человеком, ласкала ее, даже песню напевала.

Малышка и впрямь была маленькая, потому и молока давала немного. Так и осталось для нас загадкой, как маме удавалось исхитриться еще и сливки снимать, и сметану собирать.

Однажды, усадив нас за стол, она вышла в чулан и вернулась, неся полную четверть молока. Поставив ее на стол, сказала:

– Сейчас я для вас стану сбивать армян.

Я этот армян стала ждать с нетерпением. Никогда не знала его вкуса. И вот мама начала сбивать. Она встряхивала и встряхивала бутыл, время от времени поворачивая. Содержимое бутылки пенилось, становилось жиже. К стенкам бутылки начали прилипать мелкие крупинки, к ним – другие крупинки. А вот уже и комочек словно желтый-желтый мягкий клубочек.

Мама слила армян в небольшое ведерко. По поверхности комочками – масло. Я не утерпела и, присмотрев прибившийся к краю маленький комочек, поймала его пальчиком – и быстренько в рот. Мама не отругала, только спросила:

– Вкусно?

А я, словно язык проглотила, слов не находила, только чувствовала, как желтенький комочек, плаваясь, обдаёт меня горячим теплом. Мама, вздохнув, сказала:

– С маслом, говорят, и лапоток съешь за милу душу. Вот вернется наш папа из армии, мы каждый день сможем досыта есть не только картошку, но и хлеб с маслом.

Назавтра с утра пораньше снова пожаловал все тот же мой Иви. Мне захотелось похвастаться перед ним, что я оставленное мамой масло с картошкой ем. Иви как ни в чем не бывало сказал:

– У нас в чулане целый сундук масла стоит.

Неужто такое бывает? Полный сундук масла! Я спросила Иви, почему же они не едят такую вкуснотищу.

– Нам мама дает по чуть-чуть попробовать. Остальное, говорит мама, на базар надо отвезти.

О базаре я тогда еще понятия не имела, но не хотелось себя показать незнайкой перед Иви:

– Этот базар, наверное, большой-пребольшой дядя, раз один может столько масла съесть.

Иви не знал, что сказать, только плечами пожал.

Однако в Катяровой избе мы только раза три-четыре успели полакомиться маслом. Пришли откуда-то мужики и сказали нашей маме:

– За вами накопился большой долг по налогу за мясопоставки. Надо расплачиваться, срок вышел.

– Да какой с нас налог? У нас всей скотины – единственная козочка, – пыталась оправдаться мама.

– В таком случае придется нам забрать ее в счет погашения налога.

Мама, побледнев, опустилась на крыльцо, прижала руки к груди. Она пыталась что-то сказать, да только губы дрожали. Да и что она могла сказать? Понимала: не отдать Малышку нельзя.

Черная воронья стая в сапожищах направились к хлеву, к нашей Малышке. Не помня себя, я обогнала их, обняв Малышку за шею, прижалась к ней:

– Не дам, не дам Малышку. Не да-ам!..

Мужчины замерли на месте, не дойдя до нас с Малышкой. Потом спохватились и стали успокаивать меня: мол, другую приведут козу.

– Мне не нужна другая! – говорила я и плакала.

Холодные жесткие руки, разжав мои объятия, оторвали меня от горячей, дрожащей Малышки и понесли в дом. Следом за нами второй дядька тащил со двора упиравшуюся Малышку. «Забирают, забирают, забирают!..». На всем белом свете не было несчастнее меня.

В Катяровой избе я впервые узнала, что такое смерть. Старший брат отца, который прошел всю войну, заболел туберкулезом и умер. Своей семьей он так и не обзавелся, я была для него самым родным существом. Он звал меня дочкой, брал на руки, одаривал пряниками. Отец служил в армии, и он заменил мне его. Я его звала дядя Миша.

Хоть и болел, без дела не сидел. Из простой соломы делал для меня кукол, ларчики, сундучки. Однако самым интересным для меня был его фотоаппарат. Чтобы сфотографировать, меня попросили посмотреть на предмет, стоящий на трех ножках. Я нарочно упрямылась: то язык высовывала, то руками махала, то под ножками фотоаппарата бегать начинала. На одном из снимков дяди Миши я так и стою: смотрю куда-то в сторону с высунутым языком.

Как-то я играла на лужайке перед Катяровой избой. Подошла мама и сказала:

– Пойдем, дочка, со мной. Дядя Миша скончался.

До этого мне еще не приходилось встречаться со смертью. Эта весть повергла меня в ужас, мне стало страшно. И я заплакала, как не плакала никогда. Рыдала, захлебываясь слезами.

Дядю Мишу понесли хоронить на Булайское кладбище. И я плакала, плакала и плакала, не переставая. Мама и односельчане пытались меня унять, успокоить. Но от этого я плакала еще больше. Пережи-

Лауреат Государственной премии Удмуртии Менсадык Гарипов. Конь.

тый ужас той утраты и по сей день живет во мне. Тот плач, те слезы я ощущаю в своей душе как нарыв.

Мы все-таки дождалась отслужившего отца. Вся деревня дружно собралась на «помочь» и поставила нам избу на Онинной улице. Из Катяровой избы мы жить туда переехали.

Наша дружба с Иви сама по себе сошла на нет. Онина улица была далековато от его дома. Иви мне заменила бабушка. Бабушкин дом тоже стоял на Онинной улице.

У бабушки мне было так хорошо, что я готова была вовсе не уходить от нее. Она меня угощала и медом, и хлебом с маслом. И разговаривала со мной на равных. В грозу, когда в небе набегали тучи и гремел гром, она говорила:

– Видишь, это Илья-пророк силу свою проверяет. Он на небе живет, Илья-то пророк. Оттуда ему все как есть видно. Вот будешь себя плохо вести, сотворишь что-то худое, и тебя достанет молниевой плеточкой. Вишь, как вжикнул кого-то. Господи, прости!

Сверкало, громыхало. От страха я прижималась к бабушке.

– Не бойся, родная. Ты ведь девочка добрая, хорошая.

Я с завистью смотрела на внуков нашей бабушки – моих двоюродных братьев и сестер. Я с ними общалась, играла, но мы часто ссорились. А матери говорила:

– Мама, давай нашу бабушку жить с нами попросим.

– Я бы хоть сегодня ее к нам привела, да не отпустят ведь.

Один раз я бабушке рассказала про Иви, хочу, мол, с ним играть. Бабушка меня остановила:

– Не водись с ним. Вся семейка их как есть бессовестная – хапуны, жадюги.

– Да нет, бабушка, – возразила я. – Иви не такой, он хороший. Знаешь, как он меня называет? «Наша Галя», вот!

– Ой ли?! На осине да чтоб яблоки налились?оборотни они, вот кто, лентяи. Скольких односельчан оговорили да по миру пустили, раскулачили. На людском горе жируют, некошны. Держись от них подальше.

Я мало что поняла из бабушкиных слов, но ее болезненная неприязнь оказалась сильнее моей привязанности к Иви.

Через много-много лет наши пути снова пересеклись. Повзрослев, мы, пятеро сестер и братьев, покинули отцовский дом и уехали в город. Иви, женившийся на одно-

сельчанке, тоже перебрался сюда. После того, как я покинула деревню, бабушка прожила всего три года.

Все мы крепко встали на ноги, когда у мамы вдруг случился инсульт. А когда не стало мамы, отец растерялся, потерялся совсем. Не прошло и полгода после маминой смерти, как отец привел в дом мачеху, мать жены Иви. Вначале вроде нормально жили, потом отец чаще и чаще стал жаловаться: мол, смотреть гладко, да внутри пусто.

– Где найдешь такую, как твоя мать, доченька? – глядя куда-то в сторону, со слезами на глазах говорил отец. – Вначале мне умереть надо было бы. Оставила меня горевать.

Отец с новой женой прожил недолго – заболел. Перед смертью он сказал мне:

– Во сне видел твою мать, доченька. Как будто солнечным днем косим мы с ней на лугах. Наверное, к себе зовет. – Потом глубоко вздохнул: – Ой, доченька, какой же я неверный шаг сделал: мы ведь с твоей мачехой расписались, теперь все хозяйство ей и ее детям достанется.

– Зачем же, папа, вам, уже немолодым, расписываться надо было?

– Сглушил, доченька, сглушил.

Мы очень долго и дорого расплачивались за это решение отца. Всеми правдами и неправдами эта женщина сумела оставить нас без дома, без участка, без надела, без сбережений.

Катярова изба...

Именно там пережила я свои самые сильные первые потрясения, первые невосполнимые утраты. Отсюда началось и познание радости дружеского общения, которое позднее обернулось душевной болью. «Наша Галя» и «наш Иви» так и остались друг для друга там, в детстве. Хоть и встречались мы, но были уже чужими.

Перевод с удмуртского

Надежды Кралиной и Галины Баженовой.

Виктор ШИБАНОВ

поэт, критик,
литературовед,
Ижевск

Сонет

Я за тобою наблюдал,
И это видели рябины,
Краснели – и не без причины...
Ты не вошла во двор. Я ждал.

А палисадник все молчал.
Рябины рдели. Я стоял
И понял по щекам рябины:
Мои надежды воплотимы.

Свидетель стыд свой не скрывал.
Но выдержит ли он до срока?
Слабеют листья – уж недолго
Им так краснеть. Ты ж будь терпима.

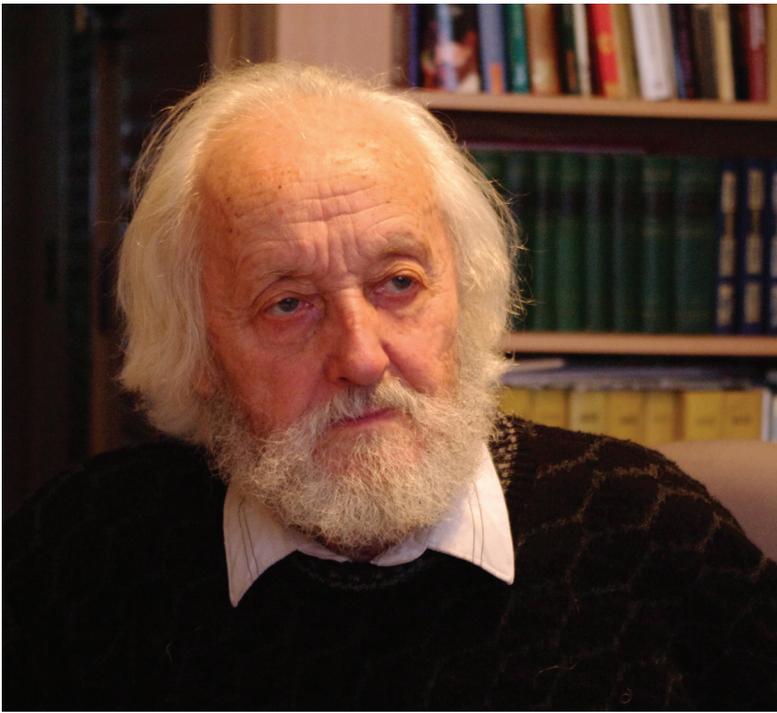
Рябина сбросит лист – и спать,
Но долго ягодам пылать...

Перевод Юлии Разиной

НОВЫЕ КНИГИ

Агота Кристоф. Толстая тетрадь. Москва: «Амфора», 2012. «Толстая тетрадь» была названа критиками «самым безжалостным текстом XX века». Роман швейцарской писательницы, написанный на французском языке, представляет собой дневники двух близнецов, которые они ведут в приграничном венгерском городке во время и после Второй мировой войны. Кристоф рассказывает правду не столько о войне и советской оккупации, венгерской революции и последующей реакции, сколько правду о душе человека, о человеческом сердце и его ранах. Роман удостоен престижной премии «Почетная лента франкофонии».

Илларион СОРОКИН

ветеран труда,
бывший заместитель редактора
газеты «Ленинский путь»,
Воткинск

И МУЗЫ, И ПУШКИ

ОЧЕРК ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА. ВОТКИНСК. 1940–1945

Предварительные замечания

Существует заблуждение, что в таком захолустье как Воткинск никакой культурной жизни быть не могло. А зачатки культуры завезли к нам эвакуированные киевляне, сталинградцы и ленинградцы. Разумеется, с притоком образованных и общественно-активных людей из больших городов культурная жизнь воткинцев обогатилась. Но означает ли это, что в нашем городе не было своих культурных корней?

У истоков любительского искусства в Воткинске стояли два общественных центра: светский («Воткинское общество любителей музыкального и драматического искусства имени композитора П.И. Чайковского») и духовный (Благовещенский собор). Здесь последний руководитель церковного хора Г.Д. Давыдов организовал первую в городе детскую хоровую школу. Светский центр просуществовал с 1908 по 1918 год, духовный – до разрушения собора в 1929 году.

Укреплению классических позиций в любительском искусстве содействовала профессиональная труппа Воткинского городского театра (1930–1939 годы) и сменившая ее труппа театра музыкальной комедии. Артисты не только давали спектакли, но и руководили драматическими круж-

ками в школах, клубах, заводских цехах и отделах – увлечение театром в Воткинске было всеобщим!

Следует помнить о том, что любительское искусство, художественная самодеятельность тогда рассматривались как средство коммунистического воспитания и удерживались в тесных идеологических рамках. Проведение ежегодных смотров художественной самодеятельности определялось совместными постановлениями ЦК профсоюзов и ЦК комсомола.

Накануне

Население Воткинска к началу войны составляло немногим более 39 тысяч жителей. Из них около шести процентов были неграмотными. Издавались газеты «Ленинский путь» тиражом шесть тысяч экземпляров и «Воткинский рабочий», тираж которого был всего тысяча. Имелось четыре основных культурно-просветительных очага: городской драматический театр (позже – передвижной театр музыкальной комедии), клуб имени Ленина, клуб национальных меньшинств и клуб пионеров. В городе работал радиоузел и два звуковых кинозала. (Воткинск. Документы и материалы. 1758-1998. Ижевск: «Удмуртия», 1999. Док. №139, с 213).

Для наиболее полной оценки состояния любительского искусства и культурно-просветительской работы перед войной возьмем 1940-й год: год 100-летия со дня рождения П.И. Чайковского – последний довоенный рубеж культуры.

Подготовкой очередного смотра художественной самодеятельности (балет, вокал) занимались артисты театра музкомедии Брижинский, Зацепин, Ремизова, другие. В смотре приняли участие более четырехсот одаренных воткинцев различных возрастов. Наблюдалась любопытная особенность – обилие семейных пар среди любителей: братья Казанцевы, Логиновы, Щекотевы, сестры Колеватовы, Кайсины, брат и сестра Логиновы, супруги Азябины, Жидковы... Городской духовой оркестр под управлением Анатолия Ивановича Вицина включил в свой репертуар фрагменты из опер и балетов П.И. Чайковского. Исполнялись они обычно на открытой эстраде, по вечерам.

30 апреля был открыт Дом-музей композитора с детской музыкальной школой. Назначенный его директором воткинский скульптор-самородок М.Х. Тутырин создал большой бюст П.И. Чайковского, который на долгие годы занял свое место у входа в музей. К сожалению, Дом Чайковского был закрыт 28 июня 1941 года – помещение передано под военные нужды.

7 мая в городе отмечался юбилей великого композитора с участием Свердловского симфонического оркестра и солистами Большого театра СССР.

В том же 1940 году в Ижевске был объявлен республиканский конкурс на лучшее исполнение произведений Чайковского. Первое место жюри присудило работнице Воткинского завода Н. Колеватовой, прошедшей школу пения у Г.Д. Давыдова. Второе место заняла домохозяйка из Воткинска А. Брысова.

Очевидно, что «культурная среда» в нашем городе существовала и до эвакуированных.

На главном направлении

С городских смотров художественной самодеятельности закрепилась практика больших сборных концертов с калейдоскопом жанров и исполнителей. 14 сентября 1941 года летняя эстрада собрала на такой концерт с обновленной патриотической программой до двух тысяч зрителей. Весь сбор от продажи билетов поступил в фонд помощи детям фронтовиков – возрождались традиции благотворительности и взаимопомощи.

Меньшую по объему, но неопределимую по значению роль взяла на себя школьная художественная самодеятельность: облег-

чить страдания раненых в эвакогоспиталях Воткинска. Талантливые дети стали желанными гостями в больничных палатах. Систематические смотры «молодых дарований» довоенных лет создали прочную основу организованного детского творчества. В декабре 1944 года был проведен конкурс на лучшее обслуживание госпиталя шефскими организациями. Жюри конкурса признало, что «особенно большая работа по созданию уюта и культурному обслуживанию бойцов и офицеров, находящихся на излечении, проведена школами №№ 8, 3, 17 и ремесленным училищем № 2».

Творческие силы

В Воткинске было размещено 11 188 эвакуированных. (Воткинск. Документы и материалы. № 146, с. 224). С притоком творческих сил прибывших в город предприятий возможности любительского искусства удвоились. Концертные программы приобрели два новых качества: красочный украинский колорит и эстрадную форму, что внесло разнообразие в тяготеющую к классике художественную самодеятельность Воткинска.

Однако традиции «высокого искусства» укрепились прибытием в город в сентябре 1941 года Клинского Государственного Дома-музея П.И. Чайковского, которым заведовал племянник композитора Ю.Л. Давыдов. Сотрудники музея занялись просветительской деятельностью – чтением лекций, организацией «музыкальных сред» и концертов мастеров искусств, среди которых был Генрих Нейгауз.

В массовых концертах определились три жанровых направления: уже освещенное традицией классическое – оно целиком укладывалось в требования официальной эстетики; столь же поощряемое народное; и, наконец, молодое, шумное и спорное эстрадное направление. Если два основных направления были представлены людьми старшего возраста, «наработавшими» технику, близкую к профессиональной, то эстрадное целиком принадлежало молодежи, страстной поклоннице Л. Утезова, часто переносившей на клубную сцену песни из репертуара великого мастера советской эстрады.

Коренные воткинцы и приезжие не делились на группы, избрав общей сценической площадкой клуб Машиностроителей – любимую воткинцами «Машинку».

Имена и жанры

Наиболее заметными последователями классической школы среди воткинцев были Н. Колеватова и А. Брысова. Среди приезжих выделялся главный конструктор ВМЗ Абрам Залманович Брайнин – опер-

Ветеран. Фоторабота Иллариона Сорокина.

ный бас, почему-то избравший профессию инженера. Коронным номером в его концертных программах была «Шотландская застольная» Бетховена.

Нельзя не упомянуть Анастасию Андреевну Пасову – учительницу биологии, театрального педагога, актрису героического амплуа, преданную поклонницу МХАТа и системы Станиславского. Ее стараниями была подготовлена молодая смена театрального коллектива «Машинки» – впоследствии Воткинского народного театра.

Народный жанр из наших земляков достойно представлял Павел Павлович Курочкин – виртуоз-балалаечник, последователь пропагандиста народной музыки композитора Андреева, имевший опыт сольных концертов. В этой традиции «приезжие» создали ансамбль украинской песни и пляски, не уступавший в мастерстве профессиональным коллективам. На эстраде Воткинска блистал баянист-эксцентрик Николай Васильевич Куткин.

Но музыкальной основой этого жанра на сцене стал джаз-оркестр завода под руководством работника 23-го цеха Игвана Бериева, композитора и джазового интерпретатора, в совершенстве владевшего и негритянским банджо, и итальянской мандолиной, и кавказскими щипковыми инструментами. С джазом всегда охотно пел А. Брайнин, а несколько позже – лейтенант медицинской службы М. Корницкая, обладавшая сильным сопрано.

Слабым местом воткинской сцены был конференс. Приезжая молодежь добавила ей живости и даже озорства. Программу теперь вели находчивые и остроумные З. Майман и Н. Гитес. Нашелся и отзывчивый на злобу дня автор частушек, пародий, стихотворных реприз И. Розенберг, приехавший из Сталинграда.

Театр

Здесь даже условному делению на «ваших» и «наших» места не было. Театр по природе – единый организм, он объединил актеров-любителей из коренного населения города и приезжих. Воткинский самодеятельный театр с 30-х годов успешно конкурировал с профессиональной труппой городского театра и к 40-м годам был известен в республике как серьезный творческий коллектив. Первый республиканский драматический театр, которым руководил С. Гляттер, шефствовал над воткинскими актерами-любителями, оказывая преимущественно режиссерскую помощь в подготовке спектаклей. Заслуженные артисты республики Гальнбек и Пастунов, артисты Загуляева, Хомутов вели творческие семинары, руководили драматическими кружками – любительский театр формировался и совершенствовался. Полюбившихся самодеятельных актеров, как земляков, так и приезжих, узнавали на улице: А. Азябина, А. Пасову, М. Грахову, А. Курктова, П. Мальцева, Ю. Шнейдера, А. Васильева.

Победный май

В мае 1945 года решением республиканского оргкомитета по проведению смотра художественной самодеятельности предприятий Удмуртии первое место было присуждено коллективу Воткинского машиностроительного завода. Для участия во Всесоюзном смотре были отобраны лучшие исполнители: вокалисты Колеватова, Брайнин, Абрамов, Медведева, Бродский, заводской джаз-оркестр и ансамбль украинской песни и пляски.

(По материалам печати).

ИСТОРИЯ

Наталья БЕЧКОВА

журналист,
Ижевск

ФРОНТОВАЯ СУДЬБА МИХАИЛА САФРОНОВА

«Царица полей» – так называли пехоту во время Великой Отечественной войны. Своими телами она устлала все наши дороги к победе. Сегодняшний рассказ – о пехотинце Михаиле Ивановиче Сафронове.

Михаил родился 25 августа 1925 года в деревне Помаскино Увинского района. Он был третьим сыном в семье Ивана Михайловича и Анастасии Ивановны. Хорошо учился, но школу так и не закончил: в декабре 1942 года был призван в армию и отправлен в военное училище города Воткинска. А было ему в то время 17 лет. Родителям было тяжело провожать последнего сына: двое старших братьев – Николай и Александр – ушли на фронт и не вернулись.

Через год, окончив училище, младший лейтенант был отправлен на передовую командиром пехотного взвода. Был февраль 1944 года. Группу, в которой кроме командира Сафронова было еще четыре человека, поставили в боевое охранение примерно в километре впереди основных войск: ни справа, ни слева – никого, впереди – немецкие войска. В группе были обстрелянные солдаты, Михаил был среди них самым молодым. В распоряжении боевой группы были станковый пулемет и противотанковое ружье. За распоряжениями, пищей и почтой командир ходил по ночам. Вместе с продуктами он приносил с собой «лимонки» – осколочные гранаты. От них впоследствии зависела жизнь каждого бойца группы. В один из дней ранним утром немцы начали артобстрел. Один из осколков разорвавшегося недалеко снаряда пробил кожух пу-

лемета и вывел его из строя. Отбиваться пришлось гранатами. Из тыла «поддали огоньку» – поддержали артиллерийским огнем, прикрывая товарищей. Бой продолжался несколько часов. Группа выдержала оборону, не потеряв ни одного бойца! Таким было боевое крещение восемнадцатилетнего лейтенанта.

Три месяца группа под командованием Михаила Сафронова находилась в боевом охранении, их сняли с поста в конце мая. Теперь молодому офицеру доверили взвод, в котором было тридцать человек. Вскоре началась передислокация войск. Перед наступлением в распоряжение Михаила поступило двадцать человек штрафников, среди которых были и бывшие офицеры.

Началась операция «Багратион» по освобождению Белоруссии, бои шли сутками от темна до темна. На том участке фронта, где довелось воевать Михаилу Сафронову, у противника было три линии обороны. Каждую траншею наступавшие солдаты брали в ожесточенной схватке. Немцы жестоко сопротивлялись, и после первого рукопашного боя взвод потерял около двадцати своих бойцов. Постепенно к взводу присоединялись солдаты из других отделений, где командиры были убиты.

Необыкновенно долгая для пехотинца фронтовая судьба сложилась у Михаила. Часто от пуль его спасала счастливая случайность. Однажды, ворвавшись в траншею противника, он бросился к немецкой землянке, оттуда раздался выстрел, но стрелявший в упор немец каким-то образом

Михаил Сафронов. Фотография военных лет.

промахнулся. Бежавший следом за Михаилом солдат бросил в землянку гранату, и путь вперед был свободен.

Ведя активное наступление, продвигаясь вперед, взвод Михаила Сафронова вышел к Западной Двине и закрепился на противоположном берегу реки. Оказалось, что переправиться и закрепиться удалось только ему. Связи с батальоном не было никакой, только поздно вечером командир полка узнал о местонахождении взвода, выдвинувшегося вперед основных войск. За отличное выполнение боевых задач во время операции «Багратион» Михаилу Сафронову вручили полководческий орден Александра Невского.

За время службы на фронте было немало курьезных случаев. Михаил вспоминает такой:

– Был у меня во взводе солдат родом из Западной Украины, часто жаловался, что тяжело ему нести оружие. Я ему помогал, нес его вещмешок или винтовку. После одного из боев увидел, что он обыскивает немецкие землянки. Хитрый был! Оказывается, я его вещмешок с трофеями таскал...

Или вот еще случай. В конце 1944-го я получил пополнение, это были солдаты

родом из Средней Азии, люди неопытные, необстрелянные. Принесли обед, за ним пришли все командиры отделений, но немцы начали артобстрел. Все бойцы в это время должны были находиться в траншеях на своих боевых местах. Командирам был дан приказ разойтись по своим позициям и открыть ответный огонь. Каждый на своем участке выполнил свою задачу. После боя я прошел по траншее и не увидел ни одного новобранца! Ни одного человека среди живых и ни одного – среди убитых! Не могли же взять в плен сразу тридцать человек? Куда все подевались?! Расспросил командиров – никто не знает: все были заняты обороной своих позиций. Оказалось, все мои новички драпанули в тыл. Там их, конечно, задержали и через несколько часов вернули назад...

После тяжелых ранений пять месяцев в общей сложности Михаил Сафронов находился на лечении в госпиталях. В одном из боев пуля прошла навылет рядом с сердцем. Поднимая взвод в атаку, получил осколочное ранение с травмой черепа – контузия осталась на всю жизнь. Третье ранение было в ногу. Михаил вспоминает:

– Мы были на окраине какого-то селения у деревянного амбара, когда нас остановил пулеметный огонь, который буквально «прошил» деревянное сооружение. Пуля вошла мне сзади в ногу, а я даже сначала не почувствовал боли. Нога отнялась: боли нет, а пошевелиться не могу. Меня отнесли подальше от амбара, насколько это было возможно, и уложили рядом с поленицей. И вот тут впервые за всю войну мне стало по-настоящему страшно! Рядом идет бой. От взрывов падают деревья, поленица рассыпалась, а я даже пошевелиться не могу! Три часа я лежал, прежде чем меня забрали в госпиталь...

Каждый раз после ранения его пытались увезти подальше в тыл, но он отказывался. Михаилу хотелось быть ближе к своим фронтовым товарищам. И это ему удавалось. Всю войну он прошел в составе 71-й гвардейской стрелковой дивизии. Победу встретил в Прибалтике в составе Курляндской группировки, основной целью которой было не выпустить немцев из окружения, держать их «взаперти».

За фронтовые заслуги перед Отечеством Михаил Иванович Сафронов был дважды награжден орденами Красной Звезды. Каждый год он с волнением встречает день Победы как самый главный праздник своей жизни.

Наталья СУРНИНА

ветеран труда России,
журналист,
руководитель литературного клуба,
Ижевск

ПРОСВЕЩЕННЫЕ ЛЮБИТЕЛИ

НАРОДНАЯ ИЗОСТУДИЯ ИМЕНИ АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВИЧА ХОЛМОГОРОВА

В наше время мастерская художника, выставочный зал, учебное заведение – разные вещи. Так было не всегда. В эпоху Возрождения во Флоренции Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, создал для жаждущих познания прекрасного художников сад на площади Сан Марко. По словам Вазари, одного из первых биографов Леонардо да Винчи, сад этот «был переполнен древностями и весьма украшен превосходной живописью, и все это было собрано в этом месте для красоты, для изучения, для удовольствий». Здесь функционировала целая школа под руководством ученика Донателло художника Бертольдо ди Джованни. Кроме того, здесь хранились многие рисунки, картоны, модели Донателло, Брунеллески, Мазаччо, фра Анджелико, фра Филиппо. Сады Сан Марко были для художников академией и в то же время местом непосредственной встречи и живо взаимодействия искусства древности и современности.

Подобные подходы к изобразительному искусству, синтезирующие знакомство с произведениями живописи, обучение и творческое развитие личности, возможны и в наше время. Один из путей реализации такого подхода – художественная студия. Есть такая и в нашем городе.

В 1986 году на производственном объединении «Ижсталь» была создана студия для взрослых. Первоначально она и располагалась в одном из цехов завода. И первыми студийцами были рабочие и инженеры

«Ижстали». Активное участие в организации студии принял Алексей Павлович Холмогоров – народный художник РСФСР и Удмуртской республики. С момента основания студию возглавил Валерий Павлович Елькин – член Союза художников России, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики.

В студию принимались и принимаются все желающие научиться рисовать – люди разных возрастов и профессий, разного уровня художественного мастерства. Многогранная художественно-педагогическая работа позволяет реализовать разные запросы проходящих в студию. Для старшеклассников, мечтающих поступить в вузы, изостудия стала своеобразным трамплином. Среди ее выпускников – студенты факультета искусств Удмуртского государственного университета, Ижевского государственного технического университета, Московского художественного института имени Сурикова. Многие из ребят продолжали занятия в студии параллельно с учебой в вузе.

Занятия в студии требуют умения концентрироваться. Два часа напряженной плодотворной работы – своеобразная медитация. Это не всегда легко дается людям, чей труд не связан напрямую с применением творческих способностей, чья жизнь иногда во многом состоит из бытовых или материальных проблем. Занятия живописью становятся для них не только средством развития способностей, но и возмож-

Народная изостудия имени Алексея Павловича Холмогорова.

ностью духовного роста. Такое применение творческой энергии – свидетельство духовной жажды.

Руководитель студии Валерий Павлович Елькин является духовным наставником студийцев по святому призванию к живописи. Он направляет учеников, тонко угадывая особенности развития каждого, не оказывая ни малейшего давления, тактично и осторожно. В студии царит равновесие разных возрастов и дарований, направлений и мнений. Художественная вольница успешно сочетается с академией, серьезной школой. Студия – не школа и не подготовительные курсы, здесь каждый идет по своей лестнице, восходящей или нисходящей (бывает, попеременно). Иногда студиец заканчивает занятие с отрицательным результатом или полной творческой неудачей.

Помимо способностей, занятия живописью – это труд, труд и труд, это затраченное без всякого ограничения время, постоянная самостоятельная работа, бесконечное обогащение интересов и знаний. Каждый идет своей дорогой, по своему лучику к солнцу. Да, отсутствие школы иногда приводит к неудачам, но учиться поэтапно может каждый, начиная с рисунка, азов объема и штриховки. Гораздо более важным является умение Мастера научить делать любую учебную работу творчески, превра-

щая ее в ступеньку на пути познания тайн изобразительного искусства.

Студийцы все напряжение ума и чувств отдают постижению перспективы и светотени, приемам изображения воздуха и передачи солнечного света. Появляется желание экспериментировать с лаками и красками, растворителями, новыми материалами. Рисование сложных драпировок с тщательным копированием малейших складочек делается с терпением и прилежанием. Те, кто хочет рисовать животных и птиц, должны понимать их анатомию и типичные повадки, рисуя цветы, видеть и чувствовать на кончике кисти атлас тюльпана, шелк подвижного, послушного каждому движению ветерка лепестка мака. Перед каждым, пишущим портрет, встают труднейшие задачи не только воссоздания модели, передачи анатомии и объема, но и, конечно, отображения образа, характера человека.

Студия для многих не только интересное увлечение, но и возможность обрести друзей, это место небытового общения, интересных праздников, юбилеев.

Студия хорошо оборудована, это полноценная художественная мастерская. В помещении студии уже двадцать шестой год кропотливо и старательно собираются предметы для натюрмортов: музыкальные инструменты, предметы крестьянского

быта и обихода, ткани для драпировок, стеклянные и металлические сосуды и блюда. Есть гипсовые слепки для работы над рисунком. Каждый студиец может создать интересную сюжетную постановку, ставя задачу написания художественно цельного, интересного по цветовому решению натюрморта.

Многие студийцы работают над живописным воссозданием того, что любят: скромных полевых цветов, любимых дачных участков, увлечений (охоты, рыбалки). Этюды, созданные на пленэре, передают общую для всех глубокую любовь к красоте наших лесов. Ведь известно, что пейзажи пишут поэты пространства, а натуру – поэты объема.

Картины студийцев украшают интерьеры их собственных квартир и дач, жилища их друзей и родственников. Обладая эксклюзивностью, такие работы вызывают интерес в течение длительного времени, при этом зритель часто находит все новые интересные детали. Такие картины – оригинальный подарок к юбилеям, праздникам, семейным событиям. Они посылаются иногда не только в другие города, но и в другие страны детям и внукам как знак незаурядной творческой натуры автора, сближая разные поколения на самой продуктивной – творческой основе. Для некоторых студийцев они становятся основой семейного собрания живописи и, радикально отличаясь от репродукций и постеров, свидетельствуют гостям дома о художественном вкусе хозяев.

Всегда интересны минуты общения с Мастером над художественными альбомами. У Валерия Павловича не всегда традиционные, общепринятые взгляды на произведения живописи. Но его точка зрения всегда аргументирована, тщательно выверена. Она отражает точку зрения специа-

Руководитель народной изостудии
Валерий Павлович Елкин.

листа, много времени отдавшего изучению истории живописи, пониманию этапов ее развития, особенностей почерка мастеров разных эпох. Такие занятия вызывают не только обмен мнениями, но порой и бурные дискуссии.

Изостудия имени Алексея Павловича Холмогорова под руководством Валерия Павловича Елкина – известный в художественной среде города Ижевска творческий коллектив. В 1990 году коллективу было присвоено звание «Народная изостудия».

НОВЫЕ КНИГИ

Александр Боровский. История искусства для собак. Москва: «Амфора», 2012. Заведующий отделом новейших течений Государственного Русского музея, автор более двухсот работ по истории искусства XX века Александр Боровский так прокомментировал свою новую книгу: «Я прекрасно понимаю, что художники уже всем надоели, а собаки все-таки персонажи новые... Почему родилась эта книга? Потому что я не удовлетворен ситуацией в современной художественной критике, в отличие, скажем, от театральной, киношной и балетной, что она стала полем сведения каких-то силовых интересов, борьбы за власть и использованием бесконечной унылой псевдофилософской терминологии...». Марат Гельман отозвался об «Истории...» так: «В этой книжке Боровский предстает не только как критик, но и как писатель, тонкий и остроумный. Как бы в пик унылой критике, из-за которой современное искусство потеряло свою аудиторию. У Олега Кулика есть работа «Семья будущего». В такой семье эта книга была бы настольной».

Ирина ПРОКОШЕВА

прозаик, драматург,
Ижевск

ЗАПИСКИ ИЗ НИОТКУДА

День № ;

Я просыпаюсь в белой комнате. Я лежу в углу, свернувшись калачиком, и смотрю на ослепительно яркий квадрат окна, абсолютно идеальный, не украшенный драпировкой штор или жалюзи. Единственное, что подсказывает мне, что я не дома, – металлическая решетка по ту сторону стекла. Думаю, что это хорошо: ни один зверь не пролезет через этот частокол прутьев.

Я – птица, которую охраняет клетка.

Оказывается, в комнате есть люди. Это женщины непонятного возраста. Одна из них смотрит на меня в упор. Я перевожу взгляд на других. Они заняты своими делами и не интересуются мной. Все сидят на кроватях с ногами, и только я на полу в углу.

Та женщина все смотрит на меня, но не разглядывает, а ловит мой взгляд. Мы изучаем друг друга долго и упорно, когда она вдруг вскрикивает, хватается одной рукой за ворот рубашки, а другой прикрывает в ужасе рот. Мы играем в гляделки еще пару минут, и у нее начинается истерика. Она бьется в конвульсиях и истошно визжит. К ней присоединяется вторая женщина, затем третья. Их вопли мечутся под потолком словно испуганные птицы и медленно превращаются в крики дикой обезьяньей стаи. Я морщусь. Эти звуки тревожат мои нервы, кожа покрывается мурашками, мысли сме-

шиваются, я хватаю зубами мякоть ладони и до боли, до боли сжимаю челюсти.

Вдруг дверь в стене – невидимая дверь в невидимой стене – распаивается, и влетает ангел. Он высок и строен, его черты неопределенны – он не женщина, но и не мужчина. Он хватает визжащий комок, прижимает, прижимает его к кровати и что-то говорит очень тихо, спокойно и властно. Все успокаиваются, слышатся лишь невнятные всхлипы. Ангел поворачивается ко мне и смотрит своими странными серозелеными глазами. Он протягивает руку:

– Ты хочешь встать?

Я отрицательно мотаю головой.

– Вот рядом твоя кровать, можешь лежать там.

Я не хочу на кровать. Не хочу быть похожей на одну из этих куриц. И потом, кровать стоит слишком близко к окну. А за окном по ночам тлеют огоньки волчьих глаз.

Тем не менее, меня поднимают и провозжают на железную кровать. Она очень старая – когда я сажусь, сетка подо мной проваливается, и я оказываюсь в яме. Моя пятая точка почти касается пола. По правде признаться, очень странные ощущения.

– Тебе удобно?

Нет, мне совсем не удобно. Я не хочу здесь оставаться.

У ангела на животе пятно от чая. Меня

водят за нос? Да и ощущения далеки от райских.

– Ничего, ты привыкнешь. Можешь с кем-нибудь подружиться. Все рады тебе.

Как бы не так, мой фальшивый ангел. Неудачник не дружит с неудачником. Это же закон полярности – минус тянется к плюсу, но никак не к подобному минусу.

– Когда наступит время обеда, вас позовут. Столовая в конце коридора. Ты будешь сидеть за столом со своими соседками...

День № ;

Мне постоянно снятся сны. Странные. Яркие. Какие-то обрывки прошлой реальности, в которой я, кажется, кого-то потеряла. В этих снах у меня нет дома. Меня никто не ждет. И сама я удивляюсь тому, что я есть. И мне все время кажется, что я что-то упустила. И что стоит только это найти, все встанет на свои места, меня снова увидят, узнают, может, позовут. Чувство беспокойства постоянно преследует меня. Кажется, стоит лишь отвернуться, как за краем глаза произойдет что-то, что невозможно будет обратить вспять. Так что я всегда на страже.

Но в каждом сне, который я видела, неизбежно случается что-то, чего я не замечаю. Это вытаскивает меня из цепких лап сна, заставляя остаток ночи маяться в неудобной яме моей кровати, в попытках вспомнить все детали, упорядочить, сложить в маленькие настенные ящички моего мозга, зафиксировать. Поймать. До всего этого времени я считала бессонницу чем-то вроде бесплатного приложения к ночи. Сон казался более неестественным состоянием в эту часть суток, когда и начинается самая охота. Если ты спишь, значит, ты – жертва. Если же ты бодрствуешь, у тебя есть шанс стать охотником. Главное – помнить, что на каждого охотника найдется другой, еще более умелый и сильный. Каждая жертва мечтает стать охотником, чтобы исключить себя из разряда первых. Каждый ли охотник мечтает стать жертвой? Подозреваю, что есть и такие.

С точки зрения эволюции, каждый имеет шанс стать хищником. С точки зрения кармы, каждый хищник в другой жизни станет добычей.

Таким образом, раньше я не спала потому, что отказывалась быть добычей. Теперь... Сами понятия «охотник» и «добыча» звучат как-то нелепо в этих больничных стенах, где каждое слово соскальзывает на пол, не имея на своем пути даже гвоздика, чтобы зацепиться за него. Эти понятия принадлежат к категории жизни, а здесь жиз-

ни нет. Здесь есть только один длинный бессмысленный сон, навевающий бессонницу. Получается, я все время ищу выход – выход из сна. Иногда я сплю и вижу сны во сне. Но мой мозг не хочет жить в иллюзии, которую накидывают на него, словно тюль на оконную дыру. Мой мозг заставляет меня бодрствовать – одну дверь открыть легче, чем две, особенно если нет ключей. Нет, не легче. Но воодушевляет.

Когда же, утомленная бесчисленными однообразными сутками, я все же спускаюсь в царство Морфея, мне снятся эти странные сны, такие яркие, что реальность тускнеет рядом с ними.

Когда я вижу на лицах моих соседок удовольствие, с которым они натягивают на свои подбородки старенькие казенные одеяльца, я понимаю, что они уже променяли какую бы то ни было реальность на ту, в которой они якобы счастливы, в которой не надо принимать решения и которая настолько странна сама по себе, что их странность там – почти норма.

Они тоже видят яркие сны. Очень яркие и очень впечатляющие. Они просыпаются обессиленные, ибо сны выкачивают энергию. Они пытаются рассказать о богатстве красок и ощущений своим убогим языком, терпят поражение, расстраиваются, замыкаются в себе или, напротив, звереют, трясут меня за ворот, чтобы до меня дошло, наконец. Но до меня доходит только нянечка, чтобы спасти от этих назойливых рук и цепких пальцев, не отпускающих меня ни здесь, ни во сне.

Итак, есть два состояния – сон и сон во сне. И еще реальность, но это за гранью моего теперешнего состояния. Сон тускл и сер; сон во сне – ярк и насыщен красками и звуками. Сон отличен от той реальности, которую я помню; сон во сне повторяет ее безошибочно точно. Так же точно, как мое отражение в зеркале или, что несомненно страшнее, ибо действительнее, в оконном стекле повторяет меня саму. Но она – не я, точно так же, как сон во сне – не реальность.

Это – то, что я написала в прошлый раз. Это – то, в чем пытался разобраться врач, играющий во врача. Он сказал мне – подумайте только! – что я все контролирую. Этим он хотел дать мне понять, что все зависит от меня, от моего желания. Он хотел сказать мне, что я сама выбираю, где мне быть, – по эту сторону забора или по другую.

Я подумала минуту, а потом спросила, могу ли я поменяться местами с той, что по другую сторону стекла. «Нет», – сказал он

мне. И я ответила, что, похоже, не все зависит от моего желания.

День № ;

Дурная бесконечность дней сменяется бесконечной пустотой ночи.

Густая и вязкая, как горячая карамель, она ложится на грудь и мешает вдохнуть те жалкие остатки кислорода, что остались еще в палате после дневного проветривания. Никому нет дела до меня. Впрочем, и мне самой. Остались только ритуалы: утром – умываться и завтракать, днем – обедать и спать, вечером – ужинать, ночью – маяться чередой снов и бессонницы. Нормальный человек сойдет с ума от такого распорядка дня, а нас уверяют, что мы идем на поправку.

Иногда врач врет больному, чтобы не отвлекать его последние дни жизни...

День № ;

Когда появились первые цветы, мне разрешили выходить в сад. Это был старый больничный сад, заросший тополями и кустами шиповника. Он был обнесен изгородью, на которой развевались длинные тонкие нити вьюна. Там была тропинка, на которой едва могли разойтись два человека. Она окружала здание больницы и выходила на маленькую спортивную площадку с разноцветной лесенкой, ведущей в небо, с одной баскетбольной стойкой и столом, на каких раньше играли в домино, а теперь раскладывают фрукты в дни посещений, если не хотят заходить внутрь, выискивая среди сотни бледных придурковатых лиц одно-единственное, – лицо человека, бывшего когда-то родственником или другом.

После всех этих каждодневных картин убожества, ярости, бессмысленности, истерии, страха, ненависти, похоти и паники выход на улицу, пусть даже под серое неуютное небо, на голую неприветливую землю, был настоящим спасением для меня.

Я наклонялась над первым маленьким желтым цветочком на мохнатой ножке и радовалась, что могу это видеть и ощущать как что-то действительно, относящееся к природе, к миру, к красоте. Я была безумно счастлива, что не успела заразиться общей апатией к жизни и себе. Цветок символизировал новый этап моего существования.

Я поняла, что могу выйти отсюда, что в мире очень много красоты, к которой можно идти разными дорогами, но только не этой, замкнувшейся кольцом вокруг дома скорби. Я видела другую дорогу, за больничным забором, по которой ездили машины, вдоль которой изредка проходили люди. У них были

свои дела в большом мире. Я видела точно такие же желтенькие цветочки по ту сторону. Они не боялись расти там, где их могли переехать, где на них могли наступить.

Наматывая круги после завтрака, я привыкала к мысли о прямой дороге, уводящей меня за горизонт и никогда не делающей петлю, чтобы вернуться. Я не позволяла себе думать об этом слишком часто, чтобы привыкнуть постепенно и не поддаться чрезмерному ликованию, прогорающему, как бумага на ветру.

Некоторые больные, которым, как и мне, были прописаны прогулки на свежем воздухе, стояли у забора до тех пор, пока их не уводили. Нет, они не хотели уйти *туда*. Они просто прощались с настоящей жизнью и не могли заставить себя прекратить этот бессмысленный ритуал. Наверное, потому, что он не был бессмысленным для них, а, напротив, весь смысл их жизни был именно в исполнении этого ритуала.

Иногда кто-нибудь забирался на стол и вещал собственные экспромты, сочиняя не только истории и действия, но и новые слова, разбавленные корнями старого доброго русского мата – аналог этому не придумывался. Эта абракадабра быстро всем надоедала, оратора скидывали со стола и лишали права голоса. На лестницу и баскетбольную корзину охотников было мало.

Наши нянечки не слишком любили нас. Да, собственно, и не за что было. Мы гадили в постели, блевали в собственные тарелки, тыкали вилками друг другу в глаза, все время путались под ногами и ничего не понимали. Последнее особенно раздражало. Как можно уговорить или наказать человека, если он тебя не воспринимает? Проще из камня выбить воду.

Думаю, за все время работы здесь наш обслуживающий персонал сам слегка съехал с катушек. С кем поведешься...

Приходящие люди почему-то боялись нас. Нас, которые готовы были умереть от страха, заслышав случайный ночной звук. Но сила наша была в непредсказуемости. И некоторые успешно пользовались ею, чтобы укрепить свое положение среди других больных.

В моей палате часто до полуночи велись разговоры о притворстве. Все были уверены, что они абсолютно здоровы, но так умело притворяются, что ни один врач их еще не раскусил. Между тем, самый простой вопрос – зачем они это делают – поставил бы их в тупик. Именно поэтому он никогда не задавался.

Я не была инициатором таких разгово-

ров, но всегда поддерживала их, ведь мне, как и другим, так необходимо было чувствовать себя полноценной...

День № ;

Не имеет смысла сходить с ума, если это не приносит удовольствия. А это не приносит удовольствия, даже если ты уверен, что тебе хорошо. Почему? Потому что человек привыкает ко всему. К счастью, к страданию, к риску, к покою, к удобству и неудобству, к лишениям и улыбке фортуны.

Быть в нужде неприятно, но не смертельно. Быть богатым – приятно, но кроме материальных привилегий, никаких других не добавится.

Апатия – это то, что происходит, когда понимаешь, что нет разницы между большим и маленьким, холодным и горячим, вкусным и несъедобным, мертвым и живым. Я не рождалась с этими категориями и никогда не сомневалась, когда мне говорили, что это – плохо, а это – хорошо.

Возможно, было бы честнее с *их* стороны сказать мне, что разница не принципиальна. Возможно, я могла бы составить свою «горячую десятку» плохих и хороших вещей в моем мире. Но все произошло не так. И я, потеряв веру в неизменность неизменных вещей, не нашла в себе сил создать свои неизменные вещи. Я оставила все так, как случилось, и живу среди развалин чужого мира, который, за неимением другого, стал и моим.

Меня нельзя считать сумасшедшей, ведь я не веду себя как-то по-особенному, разве что чуть больше боюсь, чем остальные, что, в свою очередь, доказывает, что не все совсем безоблачно.

Это – то, что я написала в прошлый раз. Это – то, в чем пытался разобраться врач, играющий во врача. Он сказал мне, что у меня очень сильное стремление к принятию решений, что я предпочитаю находиться в пограничном состоянии – между тем и этим.

Я спросила его, существует ли средство лечения между психологическим убеждением и волшебной таблеткой? «Нет», – сказал он мне. И я ответила, что, похоже, он недостаточно квалифицирован, чтобы решать, больна я или здорова. И, если уж на то пошло, я могу быть здоровее всех, живущих здесь, и одновременно больнее всех, живущих там. Достаточно ли он смел, чтобы посадить меня на забор и подождать, когда мое усталое тело рухнет на землю туда или сюда, сделав, таким образом, выбор за мой ум?

День № ;

Узкая душевая наполнена паром и запахом мыла. Женские тела, похожие на мраморные скульптуры в каком-нибудь частном парке восемнадцатого столетия, – ветвь винограда легко заменяет витая молчалка. Фигуры, достойные пера Рафаэля, – пышные бюсты, крепкие бедра, белизна шей и животов. Нега.

Я тянусь руками к самой сеточке душа, позволяя воде скользить по моему телу, не встречая препятствий. Я – тоненькая струна, впитывающая тепло. Мне еще не трудно вспомнить, как я принимала душ каждый день, мыла голову мягким шампунем, пользовалась станком, чтобы ноги были гладкими и безупречными, гелем для тела, который не сушит кожу. Сейчас это удовольствие возможно лишь два раза в неделю и с одним только обычным банным мылом.

Ограничение делает ощущение блаженства особенно острым. Удивительное существо человек – дай ему все, и он будет несчастлив из одного только сознания того, что он, могущий позволить себе любую вещь на свете, все же не в состоянии купить даже малую долю счастья. Отбери все – он будет несчастлив тем, что раньше не понимал, как это прекрасно – быть всемогущим.

День № ;

Я прихожу к мысли, что логика не имеет преимущества над чувствами.

Женщина, вопящая полчаса о том, что она здорова, доказывает всем и себе в первую очередь свою уязвимость и слабость, а, следовательно, неправоту.

Я же, рассуждая логически беспристрастно, умудряюсь доказать всем окружающим то же самое.

День № ;

Когда жизнь кажется такой хрупкой, что ее можно разбить сжавшейся ладонью, когда чувство потери строит перед тобой кирпичную стену, невысокую, но достаточную для того, чтобы ощущать себя по эту сторону, когда зависимость от закатов и расветов становится как никогда обременительной, когда, в конце концов, предметы начинают терять собственные очертания и становится все равно, то есть все равняется всему, тогда приходит эта сила.

Все привязанности рождаются в уме. Уму необходима хотя бы малая часть правды, за которую можно зацепиться и которую можно лелеять, за которую можно страдать и даже умереть.

Когда правда оборачивается ложью, и даже не ложью, а просто ничем, возникает пустота.

Отсутствие привязанностей ведет к смерти ума. К без-умию. Но безумие само по себе не страшно. Отвратительно, безобразно, но не страшно. Страшна сила безумия, ибо такую силу невозможно контролировать.

Я никогда не задумывалась над тем, почему человек в состоянии агрессии стремится к разрушению. Что заставляет его ненавидеть мир как нечто целостное, призывая довести окружающее до состояния абсолютного распада? Почему вид собственной крови, сочащейся из порезанной разбитым пузырьком руки, приводит нервную систему в истерический восторг?..

День № ;

Я смотрю на ее руки, раскладывающие жидкую кашу в наши поцарапанные тарелки, я смотрю на ее лицо, выражающее полную отрешенность от происходящего. Она словно боится заразиться от нас. Мы настолько убоги, что вызываем брезгливость.

Думаю, именно так относились раньше к больным проказой. Но она нас не жалеет, как пожалела бы таких больных, у которых их болезнь обозначена внешне. Если отсутствие глаза, ноги, рук, слуха, голоса мешает восприятию окружающего мира, искажает его оболочку, заставляя искать альтернативные методы взаимодействия с ним, то, несомненно, такого человека можно понять, ему должно посочувствовать. Наличие костыля дает привилегию быть принятым в общество.

А мы абсолютно здоровы с точки зрения физиологии. У нас нет проблем ни с желудками, ни с давлением, ни даже с эрекцией у мужской половины. Мы негодяи и тунеядцы – не работающие, ведущие растительный образ жизни, в то время как людям, достойным большего счастья, чем мы, приходится гнуть спину, моя за нами эти вонючие тарелки, круговорот которых уже осточертел до невозможности.

Иногда она позволяет себе сладкую месть, когда, собравшись нашим маленьким стадом у закрытого картонкой раздаточного окошечка, мы ждем своей доли, жадно втягивая в ноздри дразнящий запах варена и хлеба. А она нарочно медлит, гремит половником по краю бака, приводя нас в животное неистовство. Проходит минута, вторая, звуки застывают, и ничего не происходит. Мы волнуемся, мы боимся, что она забыла про нас, что она просто вышла через заднюю дверь и отправилась домой,

туда, где для нее все намного важнее.

В таком случае некоторые из нас, например, я и еще пара женщин, тихо обходим помещение кухни и заглядываем с другого входа. Для этого надо слегка приоткрыть скрипучую дверь, откуда сразу же в полутемный коридор врывается полоса света и резкий окрик:

– Да что это такое!

Мы дружно отскакиваем и, обгоняя друг друга, мчимся обратно в очередь. А окошко уже открыто, все довольно гудят на разные голоса. Ее лицо выражает презрение и некоторое удовольствие от сознания собственной силы. Она швыряет нам тарелки, словно делая одолжение. А мы, в свою очередь, отчего-то заискиваем перед ней. Как будто от нее зависит наше благополучие. Мы сами своей слабостью возвращаем в ней это чувство значимости.

Еда, по правде говоря, просто отвратительна – безвкусная жижа овсянки на воде, как будто ее сварили по второму разу, пустой суп – просто кипяченая вода с капустными листьями. Иногда я нахожу длинный вьющийся волос в своей тарелке и показываю его близидящей, вызывая в ней приступ нервного хохота. Тем не менее, я съедаю все, подчищаю тарелку кусочком хлеба, но чувство легкого голода не отпускает меня.

Блаженны родственники, навещающие своих безумных ближних, приносящие вкуснопахнущие свертки, из которых и мне иногда что-нибудь перепадает. Обычно, кусочки вареной колбасы с гораздо более тонким вкусом, чем у копченой, тугой сыр – его можно долго держать во рту, высасывая соленость, карамель – я бы с радостью поменяла ее на хлеб, но тоже неплохо. Фрукты, орехи и шоколад недоступны мне.

И все же с этих передачек мне достается больше, чем другим неимущим. Потому что я часто вижу с самим доктором. Этот факт так возвышает меня над остальными, что они чувствуют себя обязанными выразить свое почтение и уважение таким вот образом. Они дают мне взятки, а я не спрашиваю, за что.

Это – то, что я написала в прошлый раз. Это – то, в чем пытался разобраться врач, играющий во врача. Он сказал мне, что мое стремление занять нишу между нуждающимися в лечении и медперсоналом вполне закономерно, учитывая мою патологию. Что именно по этой причине я неохотно сближаюсь с другими лечущимися – он так и сказал – «лечущимися», весьма неуклюже заменив слово «больные», которое,

в общении с нами является своеобразным табу, – чтобы окончательно не записаться в их ряды. И именно поэтому я ерничаю в общении с ним, дабы убедить его, что и называть меня здоровой никак невозможно. Но что человек, пытающийся играть безумного, полагающий, что он все же абсолютно здоров, тем не менее, таковым не является. Это был ответ на каждодневные разговоры в нашей палате. Я спросила его, кем, в итоге, он меня видит – сумасшедшей, прикидывающейся здоровой, или здоровой, прикидывающейся сумасшедшей? «Пока не знаю», – сказал он мне.

И я ответила, что согласно его размышлениям на тему игры в безумие оба варианта ведут к одному знаменателю – я держусь здесь.

День № ;

Когда я стою у окна, глядя на пустой сквер, я вспоминаю, как каждую ночь через него открывается мне вид другого мира. Мой взгляд сейчас, устремленный наружу, ползет по прошлогодней листве, мысленно фотографируя ее, – для чего? Для чего я запомню это? Не для того ли, чтобы позже, отбросив тусклость и движение, вызванное дуновением ветра, почувствовать само ее существование? Не для того ли, чтобы увидеть ее снова, но не глазом, а собственным существом почувствовать наличие Вещи в пространстве? Еще одной, окружающей меня, отвоевывающей место для действия либо статики, но, в любом случае, – наполненности частички мира.

Потом, когда образ теряет имя, когда слово станет неактуальным, наступит молчание, уравнивающее все.

Молчание – истинная ценность, ибо оно существовало до Слова, с которого начинается история создания мира. Молчание отличается от тишины. Тишина – звук пустоты. Молчание – звук присутствия.

Когда молчание было нарушено, пошел отсчет превращения Космоса в Хаос.

Слово завладело нашим языком, затем нашими мыслями, вытеснив чистоту восприятия, оно оценило и проштамповало каждую вещь, лишив ее изначальной уникальности.

Например, слово «стекло» не передает ощущение тяжести бокала в руке, холодность оконной рамы зимой, хрупкость летящей на пол кофейной чашки, ее удар о плиточный пол, ее «цинг!», от которого как-то жалобно сжимается сердце, ее смерть, мгновенно обесценивающая все предыдущее существование.

Слово есть отрицание смысла вещи.

День № ;

Ночью в палате невыносимо темно. Кто-то хрипит во сне, разгоняя мой покой. Я встаю, чтобы выскользнуть из этой темени на тусклый, голубоватый свет коридора.

В маленьком холле прямо напротив моей палаты стоит стол, а на нем картонные ящики, забитые макулатурой советского периода. В основном это книги о стройке, о подвиге, о воспитании советских детей, о продажном капиталистическом Западе, о дружественном угнетенном Востоке.

Это литература другого измерения, от которого так легко отказалось старшее поколение, воспевающее чистоту того периода, но продавшееся-таки за Чейза, Ван Дамма и яркие заграничные упаковки.

А мы, выросшие на жвачках Турбо, Бунти и Фанте, уже ничего не выбирали, только «хавали»...

День № ;

Мы целыми днями слоняемся по прохладным гулким коридорам, вдоль серых, давно некрашенных стен, словно роботы, лишенные хоть какого-то подобия искусственного интеллекта, обходящиеся одной простой платой, запрограммированной на переставление нижних конечностей.

Так что простой поход в туалет для нас – целое событие. Мы подбираем себе напарника, договариваемся на ближайшее время, когда один еще терпит, а другой уже немного хочет. Идем очень медленно туда и еще медленнее обратно. Сидя на горшке, ведем неспешные беседы. Особо ценятся философы, способные вести длинные, ни к чему не обязывающие диалоги, которые в большей степени являются монологами, так как другая сторона предпочитает отбрыкиваться «да-да» и «угу» – поддержать разговор могут немногие.

Иногда, когда я сама предоставляю себе слово и начинаю рассуждать, например, о преимуществе религии аборигенов островов Океании над христианской религией, то удивляю не только свою слушательницу, но и себя саму.

– Знаешь ли ты, – говорю я, – что у аборигенов островов Океании нет понятия абсолютного зла?

По выражению ее лица я понимаю, что она очень далека от заданной мной темы. Вероятно, не встретив меня на своем жизненном пути, она бы никогда не столкнулась с этой проблемой. Но ее искреннее удивление так воодушевляет меня, что я продолжаю:

– Видишь ли, у христиан аспект абсолютного зла представлен в образе Дьяво-

ла или Сатаны. И получается так, что зло существует параллельно с Богом и так же неизбежно, как сам Бог. Мы не можем бороться с дьяволом, мы способны только избегать его искушений. И то не без помощи Бога. Мы не можем представить себе мир, освобожденный от зла. А вот аборигены островов Океании не знают, кто такой дьявол. Почему, спросишь ты, ведь понятия «плохо» и «хорошо» идут от противопоставления добра и зла, а если понятие «плохо» не существует, то как выделить, как отличить добро? Твой вопрос очень логичен и закономерен, – я задумываюсь на минуту.

– Дело в том, что у них развит политеизм, то есть многобожие. Одни боги управляют природными явлениями, другие человеческой жизнью, третьи приносят удачу или насылают проклятья. Причем один и тот же бог может иметь как отрицательные черты, так и положительные. Например, какой-нибудь бог любит устраивать мелкие пакости, но перед лицом большой опасности он встанет плечом к плечу с человеком и будет давать отпор неприятелю. Так что нельзя его назвать ни слишком хорошим, ни действительно плохим. Поэтому зло для представителя данной веры – проявление качеств того или иного божества, и такое поведение носит временный характер. И еще со злом можно бороться: если какой-нибудь нехороший человек наслал на тебя порчу, то достаточно найти квалифицированного шамана, который без труда эту порчу снимет, – мы обе киваем прошедшей мимо медсестре.

– Я веду это к тому, что разве это справедливо – с самого нашего юного возраста мы вынуждены взваливать на свои плечи часть первородного греха, бояться Бога, испытывать ужас перед Дьяволом, представлять сцены ада, которым нас страшат праведники. А рай – это место и вовсе недоступно для нас, это все равно, что кость, которой машут перед мордой голодной собаки. Разве не естественно то, что далеко не каждый человек может стать праведным? Почему же хорошему, но не верующему человеку отказано в рае? А как же быть с не слишком плохим и одновременно с не слишком хорошим человеком? Ему тоже в ад? – Я сглатываю.

– Вся наша жизнь наполнена страхом и безнадежностью. И именно это толкает нас совершать грех. Ведь если рай нам не светит, то и терять, получается, нечего. Ты знаешь, что человек способен на все, если ему нечего терять? – Я останавливаюсь от собственного осознания этой простой вещи.

– А как же решаются эти вопросы у язычников? Когда умирает язычник, он уходит в мир, который называют землей предков. Все. Нетрая, нет ада. Все равны. Так и должно быть – живые пусть думают о жизни, а не о том, куда их приведут грехи – в кипящий котел или на раскаленную сковороду, – картины детских страхов пролетают перед моими глазами.

– Страшно то, что мы, воспитанные на изначальном страхе, не мыслим без него собственную жизнь. Страх, словно яд, пропитывает и отравляет наше существование, – я разворачиваюсь лицом к моей собеседнице.

– Сейчас я говорю тебе: сжигай страх в своей душе, пока он не сжег тебя изнутри. Не поддавайся ни Богу, ни Дьяволу – они лишь используют тебя в войне друг с другом – кто больше страха нагнал, тому ты и служишь. Но оба они – только две категории. Бог – отрицание (хаоса, греха), дьявол – отрицание самого отрицания. Или можно рассматривать так: дьявол – отрицание (Бога, порядка, праведности), Бог – отрицание этого отрицания. Вера – это, прежде всего, попытка примирения двух начал. Или попытка отделить одно от другого, найти грань, в которой нет разницы между злом и добром, – я опять задумалась. – Если и когда кто-либо из нас найдет точку равновесия, изменится ли его жизнь? И если да, то как?

Я смотрю на стоящую рядом со мной женщину, словно вижу ее в первый раз. Она как будто слушала меня, но не слышала. И я поняла, что ей абсолютно все равно, есть ли на свете Бог и помнит ли он о ней. И для нее совершенно не важны какие-то там ответы, так как она никогда не задает вопросов. И я поняла, что она-то и есть тот человек, живущий на грани, где разницы нет. Тогда я поняла, что как бы долго ты ни искала истину, важно уметь отказаться от нее, если все, что она предлагает – забвение.

Это – то, что я написала в прошлый раз. Это – то, в чем пытался разобраться врач, играющий во врача. Он сказал мне: «Вы уже чувствуете нежизнеспособность своего мировоззрения? Поиск «золотой середины» ведет лишь к статичности разума, а ваш разум не может смириться со статичностью. Выбор религиозной темы вполне ожидаем – о Боге не рассуждает только ленивый. И все же я должен предупредить – не стоит ворошить эту тему, все рассуждения о Боге и Дьяволе неизбежно ведут к ереси».

И я в первый раз согласилась с ним...

ФОТОИСКУССТВО

Мирела МАЗУР

преподаватель,
Польша

ЦЕЛЬ ВИЗИТА – ЛЮБОВЬ

Она не называет себя фотографом, тем более, – профессиональным, говорит, что она не «такой уж творческий человек»: из скромности. Как бы там ни было, иностранный гражданин для жителя глубинки всегда диковинка. Мне повезло видеть, как иностранка узнает Россию, получает образование, изучает культуру, учит новый язык, как удивляется новому, невиданному. Будто встретились две женщины: Мирела и Россия. Ситуация удивительная. Молодая девушка двадцати четырех лет, получив образование в Испании, приезжает в Ижевск по обменной программе и немедленно влюбляется в удмуртскую культуру. Удмуртский язык, как и русский, она осваивает почти мгновенно, буквально за несколько месяцев. Мирела сама водит машину, занимается альпинизмом, имеет право преподавать испанский язык во всем мире, работает с фотографией, ведет блог на удмуртском языке, занимается музыкой. Такие светлые люди как Мирела дают понять очень простую вещь: там, за океанами и кордонами, живут такие же люди – с десятью пальцами на руках и красной кровью, такой же как у нас, они дышат тем же воздухом и любят той же любовью. Человек любой национальности, любого гражданства имеет право создавать прекрасное. Возможно, что это не право, а обязанность.

Андрей Гоголев

Лавочка. Фоторабота Мирелы Мазур.

Ладони. Фоторабота Мирелы Мазур.

Человек с собачкой. Фоторабота Мирелы Мазур.

Колокол Воткинского собора. Фотограф Илларион Сорокин.

Одуванчики. Фоторабота Ларисы Логунцовой.